

63.4

и-33

Известия
об-ва археоло-
гов, историков
и этнографов

Т XII вып. II
- 1894г.

63.4
9026.
и 33

ГОМ 8218
157

М. Стусова

N 3002 43

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XII, вып. 2.

СОДЕРЖАНІЕ.

О погребальныхъ обычаяхъ турецкихъ племенъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Н. Э. Катанова. 109 - 142.

Русскіе въ якутской области въ XVII в. М. А. Красовскаго. 147--176.

Хроника. Пермская археологическая выставка 1894 г. А. А. Спицына. 177--178.

I. Матеріалы. Археологическіе. Городище япончино на р. Кубнѣ. Г. Ахмарова. II. Историческіе свидѣтельства китайскихъ и арабскихъ писателей о Туркестанѣ. III. Этнографическіе. Качинская легенда о сотвореніи міра. Н. Э. Катанова. Приключенія муллы Насръ-Эддина. Т. А. Иваницкаго. . 179--193.

1773 337
1182
1443

Оборотный билетъ
Под № 1132
19/III 1937

Горно-Алтайскій
Областной краевѣдческій музей
БИБЛИОТЕКА

КАЗАНЬ. Инв. № 1443.1209

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1894.

Оборотный Музей

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Н. К а т а н о в ъ.

О ПОГРЕБАЛЬНЫХЪ ОБРЯДАХЪ

У ТЮРКСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.

Тюркскія племена въ самое отдаленное отъ насъ время всѣ были шаманистами, а потомъ, когда въ силу историческихъ обстоятельствъ имъ пришлось расселиться по разнымъ странамъ, они столкнулись съ народами, исповѣдовавшими христіанство, мусульманство и буддизмъ, и стали исповѣдывать эти три религіи, сохранивши впрочемъ нѣкоторые обряды прежней своей религіи, т. е. шаманства. Болѣе всего шаманскихъ обрядовъ сохранилось у племенъ, исповѣдующихъ въ настоящее время христіанство и буддизмъ. Въ этой статьѣ я описываю погребальные обряды слѣдующихъ племенъ: во-первыхъ, Бельтировъ, Сагайцевъ, Каларовъ, Каргинцевъ и Карасовъ, исповѣдующихъ христіанство; во-вторыхъ, Урянхайцевъ, исповѣдующихъ буддизмъ (ламаизмъ); и въ-третьихъ, Казакъ-киргизовъ и нѣкоторыхъ Татаръ Китайскаго Туркестана, исповѣдующихъ мусульманство. О шаманскихъ обрядахъ племенъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи, было говорено въ печати достаточно; поэтому я остановлюсь только на погребальныхъ обрядахъ тѣхъ племенъ, бытъ, религію и языкъ которыхъ я изслѣдовалъ съ 1889 по 1892 годъ, по порученію Академіи Наукъ и Географическаго Общества, въ Сибири, Монголіи, Китайскомъ Туркестанѣ и округѣ Тарбагатай. Прежде чѣмъ приступить къ описанію погребальныхъ обрядовъ

вышеуказанныхъ племенъ, скажу нѣсколько словъ о погребаль-ныхъ обрядахъ древнихъ тюрковъ и народовъ, возлѣ которыхъ тюрки жили. Какъ въ древности, такъ и теперь всѣ шаманисты глубоко вѣруютъ, что загробная жизнь есть продолженіе настоящей; что въ загробномъ мірѣ есть свое солнце и своя луна, свои люди и свой скотъ; что въ загробномъ мірѣ будетъ такая же жизнь, какъ и въ этомъ, только съ меньшими невзгодами. Глубоко вѣруя, что загробная жизнь есть продолженіе настоящей, шаманисты клали и кладутъ въ могилу умершаго чело-вѣка всѣ предметы, которые онъ употреблялъ въ домашнемъ обиходѣ: сѣдло любимаго коня и одежду умершаго, деньги, водку въ сосудѣ, лукъ, стрѣлы, табачную трубку, кисеть или кошель съ табакомъ и пищу въ мѣшкѣ. Обычай класть въ гробъ покойника запасъ пищи и другіе предметы существуетъ теперь какъ у тюркскихъ племенъ, такъ и у многихъ дру-гихъ народовъ Урало-Алтайской семьи: у Черемисовъ ¹⁾, Морд-вы ²⁾, Вотяковъ ³⁾, Пермьяковъ ⁴⁾, Вогуловъ ⁵⁾, Мещеряковъ ⁶⁾, Тептярей-язычниковъ ⁷⁾, Чувашей ⁸⁾, Лопарей ⁹⁾, Остяковъ ¹⁰⁾, Якутовъ ¹¹⁾, Тунгусовъ ¹²⁾, Коряковъ ¹³⁾, Гиляковъ ¹⁴⁾ и др.

¹⁾ «Народы Россіи». Спб. 1878. Ч. I, стр. 365. С. К. Кузнецовъ. «Загробныя вѣрованія Черемисъ». Каз. 1884. Стр. 10.

²⁾ «Нар. Россіи». Ч. I, стр. 273—4.

³⁾ «Нар. Россіи». Ч. I, стр. 295. Б. Гавриловъ. Произвед. народ. слов. Вотяковъ. Каз. 1880. Стр. 183.

⁴⁾ Э. Реклю. Т. II. Азіят. Россія. Спб. 1884. Стр. 522 «Нар. Россіи». Ч. I, стр. 376 и 382.

⁵⁾ «Нар. Россіи». Ч. I, стр. 376 и 382.

⁶⁾ «Нар. Россіи». Ч. II, стр. 126.

⁷⁾ «Нар. Россіи». Ч. II, стр. 133.

⁸⁾ «Нар. Россіи». Ч. II, стр. 143.

⁹⁾ «Нар. Россіи». Ч. II, стр. 440.

¹⁰⁾ «Записки И. Р. Г. Общ.». Книга XII, стр. 335. «Нар. Россіи». Ч. II, стр. 485.

¹¹⁾ «Нар. Россіи». Ч. II, стр. 531. Н. Vambéry. Das Türkenvolk. Leipz. 1885. Стр. 162.

¹²⁾ «Нар. Россіи». Ч. II, стр. 546.

¹³⁾ «Нар. Россіи». Ч. II, стр. 590.

¹⁴⁾ А. Красновъ. «На Сахалинѣ» («Историч. Вѣстникъ»). Годъ XV. Февраль 1894).

По рассказамъ древнихъ путешественниковъ и по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Китайскими лѣтописями ¹⁾, погребальные обряды древнихъ тюркскихъ племенъ и народовъ, жившихъ рядомъ съ ними, и исповѣдывавшихъ шаманство, были слѣдующіе.

Г у н н ы. Гунны, или, какъ называли ихъ Китайскія лѣтописи, Хунну, жившіе съ III вѣка до Р. Х. по I вѣкъ по Р. Х. въ Сѣв. Монголіи, своихъ хановъ хоронили въ гробѣ, въ облаченіи изъ золотой и серебряной парчи. Этотъ гробъ вставляли въ другой, бѣльшій.

У х у а н ь. Ухуань, или Дунъ-ху, родственные Сянь-бѣйцамъ, Манжурскому племени, и жившіе съ I вѣка до Р. Х. по III вѣкъ по Р. Х. въ Вост. Монголіи, своихъ покойниковъ клали въ гробъ, и по нимъ производили плачь. Гробъ провожали съ пѣснями и плясками. Брали одну откормленную собаку и вели ее на цвѣтномъ шкуркѣ. Брали также лошадь, на которой любилъ ѣздить покойникъ, его одѣянія и вещи и все это сожигали и несли за гробомъ для препорученія собакѣ, чтобы она охраняла душу умершаго.

У й г у р ы. Уйгуры, по-монг. Ойхоръ и Хойхоръ, а по-кит. Хойху и Гаогюй, произошли отъ Гунновъ и жили въ Сѣв. Монголіи и Китайскомъ Туркестанѣ съ I вѣка по Р. Х. до XIII. Мертвыхъ они относили въ выкопанную могилу; ставили трупъ на серединѣ, съ натянутымъ лукомъ въ рукахъ, опоясанный мечемъ, съ копьемъ подъ мышкою, какъ будто живаго человѣка, но могилы не засыпали.

Д у л г а с ц ы. Дулгасцы, или Тугю (Тюрки), происходившіе отъ Гунновъ и родственные Уйгурамъ, жили по Черному Иртышу и въ сѣв. части Гобійской пустыни въ V—VII вѣкахъ по Р. Х. Если кто умиралъ, то брали лошадь, на которой ѣздилъ покойникъ, и вещи, которыя онъ употреблялъ, и потомъ все сожигали вмѣстѣ съ покойникомъ. Въ зданіи, по-

¹⁾ Монахъ Іакинѣвъ. «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена». Часть I. Спб. 1851.

²⁾ Тамъ-же, у Іакинѣва.

строенномъ при могилѣ, ставили нарисованный обликъ покойника и описаніе сраженій, въ которыхъ онъ участвовалъ. Они женились на мачихахъ, невѣсткахъ и теткахъ по смерти ихъ мужей. Такъ поступали и предки ихъ Гунны¹⁾.

Дубо. Дубо, происшедшіе отъ Гунновъ и слѣд. родственные Уйгурамъ и Дулгасцамъ, жили съ V вѣка по Р. Х. въ верховьяхъ Енисея, на югѣ смежно съ Уйгурами, а на западѣ смежно съ Киргизами (Хагасы), предками нынѣшнихъ дикокаменныхъ Киргизовъ. Дубо есть не что иное, какъ нынѣшніе Урянхайцы и Карагасы, называющіе себя Туба. Дубо полагали своихъ покойниковъ въ гробы и ставили въ горахъ или привязывали на деревьяхъ. Провожая покойника, производили плачъ такъ-же, какъ и Дулгасцы, ихъ единоплеменники.

Такъ описывались погребальныя обряды шаманистовъ Китайскими лѣтописцами. Теперь посмотримъ, что говорятъ объ этихъ обрядахъ и загробныхъ вѣрованіяхъ Европейскіе путешественники XII—XV вѣковъ по Р. Х.²⁾

П л а н о К а р п и н і й, отправленный папою Иннокентіемъ IV къ Татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ 1246 году, говоритъ, — Татары вѣруютъ, что въ загробной жизни они будутъ веселиться, будутъ имѣть тамъ стада, пить, ѣсть и дѣлать то, что было въ этой жизни. Если умретъ какой-нибудь начальникъ, то Татары, по словамъ того-же Плана Карпинія, хоронятъ его тайкомъ въ полѣ, ставятъ передъ нимъ столъ, полный кувшинъ мяса и чашку коровьяго молока. Съ нимъ погребаютъ также верховое животное со всей сбруей и сѣдломъ; ѣдутъ на могилѣ другую лошадь. Съ покойникомъ хоронятъ также золото и серебро. Разламываютъ телѣгу, въ которой онъ ѣздилъ, разрушаютъ и домъ его. Между двухъ насыпей вырываютъ яму, на подобіе погреба, ставятъ въ нее тѣло умершаго, кладутъ упомянутыя вещи,

¹⁾ На невѣсткахъ женятся теперь только Минусинскіе Татары.

²⁾ «Voyages faits principalement en Asie dans les XII—XV siècles. Par Pierre Bergeron. T. I. et II. A la Haye. 1735».

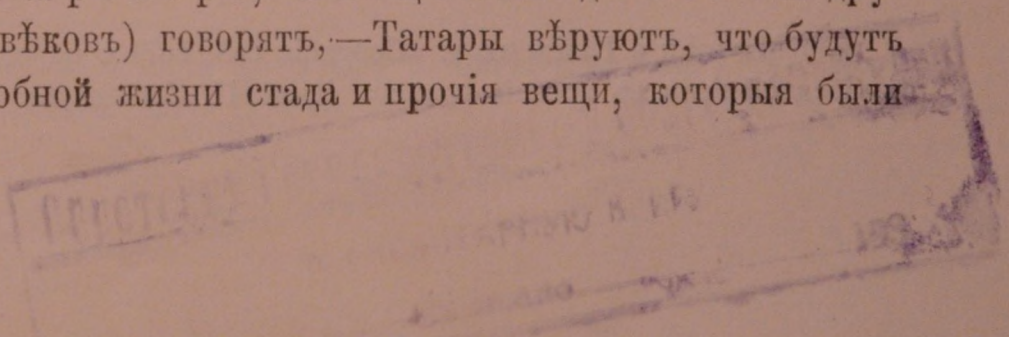
засыпають все землей, а сверху сѣютъ растенія, чтобы никто не могъ найти могилу. Родственники покойника и ихъ домочадцы должны очиститься огнемъ, разведеннымъ въ двухъ мѣстахъ. Разводятъ именно два костра, возлѣ нихъ ставятъ два копыя, которыя соединяются сверху веревкой. Подъ этой веревкой и между огней и копій нужно пройти людямъ и животнымъ, которыхъ надо очистить. Между тѣмъ двѣ женщины, одна съ одной стороны, другая съ другой, брызжутъ на нихъ водою, произнося нѣсколько словъ. Очищаютъ огнемъ и вещи человѣка, убитаго молніей.

Гильёмъ Рюисбрюкъ, отправленный къ Татарамъ въ 1253 году королемъ Людовикомъ IX, говоритъ, что Татары оплакиваютъ своего покойника громкими рыданіями и воплями, и затѣмъ освобождаются отъ платежа податей на весь годъ. Присутствовавшій при чьей-нибудь смерти не можетъ переступить черезъ порогъ великаго хана цѣлый годъ. Тотъ-же Рюисбрюкъ сообщаетъ, что у Половцевъ существуетъ обычай дѣлать надъ могилою умершаго насыпь и ставить на нее статую съ лицомъ, обращеннымъ къ востоку, и съ чашкою въ рукѣ. Надъ могилами богатыхъ и знатныхъ лицъ ставятъ маленькіе срубы на подобіе пирамидъ. Надъ могилою вѣшаютъ 16 лошадиныхъ шкуръ, по 4 съ каждой стороны. На могилѣ они ставятъ въ посудѣ кумысъ и мясо. Могилы обносятъ камнями, вертикально поставленными. 4 камня, стоящіе по угламъ, обознаютъ страны свѣта.

Марко Поло, отправившійся въ 1253 году въ Китай черезъ городъ Хами, въ которомъ я жилъ 2 $\frac{1}{2}$ мѣсяца въ 1892 году, говоритъ, что, если умереть у Татарина сынъ, еще не женатый, а у другаго умереть дочь, еще дѣвица, то родители того и другой женятъ ихъ обоихъ и, заключивши брачное условіе, рисуютъ на бумагѣ мальчика и дѣвочку, твердо вѣруя, что покойники поженятся на томъ свѣтѣ.

Писатели Кромеръ, Винцентъ де-Бовэ и другіе (XII—XV вѣковъ) говорятъ, —Татары вѣруютъ, что будутъ имѣть въ загробной жизни стада и прочія вещи, которыя были

М 3002 - 431.

у нихъ въ этомъ мѣрѣ. Покойника кладутъ въ могилѣ на возвышеніе въ видѣ трона, со столомъ, на которомъ поставлено мясо и молоко въ посудинѣ, и такъ хоронятъ его съ кобылою, жеребенкомъ и лошадыю въ полной упряжи. Другая лошадь убивается и съѣдается; шкура ея наполняется сѣномъ и возвышается на двухъ палкахъ. Все это, говорятъ Татары, дѣлается для того, чтобы въ другой жизни имѣть свою хижину, свою лошадь и свое молоко. Кости всегда сожигаются. Важныхъ особъ хоронятъ тайно отъ народа, вмѣстѣ съ ними кладутъ рабовъ. Нѣкоторые сжигаютъ тѣла своихъ родителей и берегутъ ихъ пепель, которымъ посыпаютъ мясо.

Вѣрованіе, что загробная жизнь есть продолженіе настоящей, было присуще не только Тюркскимъ, Манжурскимъ и Монгольскимъ племенамъ, когда они были шаманистами, но и Корейскимъ племенамъ, по крайней мѣрѣ это видно изъ Китайскихъ лѣтописей, обнимающихъ время со II вѣка до Р. Х. по IX вѣкъ по Р. Х. ¹⁾ У племенъ Фуюй и Гаогюйли младшій братъ, по смерти старшаго, женился на невѣсткѣ. У племени Восточнаго Воцзюй съ каждымъ покойникомъ клали вырѣзанный изъ дерева обликъ его. У племени Гаогюйли при покойникѣ клали золото, серебро и разныя дорогія вещи. Насыпь надъ могилою дѣлали изъ камней, набросанныхъ въ кучу, и обсаживали хвойными деревьями. У племени Гаоли послѣ погребенія всѣ вещи, которыя покойникъ употреблялъ при жизни, какъ-то: одѣяніе, разныя рѣдкости, телѣги, лошадей, разставляли подлѣ могилы. Племя Уги бросало своихъ покойниковъ на степи и ихъ трупами приманивало во время охоты соболей. Племя Шивей клало трупы своихъ покойниковъ на деревьяхъ. Указанныя здѣсь 6 племенъ жили въ вост. части Монголіи и въ нынѣшней Манжуріи. На основаніи сходства погребальныхъ обрядовъ этихъ 6 племенъ, причисляемыхъ Китайцами къ такъ называемымъ „восточнымъ инозем-

¹⁾ Монахъ Гакинъ. «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена. Часть II. Спб. 1851».

цамъ“, съ погребальными обрядами нынѣшнихъ Амурскихъ инородцевъ, какъ-то: Манжуръ, Тунгусовъ, Гольдовъ, Гиляковъ и Айно, можемъ думать, что эти Амурскіе инородцы произошли отъ вышеупомянутыхъ „восточныхъ иноземцевъ“, исповѣдывавшихъ шаманство, которое, сохранившись до нашихъ дней, выражается какъ въ почитаніи душъ предковъ и призываніи духовъ, водъ, горъ, огня и лѣсовъ, такъ и въ погребальныхъ обрядахъ. Что касается нынѣшнихъ Монгольскихъ племенъ, то шаманство держится у нихъ въ народѣ до сихъ поръ, хотя ламы строго преслѣдуютъ исповѣдующихъ шаманство, или, какъ они называютъ, „черную вѣру“. Призыванія духовъ какъ у Монголовъ, такъ и у Татаръ по содержанію совершенно сходны другъ съ другомъ. Погребеніе умершаго съ предметами домашняго обихода и гаданіе шамановъ о потерѣ по жжёной бараньей лопаткѣ существуютъ въ Монголіи, Тарбагатаѣ, Китайскомъ Туркестанѣ, на Алтаѣ и въ Вост. Сибири съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ. По свидѣтельству Китайскихъ лѣтописцевъ ¹⁾, писавшихъ именно исторію младшаго дома Хань, который царствовалъ съ 25 до 220 года по Р. Х., ворожба по сожигаемымъ костямъ была извѣстна и Японцамъ.

Переходя теперь къ описанію погребальныхъ обрядовъ изслѣдованныхъ мною тюркскихъ племенъ, я долженъ сказать, что у нѣкоторыхъ племенъ или совершенно не сохранилось остатковъ шаманскихъ обрядовъ, или, если и сохранилось что-нибудь, то лишь весьма немного: погребальные обряды болѣе или менѣе измѣнились согласно требованіямъ религіи, которая официально исповѣдуется.

І. Бельтиры.

(Минусин. округъ Енис. губ.).

Прежде всего, какъ у м р е т ь ч е л о в ѣ к ѣ, его обмываютъ: мужчину старикъ, а женщину старуха. Мальчика можетъ

¹⁾ Гакинъ. «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азии въ древнія времена. Часть II. Спб. 1851».

обмыть и старуха. Умершаго челоуѣка моють, посадивъ его на доску или берёсту. Обмываютъ въ переднемъ углу юрты, возлѣ огня: мужчину на южной сторонѣ юрты, а женщину на сѣверной сторонѣ. Доску, на которой обмывали покойника, больше не употребляютъ въ дѣло, а выбрасываютъ вонъ. Богатые люди надѣваютъ на покойника новую одежду, а большинство—старую; вымывъ и вычистивъ её, говорятъ: „Пусть на томъ свѣтѣ носить её-же!“ Душа (сюнэ, сюрэнэ) умершаго челоуѣка поднимается къ Богу (Кудай). Вымывши покойника, надѣваютъ на него его собственную одежду, лицо закрываютъ платкомъ, надѣваютъ и шапку, если-же дѣло происходитъ зимою, то надѣваютъ и рукавицы. Послѣ этого кладутъ покойника на кошму головою къ переднему углу. Подоставъ кошму подъ покойника, кладутъ её вмѣстѣ съ нимъ. Родственники и посторонніе мужчины собираются и идутъ „дѣлать покойнику дерево“, т. е. гробъ. Людей, дѣлающихъ гробъ, бываетъ даже до 30. Расколовши дерево и выдолбивъ его, готовятъ гробъ. Деревянную колотушку и клинъ, послѣ того какъ гробъ сдѣланъ, разрубаютъ на нѣсколько частей и отбрасываютъ подальше, говоря: „Да не дастъ намъ Богъ впередъ подобной работы!“ Гробъ дѣлаютъ изъ лиственницы или изъ тополя. Привозятъ гробъ къ юртѣ лѣтомъ на телѣгѣ и зимою на саняхъ. Везутъ гробъ, сидя на конѣ верхомъ, а садиться рядомъ съ гробомъ не дозволяется. Приѣхавши, гробъ вносятъ въ юрту; внеся, кладутъ его по лѣвую сторону покойника; положивъ челоуѣка въ гробъ, гробъ отставляютъ подальше отъ огня, къ сундукамъ. Покойника въ гробъ кладутъ не мужъ и не жена его, а люди, дѣлавшіе гробъ. Кладутъ покойника вмѣстѣ съ кошмою, на которой онъ лежалъ; поднимаютъ и кладутъ, взявши за кошму руками. Потомъ пьютъ вино и ѣдятъ мясо, устраивая поминки. Покойникъ эту ночь пробудетъ въ юртѣ, а на второй день увозятъ его на степь (т. е. кладбище).—Въ древнее время дѣлали еще такъ, что сдѣлали любимаго коня покойника его-же сѣдломъ въ самый день смерти, привязавъ въ торокà вещи покойника, даже топоръ.

Чолку и хвостъ коня заплетали подобно женской косѣ. Заплеталъ обыкновенно старикъ. Затѣмъ онъ привязывалъ коня передъ дверями. Конь стоялъ на этомъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не вынесли покойника изъ юрты, даже двое сутокъ.— Подкладываютъ въ 2 мѣстахъ подъ гробъ арканъ, поднимаютъ гробъ и выносятъ его изъ юрты. Изъ юрты выносятъ сначала ноги, а потомъ и голову. Лѣтомъ телѣгу, а зимою сани ставятъ передъ дверями поперекъ (т. е. съ юга на сѣверъ), чтобы везти покойника. Туда ставятъ гробъ, головою назадъ, а ногами къ коню. Деревянный крестъ и лопатку кладутъ рядомъ съ гробомъ покойника. Положивъ эти вещи, перевязываютъ ихъ арканомъ. Какая нибудь старуха наливаетъ въ чашку, находясь еще въ юртѣ, молоко и закрываетъ чашку чѣмъ-нибудь бѣлымъ. Вынеся молоко, эта старуха говоритъ: „Да не уйдетъ вмѣстѣ съ нимъ наше счастье!“ Затѣмъ она, говоря „куруй! куруй!“ (спаси! спаси!), трижды обходитъ коня съ покойникомъ и плещетъ молокомъ, обходитъ она коня противъ теченія солнца. Принеся молоко въ юрту, прибираетъ его, а чашку закрываетъ тѣмъ же бѣлымъ. Одинъ мужчина садится верхомъ на коня и увозитъ, а другой мужчина садится на осѣдланнаго коня покойника и ѣдетъ тутъ-же. На степь (кладбище) не ѣдетъ ни одна женщина, ѣдутъ все мужчины. Ыдутъ все верхомъ. Привезя покойника, копаютъ могилу, а нѣкоторые таскаютъ камни. Снявши прахъ покойника съ телѣги (или саней), кладутъ его на землю головою на западъ, ногами на востокъ. Такъ кладутъ покойника и въ могилу. Затѣмъ приводятъ упомянутаго осѣдланнаго коня и, говоря: „Возьми своего коня!“, бросаютъ поводъ того коня на лѣвую его руку. На томъ свѣтѣ лѣвая рука станетъ правою. Поводъ бросаютъ 3 раза. Бросаетъ тотъ человѣкъ, который пріѣхалъ на этомъ конѣ. Потомъ, разсѣдлавши коня и снявъ съ него вещи, ведутъ его къ неизменному мѣсту или къ ямѣ. Люди, не боящіеся ничего, ведутъ того коня; затѣмъ, приведя его въ яму, связываютъ вмѣстѣ 4 ноги его, голову притягиваютъ межъ переднихъ ногъ его-же уздою и его-же поводомъ. Сзади межъ

ногъ и брюхомъ коня вталкиваютъ оглоблю. Народъ ступаетъ на эту оглоблю ногами. Мужественный, небоящійся человѣкъ беретъ острый ножъ и вонзаетъ его коню межъ ушей въ затылокъ. Если конь пропадетъ сейчасъ-же, то всѣ верёвки развязываютъ и уносятъ, сѣдло и узду тоже уносятъ. Тутъ-же выпускаютъ ему внутренности. Отъ этого коня не остается ничего, такъ какъ его съѣдаютъ птицы и собаки. Взявши сѣдло, узду и прочія вещи, приходятъ, чтобы прибрать „кости“ (прахъ). Къ этому времени уже готовятъ могилу, готовятъ и камни. Сѣдло разбираютъ по всѣмъ частямъ, узду разрѣзываютъ, перерѣзываютъ и арканъ. На томъ свѣтѣ всё это явится въ цѣломъ видѣ. Затѣмъ отрѣзываютъ отъ платья покойника всѣ пуговицы. На томъ свѣтѣ и онѣ окажутся на мѣстѣ. На томъ свѣтѣ вещи, которыя здѣсь имѣютъ обратный видъ, получаютъ прямой настоящей видъ. Отрѣзанныя пуговицы привозятъ домой и отдаютъ ихъ женѣ и дѣтямъ покойнаго, какъ талисманъ (кумарка). Чашку и ложку покойника тоже ломаютъ, и, изломавши, кладутъ въ гробъ. Съ лѣвой стороны къ покойнику кладутъ провизию въ чашкѣ. Вино наливаютъ въ бутылку и, отбивши горлышко ея, ставятъ тоже у лѣвой руки. Съѣвши и выпивши всё, накладываютъ на гробъ крышку и, подхвативъ гробъ арканомъ въ 2 мѣстахъ, опускаютъ въ могилу. Опустивъ гробъ, всѣ вещи, какъ-то: узду, сѣдло, арканъ, потникъ, кечимъ, кладутъ у ногъ покойника возлѣ гроба. Котѣль разбиваютъ и кладутъ тамъ-же, вмѣстѣ съ сѣдломъ и прочими вещами. На сердце умершаго человѣка кладутъ иногда монету, говоря: „Пусть счастье и душа его будутъ хороши“. Если у умершаго человѣка глаза не закрылись, то значитъ, умретъ еще кто-нибудь и улусъ его постигнетъ еще какая-нибудь непріятность. Потомъ народъ бросаетъ на гробъ землю. Прежде всего землю бросаетъ 3 раза братъ, отецъ или какой-нибудь ближній родственникъ; послѣ нихъ бросаетъ землю и остальной народъ. Послѣ сверху могилы набрасываютъ много камней. Тутъ костей съѣденнаго животнаго не сжигаютъ. Возвращаясь домой, сани или телѣгу

бросаютъ на дорогѣ, поворотивъ передомъ по направленію къ костямъ (т. е. къ кладбищу). Если увезли на кладбище деревянную лопату, то разбиваютъ её тамъ-же, возлѣ могилы. Прибывши къ юртѣ покойника, умываются. Какъ только увидятъ женщины, что мужчины уже ѣдутъ съ кладбища, на улицѣ передъ дверями ставятъ ведро воды. Послѣ того какъ умоется весь народъ, приносятъ то ведро женѣ умершаго. Жена умывается въ юртѣ. Послѣ того какъ народъ уѣдетъ на степь (т. е. кладбище) хоронить умершаго, какая-нибудь старуха или самая старшая женщина, не имѣющая родства, расплетаетъ косы женѣ умершаго и отрѣзываетъ ихъ какъ-разъ по-поламъ. Косы эти снова заплетаютъ черезъ 7 дней.—Когда умываются, берутъ воду изъ ведра и моются надъ землею. Ведро это не разбиваютъ, а цѣлымъ бросаютъ въ яму. Войдя въ юрту, народъ пьетъ вино и ѣстъ пищу. Одни уходятъ по домамъ, другіе остаются здѣсь. Оставшись, сидятъ 3 ночи подрядъ до разсвѣта, не спавши. Если кто заснѣтъ, то будятъ его, чтобы не пришла душа умершаго и не стала ходить по спящему.

Черезъ 3 дня устраиваютъ поминки, не ѣздя на кладбище. На „старшей“ (верхней) сторонѣ юрты (югъ) ставятъ одну бутылку вина, ставятъ вмѣстѣ и чашку; пищу народу ставятъ тутъ-же, вмѣстѣ съ чашкою и ложками. Эти вещи ставятъ на столъ. Въ этотъ день собирается народа мало. Половину вина и пищи бросаютъ на огонь, какъ жертву за покойника духу огня. Нѣкоторые жгутъ вино и мясо до 7 дней, а нѣкоторые—и дольше. Когда пройдетъ 3 дня, кто-нибудь ѣдетъ на степь и привозитъ оттуда телѣгу или сани, положивъ на нихъ мелкихъ дровъ.

Близкіе родственники не ѣдятъ 7 дней ни печени, ни осердія заколотыхъ животныхъ. По истеченіи 7 дней берутъ печень и осердіе и, мазнувши ими 3 раза себя противъ печени и осердія, бросаютъ ихъ къ деревьямъ. Послѣ этого разрѣшаютъ ѣденіе того и другаго. Если не прошло полныхъ 7 дней и если кто-нибудь за это время поѣстъ печени или осер-

дія, то на томъ свѣтѣ у умершаго человѣка будетъ болѣть печень или осердіе. Выйдя изъ юрты, всѣ отправляются на кладбище. Ёдутъ теперь всѣ: и мужчины, и женщины; ёдутъ, какъ придется: на саняхъ, на телѣгѣ или верхомъ. Приѣхавши на кладбище, раскладываютъ огонь. Потомъ собираютъ отовсюду куски мяса въ чашку, отрѣзавъ ихъ сверху; въ другую чашку собираютъ вина отъ всѣхъ присутствующихъ; собирая по каплямъ, наполняютъ чашку. Всѣ люди подходятъ затѣмъ къ камнямъ, находящимся на могилѣ, и каждый выливаетъ часть своего вина 3 раза и говоритъ; „Пей изъ этого вина! Ёшь изъ этой пищи! Ёсть тебѣ отъ этого назначено свыше!“ Сказавши это, берутъ упомянутое по каплямъ собранное вино и по кускамъ собранное мясо и, отнеся, кладутъ ихъ на камни. Затѣмъ весь народъ пьетъ вино и ёсть мясо. Принеся вино, стоящее въ чашкѣ на могилѣ, выливаютъ его на огонь; мясо тоже приносятъ оттуда и, 3 раза взявши горстями, бросаютъ его на огонь. Вино изъ чашки выливаютъ на огонь все, а оставшееся мясо раздаютъ по одному куску ближнимъ родственникамъ покойнаго. Выпивши вино и съѣвши мясо, всѣ возвращаются домой. Огонь раскладывается обыкновенно у начала могилы (т. е. на западѣ). Возвращаются всѣ опять въ юрту умершаго; возвратившись, снова пьютъ „крѣпчайшее изъ вина“ и ёдятъ „лучшее изъ кушанья“. Потомъ расходятся всѣ. Пока не пройдетъ полныхъ 7 дней, изъ юрты покойника не выносятъ ни одной вещи; если вынесутъ, то людямъ, оставшимся въ живыхъ, не будетъ счастья (счастіе выносится изъ юрты вмѣстѣ съ вещью).

Поминки бываютъ затѣмъ черезъ 20 дней. Тогда на кладбище не выѣзжаютъ, справляютъ поминки дома. Мясо кладется на огонь, туда-же льется и вино. Потомъ, попивъ вина и поѣвъ мяса, расходятся.

Также устраиваютъ поминки и черезъ 40 дней. Тогда выѣзжаютъ на кладбища. Поминки устраиваютъ такъ-же, какъ и черезъ 7 дней.

Послѣ этого устраиваютъ поминки черезъ полугодіе, тѣмъ-же порядкомъ.

Когда придѣтъ черезъ годъ день смерти, устраиваютъ поминки въ послѣдній разъ. Тогда собираются всѣ родственники. Приѣзжаютъ на кладбище, на которомъ, если умеръ мужъ, жена и, если умерла жена, мужъ—обходить могилу 3 раза по теченію солнца (востокъ — югъ — западъ—сѣверъ). Когда со дня смерти истекъ одинъ годъ, то оставшійся въ живыхъ—мужъ или жена говоритъ: „Я тебя бросаю теперь“! Въ древности мужъ умершей жены не женился въ теченіе этого времени, пока не прошло года, а жена умершаго мужа не выходила за-мужъ. Теперь до истеченія года одни женятся, а другія выходятъ за-мужъ.—Если умрѣтъ жена, то мужъ можетъ жениться только на ея младшей сестрѣ (касты); братъ за-мужъ старшую сестру умершей жены не дозволяется, какъ не дозволяется ему и называть её по имени. Можно называть по имени свою тѣщу и своего тестя, но называть по имени старшую сестру умершей жены нельзя.—Если умрѣтъ мужъ, то жена его выходитъ за-мужъ за его старшаго брата (касты) не можетъ, но за младшаго можетъ.

Когда умрѣтъ шаманъ, то кто-нибудь изъ людей, присутствующихъ при его погребеніи, беретъ его бубень и вѣшаетъ на дерево, разрѣзавши ножомъ тѣ части его кожи, на которыхъ есть рисунки, изображающіе небо, землю и подземное царство. Колотушки вставляютъ внутрь бубна.

II. САГАЙЦЫ.

(Минусин. окр. Енис. губ.).

Покойника, если онъ былъ взрослымъ, хоронятъ черезъ 1 или 2 дня: если-же онъ былъ маленькій, то хоронятъ въ тотъ-же день, рѣдко на другой. Могилу (инъ) копаютъ не глубже 1½ аршинъ. Покойника обмываютъ старухи въ день-же смерти на доскахъ. Эти доски или выбрасываются на степь, или сжигаются. Потомъ одѣваютъ покойника въ его платье

и надѣваютъ на него его собственную обувь, потому что въ загробной жизни все это будетъ ему нужно. Въ гробъ (комды) кладутъ также постель и подушки. Дно могилы устилается берестою. По правую руку кладутъ въ мѣшкѣ или посудѣ пищу, табакъ, трубку, богатые кладутъ и деньги (50 к.—1 рубль). Покойника въ юртѣ кладутъ поперекъ, ногами на сѣверъ, головою на югъ и правымъ бокомъ къ дверямъ. Хоронятъ головою на западъ, а ногами на востокъ. Покойника изъ юрты выносятъ чужіе, приподнимая съ земли сначала голову. До кладбища (сѣктѣрь) покойника везутъ на телѣгѣ или на саняхъ ногами къ коню. Ямщикъ сидитъ верхомъ на конѣ, везущемъ покойника, а прочіе ѣдутъ верхомъ. Родственники ѣдутъ иногда на телѣгѣ. Кладбище устраивается не ближе одной версты отъ улуса. Привезя покойника, копаютъ могилу и спускаютъ покойника въ нее. Не на долго открываютъ крышку гроба, чтобы покойникъ полюбовался еще дневнымъ свѣтомъ; затѣмъ закрываютъ крышку и зарываютъ могилу, оставивъ въ могилѣ всѣ предметы. Передъ окончательнымъ зарываніемъ пьютъ всѣ водку изъ одной бутылки и ставятъ ее по правую руку покойника въ могилѣ. Передъ опущеніемъ покойника въ могилу всѣ прощаются съ нимъ, цѣлуя ему ротъ и пупъ. Опустивъ покойника въ могилу, мужъ, жена или ближайшій родственникъ бросаетъ 3 горсти земли на покойника, послѣ чего его зарываютъ. Похоронивъ, всѣ усаживаются въ томъ-же порядкѣ, какъ сидѣли въ юртѣ, пьютъ водку, ѣдятъ мясо и ѣдутъ въ домъ покойника. Мясо варится дома. На могилѣ во время похоронъ огонь не зажигается никогда. Тотъ, кто отвозитъ покойника, не доѣзжая до улуса, бросаетъ телѣгу или сани, поворотивъ оглоблями по направленію къ могилѣ. Черезъ 3 дня телѣга и сани увозятся домой. Оставшіеся въ юртѣ женщины выставляютъ передъ дверями юрты ведро рѣчной воды. Возвратившіеся съ кладбища умываютъ руки и лицо и входятъ въ юрту. Тутъ варятъ и ѣдятъ мясо, а водку пьютъ по 1—2 чашки.

Шамановъ - покойниковъ часто несутъ на высокую гору, тамъ кладутъ шамана на землю, а возлѣ него ставятъ на полѣ бубень и шубу. Плохаго шамана на гору не носятъ. Возлѣ такого шамана ставятъ въ землю палочку, на которую насаживается небольшая квадратная дощечка, обвѣшанная по угламъ ленточками синяго, чернаго и бѣлаго цвѣтовъ.

Родственники покойника не ломаютъ костей заколотога животнаго на 3 и 7 день. Печени и лёгкихъ они въ эти дни тоже не ѣдятъ. На 7-й день родственники покойника вынимаютъ изъ заколотога животнаго печень и легкія, смазываютъ ими себя противъ печени, бросаютъ ихъ къ дверямъ юрты, и съ этихъ поръ они разрѣшаютъ себѣ яденіе всего. Поминки устраиваютъ на 3 и 7 день. На 7-ой день выѣзжаютъ на кладбище и, поѣвъ тамъ мяса, кости сжигаютъ на огнѣ, разведенномъ у начала могилы. Водку пьютъ въ изобиліи; передъ началомъ питія чашка водки выливается на могилу.

Поминки (ибиригъ) справляются на 20 день, 40-ой день (большія поминки) и черезъ 1 годъ. Гробъ выдалбливается здѣсь преимущественно изъ толстаго тополя. Вытесываютъ его цѣлымъ народомъ. Богатые приглашаютъ иногда на похороны русскаго священника. Если умеръ мужъ, то жена, оплакивая его, говоритъ: „на кого ты покинулъ меня и дѣтей своихъ? злая смерть сразила тебя преждевременно! о я, одинокая и несчастная, какъ буду жить безъ тебя“? Если умершій не оставилъ жены и дѣтей, то имущество его дѣлится между родственниками, а за отсутствіемъ ихъ между единоплеменниками. Смерть покойника происходитъ отъ преслѣдованій подземнаго обитателя Айна. На могилу сверху накладывается куча камней, называемая кая (т. е. скала). Деревянные лопатки, которыми рыли могилу, домой не привозятся, а разбиваются тамъ-же у могилы о камень, желѣзные лопатки вслѣдствіе своей дороговизны привозятся обратно домой. Кладбище каждаго улуса находится на горѣ въ 2—2½ верстахъ. Огни, являющіеся на кладбищѣ послѣ похоронъ, суть огни, происходящіе отъ сгоранія души покойника передъ отправленіемъ

ея на небо въ обители Всевышняго Кудая и называется „ўзўть оды“, т. е. огонь покойника. Душа (сюне) добрая поднимается на небо, а злая остается подъ землею.

III. КАРГИНЦЫ.

(Минусин. окр. Енис. губ.).

Могилу копаютъ глубиною въ $1\frac{1}{2}$ —2 аршина. Покойника везутъ головою по направленію къ кладбищу. Въ могилу гробъ опускаютъ посредствомъ веревокъ. Крещенаго кладутъ головой на востокъ, а некрещенаго головою на западъ. Рядомъ съ гробомъ въ могилу кладутъ мяса, ставятъ бутылку водки, кладутъ яиць и калачей. Пуговицы съ рубахи всѣ срѣзываются и оставляются дома. Умершаго хоронятъ въ полномъ одѣяніи: въ рубахѣ, штанахъ, шубѣ, шапкѣ и сапогахъ. Прежде въ могилу клали также деньги и огниво. Если у умершаго не было родственниковъ, то отрѣзанныя пуговицы кладутся въ гробъ. Если есть у него родня, то сѣдло коня, на которомъ умершій любилъ ѣздить, отдается роднѣ; въ противномъ случаѣ сѣдло кладется рядомъ съ гробомъ. Коня беретъ человѣкъ, устраивающій поминки. Съ правой стороны погребеннаго, ближе къ головѣ, разводятъ огонь. Кости животныхъ, заколотыхъ на кладбищѣ, бросаютъ въ огонь, ломать же ихъ не дозволяется. На огонь выливаютъ 3 чашки водки и выбрасываютъ 3 горсти мяса. Дѣлаютъ такъ для того, чтобы духъ огня доставилъ пищу и питье умершему, душа котораго въ это время спускается черезъ 3 слоя земли въ подземный міръ. Съѣвши мясо, всѣ обходятъ 3 раза по теченію солнца могилу и говорятъ: „Онъ ушелъ въ истинный міръ, а мы пойдемъ домой, къ своему народу“! Передъ тѣмъ какъ опускать гробъ въ могилу, одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ (отець, сынъ или братъ) подводитъ ко гробу коня, на которомъ ѣздилъ умершій, и 3 раза ударяетъ съ правой стороны гроба и говоритъ: „Ты уходишь въ истинный міръ!“ Этому коня уводитъ назадъ тотъ-же, кто приводилъ

его на кладбище. Похоронивъ умершаго, всѣ идутъ въ его юрту, гдѣ въ изобиліи ѣдятъ мясо и пьютъ водку. Приблизившись къ селенію, сани или телѣгу, на которыхъ отвозили умершаго на кладбище, оставляютъ въ степи и берутъ ихъ черезъ 1—1½ мѣсяца. Около саней или телѣги столько-же времени лежатъ заступы и лопаты. Сани и телѣгу оставляютъ въ полѣ передомъ по направленію къ кладбищу. Вернувшись въ юрту умершаго, выплескиваютъ 3 ложки водки къ переднему углу, на огонь и къ дверямъ. Въ переднемъ углу живетъ духъ—покровитель рода, въ огнѣ живетъ духъ огня, эти духи сопровождаютъ умершаго вплоть до царства Эрликъ-хана, а у дверей невидимо присутствуетъ домовый духъ (медвѣдь), защищающій юрту и дворы отъ мелкихъ злыхъ духовъ: горь, лѣсовъ и воды.

Поминки по всякомъ человѣкѣ справляютъ: 1) черезъ 3, 7, 20, 40 дней; 2) весною, во время перваго кукованія вѣщей птицы—кукушки, которая сопровождаетъ шамана во время полетовъ по поднесенію и извѣщаетъ его о приближеніи злыхъ духовъ; 3) безъ 2 дней черезъ годъ и черезъ 2 года. Поминки состоятъ въ перечисленіи добрыхъ дѣлъ умершаго, обильномъ яденіи мяса и обильномъ распиваніи водки. Браки прежде не заключались до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ съ дня похоронъ 2 лѣтъ, теперь они заключаются даже черезъ 5—6 мѣсяцевъ.

Лѣтъ 50—60 тому назадъ это племя хоронило своихъ дѣтей такъ. Завертывали умершаго ребенка изнутри въ кочму, снаружи въ бересту и потомъ привязывали къ дереву. Иногда клали его въ дупло, а сверху закрывали древесною корою. Взрослыхъ хоронили прежде такъ же, какъ хоронятъ теперь своихъ покойниковъ Бельтиры и Калары.

IV. Калары.

(Минусин. окр. Енис. губ.).

Умершаго шамана дома держатъ не долѣе сутокъ. Пока тѣло его находится еще въ юртѣ, ѣдятъ мясо и пьютъ водку

какъ родственники его, такъ и всѣ живущіе въ одномъ съ нимъ селеніи. Гробъ выдалбливаютъ изъ лиственницы или сосны. Въ прежнее время ставили въ степи 4 столба, которые соединялись перекладинами. На перекладины набрасывали древесныхъ вѣтвей, а сверху вѣтвей ставили гробъ. Теперь такъ хоронятъ только наиболѣе почтенныхъ стариковъ. Умершую шаманщицу обмываютъ по христіанскому обряду женщины, а шамана мужчины. Доску, на которой обмывали умершаго, сжигаютъ передъ дверями юрты, т. е. съ ея восточной стороны. Гробъ дѣлаютъ тотчасъ послѣ смерти человѣка. Въ дѣланіи его участвуютъ всѣ до одного мужчины. Топоры кладутся въ гробъ и вынимаются оттуда тогда, когда надо класть умершаго. Гробъ везутъ на кладбище лѣтомъ на телѣгѣ, а зимою на саняхъ. Одинъ человѣкъ сидитъ верхомъ на конѣ, везущемъ гробъ, а остальные идутъ всѣ пѣшкомъ. Дѣлавшіе гробъ никакой платы не получаютъ. Умершаго человѣка, шамана или простаго человѣка, кладутъ въ юртѣ на южной сторонѣ, а женщину на сѣверной сторонѣ. Какъ только принесенъ гробъ, сейчасъ-же кладутъ въ него покойника ногами къ дверямъ, т. е. на востокъ, головою къ переднему углу, т. е. на западъ, а выносятъ наоборотъ. Подъ умершаго подстилаютъ что-нибудь бѣлое—матерію или кочму. Передъ тѣмъ какъ выносить умершаго шамана, какой-нибудь шаманъ, разрѣзываетъ кожу, которою былъ обтянутъ бубенъ, ударивши предварительно по бубну 3 раза колотушкою. Разбивши бубенъ, шаманъ говоритъ народу: „онъ умеръ, исполняя призывъ Эрликъ-хана“! Тотъ-же шаманъ беретъ бубенъ и колотушку и несетъ ихъ вслѣдъ за народомъ на кладбище. При погребеніи шамана на кладбище идутъ только мужчины, а при погребеніи простаго человѣка идутъ и мужчины, и женщины. Кладбище отъ селенія находится въ 1--3 верстахъ.

На кладбище не пускаютъ собакъ; свистѣть на кладбищѣ тоже не слѣдуетъ. Хоронятъ умершаго въ первый же день, если онъ умеръ утромъ; или хоронятъ на другой день, если умеръ днемъ или вечеромъ. Въ теченіе 3 дней послѣ погребен-

нія умершаго домашніе не спятъ, а проводятъ время въ бодромъ состояніи, сказывая сказки, распивая водку и ѣдя мясо. Кто въ первые 3 дня заснетъ или задремлетъ, того задавить душа умершаго.

По смерти шамана разрѣзываютъ кожу, которою обтянутъ его бубень, и вѣшаютъ бубень съ колотушкою внутри и съ костюмомъ шамана на березу. Ленты, висящія на колотушкѣ, всѣ отрываются и кладутся внутри бубна.

У. БАРАГАСЫ.

(Нижнеудин. окр. Иркут. губ.).

Если умретъ человѣкъ, то его кладутъ на кочму или шкуру головою къ двери, т. е. къ восходу солнца, а ногами къ переднему углу. Хоронятъ по христіанскому обычаю на третій день, головою на западъ. Шаманъ при погребеніи не шаманитъ. Покойника хоронятъ въ шапкѣ, шубѣ, штанахъ и обуви. Душа умершаго спускается черезъ 3 слоя земли къ Эрликъ-хану и превращается въ эрлика. Гробъ дѣлаютъ внутри могилы, пока покойникъ лежитъ еще дома. Сверху могилы камней не кладутъ. Черезъ 3 слоя земли душа проходитъ только въ 3 года.

Умершаго человѣка лѣтомъ закапываютъ въ землю, вырывъ могилу глубиною до плечъ человѣка. Зимой кладутъ покойника непосредственно на землю, построивъ вокругъ него подобіе ящика съ крышкою. У ногъ умершаго кладутъ: ножикъ, топоръ, чашку чайную, горшокъ, чай, табакъ и сѣдло, ставятъ бутылку водки, денегъ не кладутъ. Покойника кладутъ головою на востокъ, а ногами на западъ.

Гробъ шамана, какъ и простаго человѣка, выдалбливаютъ изъ дерева: сосны или лиственницы. Сверху закрываютъ крышкою. Кладутъ его головою на западъ. Возлѣ его могилы вѣсятъ на дерево полный шаманскій костюмъ съ бубномъ и колотушкою.

V I. У Р Я Н Х А Й Ц Ы.

(На У л у г ъ - х е м ѣ).

Урянхайцы-ламаиты говорятъ, что душа умершаго хорошаго человѣка улетаетъ въ землю Бога, на небо, а душа худаго человѣка въ землю Эрликъ-хана. Урянхайцы, какъ ламаиты, такъ и шаманисты, не хоронятъ своихъ покойниковъ, а кладутъ ихъ на поверхности земли. Душа умершаго хорошаго человѣка, прилетѣвши къ Богу, перерождается тамъ и дѣлается чистою черезъ 49 дней, а душа худаго человѣка остается въ распоряженіи Эрликъ-хана, сдѣлавшись его слугою, т. е. младшимъ эрликомъ. Хорошая-ли душа, или худая, опредѣляютъ обыкновенно по книгамъ ламы. Земля имѣетъ 3 слоя. Небесъ 33, отдѣленій ада 18, эрликовъ старшихъ тоже 18, а младшихъ несмѣтное количество. Душа шамана, по словамъ ламъ, ни на небѣ, ни подъ землею не принимается: она живетъ то въ камняхъ, то въ деревьяхъ. Урянхайцы шаманисты, подобно Бельтирамъ, Каргинцамъ и Каларамъ говорятъ, что душа шамана, какъ и всякаго другаго человѣка, спускается черезъ 3 слоя земли и приходитъ въ землю Эрликъ-хана, освѣщенную своимъ солнцемъ и своею луною и населенную своими людьми.

(Чернаго Иртыша).

Урянхайцы, кочующіе въ Сѣверной Монголіи по Черному Иртышу, дѣлаютъ изъ древесныхъ вѣтвей подобіе стола и кладутъ на него покойника. Если покойникъ пользовался уваженіемъ народа, то возлѣ него ставится его изображеніе, вытесанное изъ камня или вырѣзанное изъ дерева. Подлѣ покойника кладутся вещи, употреблявшіяся въ этомъ мірѣ.

(На Х у а - х е м ѣ).

Мертвыхъ увозятъ въ степь. Умершихъ отпѣваютъ монгольскіе ламы: сначала въ юртѣ, а потомъ въ степи. Въ степи покойника кладутъ или прямо на землю, или на полатахъ,

устроенныхъ на сучьяхъ. Такихъ покойниковъ съѣдаютъ волки, собаки и хищныя птицы. Ламъ сжигаютъ, а чиновниковъ хоронятъ въ такихъ мѣстахъ, куда не проникаютъ домашнія животныя.

(О круга Тарбагатай)

По происхожденію они раздѣляются на три кости: черную кость (простые люди), среднюю кость (богачи и чиновники) и бѣлую кость (духовенство и праведники). Простолюдиновъ бросаютъ на степи; людей бѣлой кости предаютъ сожженію; людей средней кости погребаютъ, если рѣшить хелинъ (священникъ); въ противномъ случаѣ бросаютъ на степи, какъ и людей черной кости.

Если умираетъ лама, то духовенство, отовсюду собравшееся, обкладываетъ его ватою, обливаетъ коноплянымъ масломъ и предаетъ сожженію. Жгутъ вообще только наиболѣе чтимыхъ. Потомъ собираютъ пепель отъ сожженного трупа великаго ламы и, смѣшавши съ водою, дѣлаютъ изъ него тѣсто, которое вмѣшивается въ глину, разведенную для лѣпки какого-нибудь идола (б у р х а н ъ). Калмыки и Урянхайцы говорятъ, что покойникъ, преданный здѣсь сожженію, на томъ свѣтѣ будетъ чистымъ, святымъ.

Простыхъ людей (чёрную кость) бросаютъ на степи, подставивши подъ нихъ худенькій войлокъ. Подъ голову умершаго простолюдина кладутъ сѣдло, въ руку-трубку, на самого надѣваютъ (зимою) шубу, у головы иногда привязываютъ коня. Урянхайцы и Калмыки думаютъ, что всё эти вещи понадобятся умершему на томъ свѣтѣ, гдѣ будетъ продолженіе здѣшней жизни. Случалось, что Киргизы уводили коней, привязанныхъ около головы покойника. Если у покойника нѣтъ жены, и дѣтей, то всё его имущество переходитъ въ полную собственность ближайшаго монастыря или ламъ.

Похороны людей средней кости происходятъ почти такъ же, какъ и людей чёрной кости, только съ тою разницею,

что первыхъ кладутъ въ могилу, а вторыхъ на поверхности земли.

У головы покойника разводятъ огонь и жгутъ бумагу. Покойника обливаютъ коноплянымъ масломъ, чтобы собаки съѣли его скорѣе обыкновеннаго. Чѣмъ скорѣе собаки съѣдятъ покойника, тѣмъ болѣе радуется родня. При похоронахъ пьютъ водку и плачутъ. Возвратившись домой, старшій въ юртѣ брызжетъ пальцами нѣсколько капель водки на идола, стоящаго въ переднемъ углу, на огонь, направо и налево, и потомъ всѣ начинаютъ пить водку, поминая покойника.

VII. КИТАЙСКІЕ КАЗАКЪ - КИРГИЗЫ.

(Округъ Тарбагатай).

Описываемые здѣсь погребальные обряды справляются у богатыхъ по отношенію къ умершему хозяину юрты и по отношенію къ наиболѣе уважаемымъ членамъ семьи.

Если умеръ мужчина, то поминовеніе дѣлаютъ при конѣ; если умерла женщина, — при верблюдѣ. Послѣ того, какъ умрѣтъ, моютъ. Тѣмъ людямъ, которые обмывали, черезъ семь дней даютъ одежду умершаго человѣка: женщинамъ одежду умершей женщины, мужчинамъ одежду умершаго мужчины. Въ то время, когда выносятъ, даютъ умершему отпущеніе: мулла читаетъ Коранъ и снимаетъ всѣ грѣхи. Муллѣ даютъ 9 „кара“; слово „кара“ знач. скотъ; даютъ и пшеницы. Причитанія по умершемъ мужчина не произносятъ, а произносятъ дома женщина, когда выносятъ кости (т. е. покойника); посторонній человѣкъ причитаній не произноситъ, произноситъ близкій. Народу даютъ пищу: въ 7-ой день, 20-ый, 40-ой, черезъ годъ. Передъ раздаваніемъ пищи, мулла прочитываетъ Коранъ, прося отпущенія грѣховъ умершему. Когда умрѣтъ мужчина, ставятъ высоко у передняго угла юрты сѣдло. Халатъ и одежды умершаго прицѣпляютъ къ лукѣ сѣдла, прицѣпляютъ одежду за воротникъ, прицѣпляютъ, если есть, и поясъ; на переднюю луку сѣдла, на воротникъ одежды, надѣваютъ шапку. По жен-

щипѣ дѣлаютъ это въ теченіе 40 дней, если только она была хорошая. Если умрётъ юноша, то къ копью на подобіе знамени привязываютъ красную ленту. Древко копья стоитъ въ юртѣ, у передняго угла; конецъ копья съ лентою высовывается надъ юртою. Раздавши одежду, на седьмой день отрѣзываютъ хвостъ лучшему коню, на которомъ покойный ѣздилъ. Такого коня называютъ овдовѣвшимъ (лишившимся хозяина). Отрѣзанное бросаютъ на степи. Въ продолженіе 40 дней зажигаютъ свѣтильникъ, въ переднемъ углу у огня. Если есть хозяйка, то зажигаетъ она; если ея нѣтъ, то зажигаетъ дочь ея. Когда пройдетъ одинъ годъ и разоидетъ, поѣвши пищу, народъ, одинъ хорошій мужчина ломаетъ копьё. Хозяйка и дочь ея обнимаютъ копьё и, плача, не выпускаютъ. Мужчина выдѣргиваетъ у нихъ копьё и ломаетъ. Разводятъ большой огонь, и бросаютъ въ огонь копьё и знамя. Человѣку, сломавшему копьё, хозяйка юрты даритъ новый халатъ. Въ день смерти жена надѣваетъ чѣрную одежду, а дочь надѣваетъ бѣлую одежду и красную шапку. Обѣ не открываютъ лица передъ людьми. Туда, гдѣ хоронятъ, женщины не ѣздятъ; если и ѣздить въ праздникъ, то заставляютъ муллу читать Коранъ. Пока не исполнится годъ, ни хозяйка, ни дочь не ходятъ на пиры. Послѣ того какъ умрётъ кто-нибудь, домашніе въ теченіе 3 дней не ѣдятъ своей пищи,—чай и мясо приносятъ сосѣди. И хозяйкѣ, и дочери ея въ день похоронъ посторонняя женщина расплетаетъ волосы. На седьмой день заплетаетъ снова та женщина, которая расплетала. Жена младшаго брата покойника расплетаетъ у себя половину волосъ, расплетаетъ именно концы; по срединѣ перевязываетъ. При перекочевкѣ къ хвосту коня привязываютъ красный лоскутокъ; на спину кладутъ задомъ напередъ сѣдло; сѣдло покрываютъ халатомъ; на воротникъ надѣваютъ шапку. Ружьё и саблю умершаго кладутъ на верхъ сѣдла и привязываютъ. Этого коня ведётъ за поводъ хозяйка; если ея нѣтъ, то ведётъ дочь, пока не достигнетъ мѣста новаго жилища. Если умрётъ женщина, то сѣдло кладутъ на спину верблюда; сѣдло покрываютъ сверху одеждою и платкомъ. Этого

верблюда ведётъ за поводъ, если есть дочь, дочь или, если есть невѣстка, то ведётъ невѣстка. Если женщина, ведущая за поводъ, станетъ причитать по умершемъ, то ея коня ведётъ за поводъ другая женщина. Если станетъ причитать и рыдать женщина, ведущая верблюда, то и ея коня ведётъ другая женщина. Когда устраиваютъ бѣга, то призы отдають въ юрту умершаго человѣка, хотя-бы онъ и не былъ родственникомъ, былъ-бы только изъ одного улуса. Когда исполнится годъ, даютъ народу пищу; сзываютъ чрезвычайно много народа. Нѣкоторые богачи приглашаютъ людей изъ нѣсколькихъ областей. Созвавши, даютъ пищу и устраиваютъ призы бѣговъ. Тому коню, который прибѣжитъ первымъ, жертвуютъ 300 коней, жертвуютъ и 300 коровъ. Людей, пріѣхавшихъ изъ другой земли, ожидаютъ люди одной волости съ покойникомъ, и прислуживаютъ имъ. Въ теченіе одного года жена и дочь плачутъ и причитають каждый день. Когда исполнится годъ, закалываютъ для пищи хорошаго коня, на которомъ ѣздилъ умершій; близкій человѣкъ ѣстъ только задъ и шею, всё остальное онъ самъ не ѣстъ, а отдаётъ народу. Мулла читаетъ Коранъ дома въ 7-ой, 20-ый, 40-ой день и черезъ годъ; на кладбищѣ не читаетъ. Въ день смерти жена расцарапываетъ у себя лицо, расцарапываетъ и дочь, такъ что по лицу течётъ кровь. Похоронивши, близкіе родственники рыдаютъ и, говоря: „о другъ мой!“ (с о б. печень моя), пускають коней въ махъ и возвращаются, нѣкоторые даже падаютъ съ коней; похоронивши умершаго человѣка, они ѣдутъ къ женѣ и дѣтямъ его. Сватъ умершаго человѣка, услышавши объ его смерти, наполняетъ кожанную кадку кумысомъ, потомъ пріѣзжаетъ къ юртѣ умершаго человѣка со всѣми родственниками и доставляетъ всего по девяти: кумысу, верблюдовъ, коней и бобровъ. Все это Киргизы называютъ подарками соболѣзнованія. Какъ только увидятъ, что ѣдетъ сватъ, жена и дочь умершаго человѣка плачутъ и причитають, пока сватъ не войдетъ въ юрту. Послѣ этого мулла читаетъ Коранъ. Мулла велитъ оставить причитаніе. Пріѣхавшій сватъ устраиваетъ конскіе бѣга и призы отдаётъ въ юрту

умершаго человѣка. Въ тотъ день, когда устраиваютъ поминки, не ломаютъ костей убитыхъ и заколотыхъ животныхъ. Кости съ мозгомъ и мясомъ отдаютъ тѣмъ, кто привезъ кумысу; за каждую кожанную кадку даютъ одну кость съ мозгомъ. Получивши кость, ея не ломаютъ. Костей въ огонь не бросаютъ. Пока не исполнится годъ, близкіе родственники не выдаютъ взрослыхъ дочерей за-мужъ. Жена и дочь умершаго человѣка въ продолженіе года выходятъ на улицу съ закрытымъ лицомъ и работы не дѣлаютъ. Ихъ работу исполняетъ близкая родня. Люди, поздно услышавшіе, пріѣзжаютъ и велятъ муллѣ каждый четвергъ читать Коранъ. Мулла покрываетъ „шельпекъ“ скатертью и читаетъ надъ нимъ Коранъ. Каждый четвергъ ѣдятъ этотъ „шельпекъ“ все люди, находящіеся въ юртѣ. „Шельпекъ“ дѣлаютъ изъ муки; мѣшаютъ съ масломъ тѣсто, раскатываютъ его и разрѣзываютъ на части, величиною не болѣе четверти.

Послѣ того, какъ исполнится годъ, все надѣваютъ одежды какъ слѣдуетъ. Если хочется выйти за-мужъ, то ни жена, ни дочь не идутъ за-мужъ, пока не исполнится годъ. Если человѣкъ умрѣтъ, то его обматываютъ въ длинную, новую, бѣлую матерію; мужчину обматываютъ три раза, женщину пять разъ. Умершаго человѣка въ гробъ не кладутъ. Матерію, которою обматываютъ, называютъ „акыратъ“ (саванъ). Её привозятъ изъ Ташкента и Бухары. Чалму муллѣ и саванъ умершаго человѣка дѣлаютъ изъ одинаковой бѣлой матеріи. Людямъ, кощавшимъ могилу, даютъ деньги; муллѣ даютъ одну овцу, называя её милостынею могилы. Одежду покойника отдаютъ мыть. Пока не наступитъ время появленія звѣздъ, мытая одежды висятъ на улицѣ. Умершаго человѣка кладутъ лицомъ на югъ. Покойника кладутъ на верблюда и везутъ; если близко, несутъ на рукахъ. Съ боковъ подвязываютъ ящики, а сверху разстилаютъ рѣшетку юрты, на эту рѣшетку и кладутъ умершаго. Если моютъ, то не прикасаются къ трупу голыми руками. Люди, которые моютъ, дѣлаютъ изъ бязи рукавицы и надѣваютъ ихъ на руки. Воду льютъ на трупъ сквозь бязь

дабу. Бязь берётъ себѣ человѣкъ, который мыль. Послѣ того какъ кончилось отпѣваніе, мулла говоритъ народу: „хорошѣли этотъ человѣкъ“? Народъ отвѣчаетъ: „онъ—хорошій человѣкъ“! Кто услышитъ о смерти этого человѣка, тотъ творитъ за него молитву, произнося: „Алла́ экперъ!“ (великъ Богъ). На конѣ умершаго человѣка въ теченіе года не ѣздитъ ни одинъ человѣкъ.

Поминки справляются по всякомъ покойникѣ въ седьмой, двадцатый, сороковой и годовой день. Поминки состоятъ изъ чтенія положенныхъ на этотъ случай суръ (главъ) Корана и изъ яденія пиши, въ изобиліи раздаваемой народу.

VIII. Восточные Китайскіе Татары.

(Округа Хами и Баркуль).

Когда умретъ какой-нибудь бекъ (князь, дворянинъ), то его домашніе даютъ своимъ слугамъ для раздачи народу, мужчинѣ на полный халатъ, а женщинѣ на полное платье, матеріи разнаго цвѣта бѣлаго, краснаго, зеленаго и синяго. Потомъ даютъ за поминовленіе серебро: главнымъ мулламъ по 10 сѣровъ (20 руб.), а прочимъ по 5, 6—9 сѣровъ (10, 12—18 руб.).—Умершаго моютъ—мужчину мужчины, а женщину женщины, обмывши, даютъ водѣ стечь и затѣмъ завертываютъ трупъ въ саванъ. Тѣмъ временемъ одинъ мулла всходитъ на крышу дома къ трубѣ, т. е. къ дымнику, и читаетъ Коранъ. Этому муллѣ въ видѣ платы за чтеніе Корана даютъ 9 разныхъ чашекъ по 9 штукъ и 1 скатерть. Когда покойникъ стнесень на кладбище, но еще не опущень въ могилу, отъ дома вплоть до могилы раскладываютъ сырое мясо: лошадей, быковъ и овецъ. Народъ беретъ это мясо и уноситъ къ себѣ домой. Стоя у могилы, разрываютъ на части всякаго рода матерію и завертываютъ въ нихъ по 40—50 шт. мѣдныхъ денегъ (5—10 коп.); потомъ эти деньги кладутъ въ мѣшечки и, описавши этими мѣшечками кругъ надъ головою умершаго, бросаютъ ихъ народу. Пока несутъ покойника изъ

дому до кладбища, разбрасываютъ народу мѣдныя деньги, которыя тоже находятся въ мѣшечкахъ; мѣшечки эти лежатъ на верблюдѣ. Прибывши на кладбище, весь народъ молится за умершаго подъ руководствомъ главнаго муллы, которому за эту молитву даютъ: лошадь съ уздою и сѣдломъ, экземпляръ Корана, ружье и 9 узловъ разныхъ матерій на платье. Покойника хоронятъ, когда только придется, однимъ словомъ, въ теченіе первыхъ 3 дней послѣ смерти. Умершаго, будь онъ мужчина или женщина, выносятъ всегда мужчины, положивъ его въ ящикъ съ открытою крышкою. Хоронить покойника, какъ мужчину, такъ и женщину, ходятъ одни мужчины. Изъ дому выносятъ сначала ноги, а потомъ голову, на кладбище же несутъ впередъ головою. Покойника вкладываютъ безъ гроба въ углубленіе, вырытое съ боку могилы, а не кладутъ въ самую могилу. На умершаго бросаетъ ближайшій его родственникъ, напр. сынъ или кто-нибудь другой, 7 лопать земли; затѣмъ бросаетъ землю остальной народъ. Затѣмъ всѣ понемногу читаютъ Коранъ и расходятся по домамъ, а передъ самыми сумерками приходятъ на кладбище и молятся за умершаго. Такъ молятся въ теченіе 7 вечеровъ, потомъ въ теченіе 40 дней молятся у ногъ умершаго каждое утро, передъ самымъ восходомъ солнца. Какъ въ самую могилу, такъ и подлѣ нея не кладутъ никакихъ вещей. Надъ могилою возвышаютъ или деревянный срубъ, или глиняную гробницу. Богатые беки нанимаютъ читать Коранъ у ногъ умершаго на цѣлый годъ. Такому чтецу платятъ по 5—10 серовъ (10—20 рублей) въ мѣсяцъ. Народъ кормятъ пищею нѣкоторые цѣлый годъ, а нѣкоторые 7 дней. Водка не подается. Вдова не выходитъ замужъ раньше 4 мѣсяцевъ 10 дней, а вдовецъ женится когда хочетъ. Траурное платье и траурный халатъ—всегда бѣлые.

Когда умретъ какой-нибудь богачъ изъ простаго сословія, то за поминаеніе даютъ всего 100—200 серовъ (200—400 рублей), изъ которыхъ 50—100 серовъ (100—200 руб.) берутъ себѣ двое судей, а остальные дѣлятъ между собою муллы и народъ. Покойниковъ простаго сословія выно-

сятъ, хоронятъ и поминаютъ тѣмъ-же порядкомъ, какъ и покойниковъ княжескаго и дворянскаго происхожденія, съ небольшою только разницею. Мулла, читавшій Коранъ на крышѣ, получаетъ: пару большихъ чайныхъ чашекъ, пару малыхъ чайныхъ чашекъ, пару самыхъ маленькихъ и одну скатерть, всего 7 вещей. Похоронивши покойника, съ 4 угловъ могилы садятся 4 младшихъ мурлы и читаютъ Коранъ, а у бековъ читаютъ Коранъ старшіе мурлы. За чтеніе Корана каждый мурла получаетъ: халатъ, шубу, длинную нижнюю рубаху, кушакъ и шапку, получаетъ именно такія принадлежности одежды, какія носилъ умершій, только новыя. Пришедши въ домъ умершаго, 2—3 мурлы снова читаютъ Коранъ, въ чемъ и состоитъ поминовеніе. Читаютъ Коранъ эти мурлы съ 7-го до 40-го дня послѣ смерти, за что получаютъ по 5—10 серовъ (10—20 руб.) въ мѣсяць. Имущество простолюдина, не имѣющаго родни, переходитъ въ собственность казны. Вдова можетъ выйти замужъ не ранѣе 4 мѣсяцевъ 10 дней, а вдовецъ можетъ жениться когда угодно. Сыновья умершаго князя, дворянина или простолюдина не могутъ жениться, а дочери выходить замужъ раньше 40 дней.

Бѣдныхъ хоронятъ на общій счетъ. Мурлы за чтеніе Корана не получаютъ ничего. Домъ или садъ, принадлежавшіе бѣдняку, который не имѣлъ родни, отбираются въ казну. Поминовеніе всѣмъ народомъ совершается вообще на 3-ій, 7-ой, 20-ый, 40-вой день и черезъ годъ.

ІХ. Западныя Китайскіе Татары.

(Округа Кашгаръ, Аксу, Турфанъ и Пичанъ).

Погребеніе умершаго мурлы.

Если умретъ человѣкъ мужескаго пола, то, прежде всего перевязывая бѣлымъ платкомъ подбородокъ и голову, соединяютъ ихъ вмѣстѣ. Связываютъ вмѣстѣ 2 ножные пальца. Такъ поступаютъ со своими покойниками и восточные Китайскіе

Татары. Покойника, какъ и у Хамійскихъ татаръ, кладутъ въ домъ ногами на западъ. Потомъ родственники жертвуютъ за чтеніе Корана по покойникѣ: одинъ свертокъ чалмы на голову, одну рубаху, одни штаны, одинъ кушабъ и одинъ халатъ. Богатые жертвуютъ еще одного коня.

Бѣдные родственники жертвуютъ такимъ образомъ. У дымника избы умершаго кладутъ одинъ экземпляръ одежды съ ногъ до головы, одно блюдо съ ложкою, одну чайную чашку и, присоединивши къ нимъ въ блюдѣ одинъ шинъ (3 джина = 4—5 фунт.) пшеницы, ставятъ все это у дымника. Человѣкъ, взобравшійся къ дымнику и называемый „хатипъ“ (чтець), читаетъ семь разъ 36 главу Корана Ясинъ и, прочитавши молитву за покойника, беретъ упомянутыя вещи. Что касается молитвы, то самый старшій мулла мѣстности со всѣми общественниками, сотворивши объ усопшемъ молитву съ тремя поклоненіями, читаетъ этому покойнику благословеніе. Одеждою, въ которую одѣваютъ этого покойника, служитъ семь разъ обмотанный саванъ. Потомъ крѣпко перевязываютъ голову и ноги этого покойника. Затѣмъ, если собравшееся общество уже готово, то родственники этого покойника, начиная съ того утра, на канунѣ котораго умеръ покойникъ, и кончая вечеромъ, пока не исполнится одинъ день, стоятъ передъ дверями и плачутъ, говоря: „о отецъ мой!“, если умеръ отецъ, и „о мать моя!“, если умерла мать. Когда этотъ покойникъ приготовленъ, то, обмотавши его въ кочму, мужчины поднимаютъ его и выносятъ изъ избы; потомъ кладутъ на носилки (джина́за). Носилками называется подобіе ящика, въ который кладется покойникъ. Потомъ всѣ прихожане, которые собрались къ этому покойнику, подходятъ къ нему и молятся. Затѣмъ подошедшіе мужчины берутъ этого покойника и, нигдѣ не останавливаясь, несутъ къ могилѣ и кладутъ подлѣ могилы. Въ то время, когда нужно положить покойника на кладбищѣ, произносятъ прежде всего стихи, называемые „джугапъ-намэ“ (запись съ отвѣтами), и пригвозждаютъ ихъ къ юго-западной стѣнѣ (могилы). Потомъ три—четыре человѣка поднимаютъ этого покойника и вносятъ

внутри выкопаннаго мѣста. Положивши его головою на сѣверную сторону, ногами кладутъ на южную сторону. Потомъ развязываютъ саванъ, въ который одѣтъ этотъ покойникъ, и открываютъ его съ головы до ногъ. Затѣмъ люди, которые опускали покойника, говорятъ: „мы поручаемъ тебя Богу Всевышнему!“, и, возвращаясь, запираютъ крѣпко дверь могилы кирпичемъ сырцевымъ. Покойникъ кладется обыкновенно не на днѣ самой могилы, а кладется въ одинъ изъ ея боковъ, который вырывается на подобіе склепа и запирается кирпичемъ. Потомъ одинъ изъ родственниковъ беретъ въ руку лопату и этою лопатою бросаетъ семь разъ землю въ отверстіе могилы. Затѣмъ одинъ мулла подходитъ къ отверстию могилы и, сѣвши тутъ, говоритъ: „Эй усопшій, отецъ у Васъ тотъ-то, мать у Васъ та-то! Вы сами тотъ-то! Если я спрошу: „Кто твой Господь!“, то Вы, конечно, скажете, что Господь Вашъ Богъ Единый! Если я спрошу: „Кто твой пророкъ?“, то Вы, конечно, скажете, что пророкъ Вашъ есть посланникъ Божій (т. е. Мухаммедъ)! Если я скажу: „Какая у тебя религія?“, то Вы, конечно, скажете, что религія Ваша есть исламъ (покорность Богу)! Если я спрошу: „Къ какой сторонѣ ты обращаешься во время молитвы?“, то Вы, конечно, скажете, что во время молитвы обратитесь къ храму Каабѣ! Если я спрошу: „Кто твой наставникъ?“, то Вы, конечно, скажете, что наставникъ Вашъ есть Коранъ, что проповѣдникъ Вашъ есть избранникъ Божій (да благословитъ его Богъ Единый и да привѣтствуетъ!), что Творецъ Вашъ есть Богъ Всевышній! Потомъ этотъ мулла, прочитавши за покойника исповѣданіе вѣры, отходитъ отъ отверстія могилы. Затѣмъ упомянутые люди, наполнивши эту могилу до-верху землею, возвращаются къ себѣ домой. Послѣ этого два—три мุลлы, сидя у головы этого покойника, въ теченіе семи дней сидятъ и читаютъ Коранъ. По прошествіи семи дней родственники умершаго колютъ скоть и, пригласивши людей, приходившихъ молиться за покойника, угощаютъ ихъ; оставшіеся въ его домѣ, пока со дня смерти не исполнится 40 дней, каждое утро по семи человекъ читаютъ по адресу покойника благословеніе,

произнося его по два раза. По истеченіи 40 дней, опять колютъ скотъ и даютъ народу пищу въ теченіе одного дня. Потомъ, когда исполнится одинъ годъ, родственники этого покойника, собравшись въ одно мѣсто, въ день смерти покойника устраиваютъ „крѣпкое оплакиваніе“ и еще одинъ день даютъ пищу мужчинамъ. Затѣмъ эта родня говоритъ: „теперь мы проводили (умершаго)!“ и расходится по домамъ.

Погребеніе умершей женщины.

Если умереть человѣкъ женскаго пола, то прежде чтенія молитвы пришедшими хозяинъ дома обходитъ собравшихся съ улицы женщинъ и раздаетъ имъ три бумажки иголокъ, по двѣ—три штуки каждой, такъ какъ умершая женщина въ теченіе своей жизни много употребляла иголки. Если умершая осталась кому-нибудь должна, то раздаютъ эти иголки женщинамъ, говоря: „да не останутся (долги умершей) на ея шеѣ!“ Если умереть женщина, то моютъ ее женщины; если умереть мужчина, то моютъ его мужчины. Остальные обычаи (погребеніе женщины) — сходны всѣ съ обычаями погребенія мужчины. Если умереть и женщина, на могилу ходятъ одни мужчины, а женщины остаются дома и плачутъ. Когда умереть женщина, даютъ народу пищу: въ первый разъ черезъ три дня, потомъ черезъ семь дней, черезъ сорокъ дней и черезъ годъ. Эту пищу даютъ одинаково какъ по смерти мужчины, такъ и по смерти женщины, съ тою только разницею, что по смерти мужчины пищи черезъ три дня не даютъ. Во время раздачи пищи не бываетъ ни конскихъ бѣговъ, ни бсръбы у молодыхъ людей.

Если умершій человѣкъ, мужчина или женщина, былъ богатый, то выносятъ во одно время съ выносомъ покойника одинъ ящикъ аршиннаго товару и, разорвавши весь товаръ на отдѣльные платки, раздаютъ ихъ людямъ, шедшимъ за покойникомъ; раздаютъ ихъ до возвращенія домой, пока не похоронятъ покойника и пока мулла не дочитаетъ своей молитвы. Въ другіе дни платковъ не раздаютъ.—Если умереть бѣдный, и

если нѣтъ у него никакого добра, то выносятъ 5—6 или 10 джинъ (7—8 или 13 фунт.) фруктовъ и раздаютъ ихъ по одной горсти мужчинамъ.

Когда-бы человекъ ни умеръ, утромъ, или предыдущею ночью, хоронятъ его въ наступающій день передъ закатомъ солнца; если не все готово, то покойникъ пробудетъ дома еще одну ночь. Если умереть женщина, то мужъ ея не можетъ жениться раньше четырехъ мѣсяцевъ со дня ея смерти; если умереть мужчина, то жена его не можетъ выйти замужъ раньше семи мѣсяцевъ. Если мужъ хочетъ жениться раньше четырехъ мѣсяцевъ и женщина хочетъ выйти за-мужъ раньше семи мѣсяцевъ, то женщина беретъ одинъ кувшинъ воды и, придя къ могилѣ покойника, наливаетъ на землю (на голову похороненнаго) воду; и мужчина, если умерла его жена, наливаетъ воду такимъ-же образомъ на голову похороненной жены. Старшему брату жениться на женѣ младшаго брата вполнѣ дозволяется закономъ, но младшему брату жениться на женѣ старшаго брата не дозволяется.

Х. Лобъ-норскіе Татары.

(Котловина оз. Лобъ-норъ и устье р. Таримъ).

Покойника держатъ дома въ камышовомъ шалашѣ до 3 дней. Тѣмъ временемъ имущество покойника разбирается родней его и единоплеменниками по частямъ. Мулламъ, читавшимъ по мусульманскому обряду Коранъ, даютъ десятую часть всего имущества, оставшагося послѣ покойника. Покойника кладутъ въ могилу безъ гроба, подостлавши подъ него кочму. Затѣмъ всѣ, участвовавшіе въ погребеніи умершаго, приходятъ къ его шалашу, сжигаютъ его, и откочевываютъ отъ этого мѣста подальше. Подобно Тарбагатайскимъ Казакъ-Киргизамъ Лобъ-норскіе Татары накладываютъ на могилу кучу камней. Человекъ, умирающаго отъ заразной болѣзни, и человекъ, долго хворающаго, они предають сожженію вмѣстѣ съ шалашемъ и имуществомъ. Человекъ больному пищу и питье они

подають издалека длинными палками.. Кости человѣка, сожженнаго вмѣстѣ съ шалашемъ и имуществомъ, они бросаютъ въ рѣку.

Народныя примѣты тюркскихъ племенъ, предвѣщающія смерть.

I. К о в ы й.

(Минусинскій окр. Енис. губ.).

В о с н ѣ: видѣть во снѣ священника, пахать пашню, видѣть луну и солнце, растущее дерево, молиться Богу, чесать голову и наряжаться, варить конское мясо, видѣть ворона, копать землю, дѣлать гробъ, видѣть печку, видѣть себя слѣпымъ или близорукимъ, бѣгать взапуски и опереживать кого-нибудь, видѣть у себя новорожденнаго, входить въ новую юрту или домъ, видѣть умершаго человѣка живымъ, видѣть женщину съ толстыми косами, видѣть курицу, яйца или судью.

II. К а л а р ы.

(Минусинскій окр. Енис. губ.).

Н а я в у: ночевать на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли раньше юрта или домъ; спать въ первыя 3 noci послѣ похоронъ въ юртѣ или домѣ, гдѣ былъ покойникъ; видѣть ноги у змѣи; перейти или переѣхать то мѣсто, черезъ которое переползла змѣя.

III. Б е л ь т и р ы.

(Минусинскій окр. Енис. губ.).

Н а я в у: встрѣтиться съ горнымъ или водянымъ духами, явившимися въ образѣ человѣка, свистящаго на разные лады.

IV. К а р г а.

(Минусинскій окр. Енис. губ.).

Н а я в у: видѣть у змѣи ноги или ядъ; видѣть, какъ змѣя проглатываетъ маленькую пташку; видѣть синіе огоньки

(блуждающіе огни) въ полѣ. Во снѣ: видѣть свадьбу или пиръ; быть укушеннымъ собакою; видѣть икону, церковь, священника или шамана.

V. КАРАГАСЫ.

(Нижнеудин. окр. Иркут. губ.).

На яву: свистѣть въ юртѣ. Во снѣ: рѣзать человѣка; рубить растущее дерево; видѣть Урянхайца, Монгола или Бурята; отдавать свой перстень другому человѣку; стрѣлять въ бѣлку или соболя и не убить ихъ.

VI. ЗАПАДНЫЕ КИТАЙСКІЕ ТАТАРЫ.

(Округа Кашгаръ, Аксу, Турфанъ и Пичанъ).

Во снѣ: бѣгать взапуски; сидѣть въ телѣгѣ; видѣть у себя сломанную ногу или руку; видѣть пиръ или свадьбу. На яву: слышать одно карканіе ворона.

VII. ВОСТОЧНЫЕ КИТАЙСКІЕ ТАТАРЫ.

(Округа Хами и Баркуль).

Во снѣ: видѣть сломанныя ножны или футляръ (знач. умереть жена); исполнять предписанія христіанской, буддійской и іудейской религій. На яву: затменіе луны въ первый мусульманскій мѣсяцъ, во второй и восьмой; землетрясеніе во второй мусульманскій мѣсяцъ, третій, четвертый и двѣнадцатый, а въ особенности, если землетрясеніе случится въ пятницу (всѣ эти случаи предвѣщаютъ главнымъ образомъ смерть отъ эпидемической болѣзни); лѣнь къ молитвѣ и чтенію Корана; нежеланіе присутствовать при богоугодной бесѣдѣ; лѣнь къ совершенію омовенія; яденіе запрещенной исламомъ пищи и оклеветываніе своего ближняго; хожденіе въ баню по воскресеньямъ.

Н. Катановъ.

РУССКІЕ ВЪ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ВЪ XVII В.

 Якутская область расположена главнымъ образомъ по системѣ р. Лены и ея притоковъ. Съ сѣвера она примыкаетъ къ Ледовитому океану, съ запада границей ея служитъ р. Анабара, потомъ граница идетъ на югъ къ р. Илимцею, доходитъ почти до ея истоковъ, отсюда поворачиваетъ прямою линіей на юго-востокъ къ устью р. Витима, идетъ по ней до Яблоноваго хребта, по которому простирается далѣе на востокъ до Становаго хребта. На востокъ граница идетъ по Становому хребту и отъ истоковъ Анадыри поворачиваетъ къ устью р. Колымы.

Главная рѣка области Лена, одна изъ величайшихъ рѣкъ на земномъ шарѣ, начинается разными источниками изъ сѣверо-западной части пояса горъ Байкальскихъ, имѣетъ дугообразное теченіе на сѣверъ и впадаетъ въ Ледовитый океанъ; ширина ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до 2—3-хъ, даже до 10 верстъ, а въ длину теченіе ея имѣетъ болѣе 4-хъ тысячъ верстъ. Лена въ нижнемъ своемъ теченіи покрывается льдомъ предъ концомъ сентября, а въ верхнемъ въ октябрѣ и ноябрѣ. Вскрывается въ верхнемъ теченіи въ началѣ и половинѣ апрѣля, къ устью въ исходѣ мая, иногда въ половинѣ іюня. Между притоками Лены наиболѣе замѣчательны: съ лѣвой стороны р. Вилюй—течетъ отъ запада къ востоку на протяженіи болѣе 800 верстъ и впадаетъ въ Лену ниже Якутска; съ пра-

вой стороны: Витимъ—береть начало изъ разныхъ озеръ въ уѣздѣ Верхнеудинскомъ и, протекши около 1700 верстъ, вливается въ Лену нѣсколько ниже слободы Витимской, Олекма начинается около Яблоноваго хребта и впадаетъ въ Лену немного ниже Олекминска, длина ея до 1400 верстъ; Алданъ—береть начало съ Яблоноваго хребта и вливается въ Лену ниже Якутска на 180 в.; теченіе его имѣеть около 1800 верстъ. Помимо Лены и ея притоковъ въ Якутской области находятся слѣдующія рѣки, текущія параллельно съ Леной и впадающія въ Ледовитое море: къ западу отъ Лены р. Оленекъ, имѣющая до 1000 вер. длины; къ востоку: Яна, далѣе Индигирка, образуемая отъ соединенія рѣчекъ Омекона и Кундусуня, вытекающихъ изъ Берхоянскаго хребта, и Колыма, начинающаяся въ предгорья Становаго хребта, имѣеть до 1500 верстъ.

Относительно почвы и растительности, отчасти климата, Якутскую область можно раздѣлить на двѣ полосы: одна идетъ къ сѣверу отъ 62° с. ш., а другая къ югу. Сѣверная, по преимуществу тундровая полоса, занимающая побережье сѣвернаго океана до 62° с. ш., имѣеть болотистую, промерзлую почву, которая оттаиваетъ лишь на небольшую глубину и производитъ мхи и лишай, а также ягодные кустарники. Настоящихъ лѣсовъ въ этой полосѣ, особенно ближе къ сѣверу, нѣтъ, встрѣчается только искривленный, приземистый соснякъ, тальникъ, можжевельникъ и нѣкоторыя другія растенія. Климатъ сѣверной полосы чрезвычайно суровъ, вслѣдствіе чего эта полоса бѣдна растительностью. Но со скудостью прозябаемой природы представляется въ противоположности богатство животнаго царства. Здѣсь водятся въ огромномъ количествѣ олени, которые ходятъ по тундрамъ въ безчисленныхъ стадахъ, лоси, песцы, бѣлки. Весною прилетаютъ сюда огромныя стаи лебедей, гусей, утокъ и множество другихъ птицъ. Населеніе въ этой полосѣ чрезвычайно рѣдко и состоитъ изъ тунгусовъ, якутовъ и юкагировъ, которые издавна занимались здѣсь звѣриными и рыбными промыслами, единственными средствами существованія. Между тѣмъ какъ въ сѣверныхъ простран-

ствахъ природа дремлетъ въ оцѣпененіи отъ холода, южная полоса сравнительно наиболѣе богата растительностью и животными. Она имѣетъ преимущественно песчанно-глинистую почву и покрыта безпредѣльными дремучими, состоящими изъ хвойныхъ породъ лѣсами, которые называются тайгами и урманами. Въ этой полосѣ луга изобилуютъ кормовыми травами; изъ хлѣбныхъ растений могутъ родиться рожь, ячмень и овесъ; ячмень можетъ родиться даже около Якутска.

Первоначальныя свѣдѣнія о народахъ Якутской области принадлежатъ оффиціальнымъ документамъ, преимущественно отпискамъ служилыхъ людей Московскаго государства. Но эти оффиціальныя документы представляютъ мало матеріала, относящагося къ уясненію быта народовъ Якутской области, ихъ характера и особенностей; они имѣютъ важное значеніе болѣе какъ историческіе источники, изъ которыхъ мы можемъ почерпать свѣдѣнія относительно хода и характера завоеваній русскихъ въ этой области.

Якутскую область, когда стали проникать въ нее русскіе, населяли слѣдующіе ипородцы. На сѣверѣ весь край между рѣками Индигиркой и Колымой населяли тунгусы и юбагиры. По р. Ленѣ и ея притокамъ, а также по р. Оленеку жили якуты и тунгусы. Когда поселились эти племена въ предѣлахъ Якутской области, какова была ихъ первоначальная исторія намъ совершенно неизвѣстно, такъ какъ нѣтъ никакихъ памятниковъ, которые хотя отчасти могли бы служить къ разрѣшенію этихъ вопросовъ. Впрочемъ у якутовъ сохранилось преданіе, по которому видно, что предки ихъ жили въ древнія времена около верховьевъ Лены и по западной сторонѣ Байкала въ сосѣдствѣ съ монголами и бурятами; но потомъ, поспоривъ съ ними, они принуждены были удалиться, поплыли на плотахъ со всѣмъ своимъ скотомъ внизъ по р. Ленѣ и поселились около Якутска, побѣдивъ жившихъ тамъ тунгусовъ, а оттуда уже распространились и по другимъ мѣстамъ ¹⁾. Основываясь на этомъ преданіи, можно заключить,

¹⁾ Сибирск. Вѣстн. 1824 г. ч. III, стр. 127.

что тунгусы поселились въ Якутской области ранѣе якутовъ. Якуты произошли отъ татарскаго племени, доказательствомъ чему служатъ ихъ наружный видъ и образъ жизни, а преимущественно языкъ, въ которомъ почти всѣ слова татарскія. Якуты говорятъ, что при первоначальномъ поселеніи на р. Ленѣ ихъ было только два рода: первый Батулинскій, который состоялъ подъ начальствомъ Омогой бая, другой Елейскій, старшиной котораго былъ Елей. Этотъ Елей женился на дочери состарившагося Омогоя и имѣлъ отъ нея 12 сыновей; старшій изъ нихъ былъ по имени Хасаласъ. При одномъ изъ наслѣдниковъ его Тыншѣ и покорены были якуты русской власти. Всѣ обитатели Якутской области, во время завоеванія ея русскими, вели кочевую жизнь. Общественный бытъ ихъ былъ устроенъ по родовымъ порядкамъ; они всегда раздѣлялись на роды, управлявшіеся своими старшинами; роды состояли иногда изъ нѣсколькихъ сотъ душъ.

Рыбная ловля и звѣроловство были главными средствами къ жизни сѣверныхъ инородцевъ. Олень для обитателей тундръ составлялъ и теперь составляетъ главное богатство; онъ даетъ имъ одежду, пищу и все, что требуется для кочевой ихъ жизни. Только одни якуты занимались скотоводствомъ. Но о земледѣліи и хлѣбныхъ растеніяхъ тогда не имѣли понятія.

Непроходимые и безконечные лѣса, мертвыя пустыни и топкія болота покрывали якутскую область, а потому русскимъ, еще совершенно незнавшимъ этой страны, трудно было бы идти впередъ для отысканія и завоеванія новыхъ земель по этимъ дремучимъ лѣсамъ и при томъ безъ всякой дороги. Лучшимъ и наиболѣе безпрепятственнымъ путемъ могли служить рѣки; и русскіе дѣйствительно во все время завоеванія якутской области шли въ нее по водяной системѣ, переходя съ одной большой рѣки на другую при помощи притоковъ этихъ рѣкъ. Этотъ путь былъ слѣдующій: отъ Тобольска, областнаго города Сибири, дорога шла зимою и лѣтомъ по Иртышу, Оби, Кети и сухопутно до Енисейска, отсюда опять водою по Верхней Тунгускѣ до Илимска, отъ Илимска дорога

шла сухопутно чрезъ Усть-Кутскій острогъ на р. Лену и внизъ по Ленѣ до Якутска.

Свѣдѣнія относительно первоначальнаго открытія р. Лены и впадающихъ въ нее рѣкъ очень скудны и не ясны. — Открытіе и завоеваніе якутской области, какъ и самое открытіе Сибири, сдѣлано было казаками, съ тою только разницею, что при открытіи Сибири казаки дѣйствовали по собственной инициативѣ, а теперь они шли впередъ по приказанію правительства.

Переходъ на р. Лену совершился съ двухъ концовъ: во 1-хъ Туруханскіе казаки перешли двумя путями: съ р. Нижней Тунгуски на р. Чону (истокъ Вилюя) и съ той же Нижней Тунгуски прямо на верховье р. Лены (Чечуйскимъ волокомъ); во 2-хъ перешли на Лену енисейцы, но позже турханцевъ. Прежде перехода ихъ на р. Лену былъ построенъ Красноярскаго острогъ и осмотрѣна р. Илимъ. Одновременно съ переходомъ на р. Лену Кутскимъ волокомъ основаны остроги Устькутскій, Илимскій и Титорскій въ 1631 году; самое же открытіе Якутской области слѣдуетъ отнести къ 1630 году. Въ этомъ году посланъ былъ изъ Енисейска казакъ Федоръ Ефремовъ съ товарищами, для отысканія новыхъ народовъ и новыхъ земель и для сбора съ нихъ ясака. Перейдя Енисей и поднявшись по Тунгускѣ, казаки пробирались далѣе чрезъ непроходимые лѣса и болота и наконецъ вступили на р. Лену. Тамъ встрѣтили они туземныхъ инородцевъ, называвшихъ себя сохами, а впоследствии извѣстныхъ подъ именемъ якутовъ, собрали съ нихъ ясакъ и снова возвратились въ Енисейскъ. Послѣ этого начали уже систематически посылать казаковъ на Лену каждый годъ для сбора ясака съ прежде покоренныхъ инородцевъ и для покоренія новыхъ. Но, чтобы казаки, при распространеніи на р. Ленѣ русскихъ владѣній, имѣли для себя въ военныхъ дѣйствіяхъ точку опоры, имъ нужно было основать на Ленѣ острогъ, т. е. небольшую крѣпость, въ которой они могли бы укрыться отъ нападеній туземныхъ инородцевъ и который также могъ бы служить складочнымъ

мѣстомъ всѣхъ припасовъ и собираемаго ясака. Съ этою цѣлью былъ посланъ изъ Енисейска на р. Лену казачій сотникъ Петръ Бекетовъ, который съ 20 казаками отправился весною изъ Устькутскаго острога внизъ по р. Ленѣ, прибылъ къ якутамъ и построилъ въ 1632 г. на берегу Лены острогъ, названный Якутскимъ. Острогъ этотъ былъ поставленъ на плоской прибрежной равнинѣ, которая подвергалась потопленію отъ весеннихъ разливовъ, и чрезъ десять лѣтъ въ 1642 году, по наименованіи его городомъ, былъ перенесенъ воеводою Головинымъ на другое мѣсто, въ десяти верстахъ отъ прежняго вверхъ по Ленѣ.

За сборомъ ясака съ якутовъ приходили казаки изъ двухъ городовъ изъ Енисейска и Туруханска. Партіи казаковъ, пришедшіе изъ одного города часто ссорились изъ-за права собирать ясакъ съ партіями казаковъ изъ другаго города, отчего происходили частые беспорядки въ сборѣ ясака, такъ какъ казаки Енисейскіе снова брали ясакъ съ тѣхъ якутовъ, которые уже уплатили его казакамъ Туруханскимъ и наоборотъ. Все это привело якутовъ въ такую злобу, что они рѣшились разрушить Якутскій острогъ. Въ 1634 г. собралось ихъ, подъ предводительствомъ князьца Мымака, слишкомъ 600 человекъ; имъ вышелъ на встрѣчу атаманъ Галкинъ съ казаками. Въ происшедшей затѣмъ битвѣ якуты взяли верхъ и принудили русскихъ спасаться бѣгствомъ и запереться въ острогѣ. Послѣ этого якуты, окружа острогъ, старались его сжечь, но это имъ не удалось. Осада продолжалась съ 9 января до конца февраля. Во время ея казаки терпѣли крайній недостатокъ въ пищѣ, но твердо охраняли свой острогъ и отражали непріятеля. Наконецъ якуты, не видя никакого успѣха, бросили осаду острога и отошли. Галкинъ послалъ за ними партію казаковъ, которая усмирила часть возмущившихся якутовъ, а оставшіеся не усмиренными чрезъ два года снова осадили Якутскъ, но взять его не могли; при этомъ они раззорили остававшихся вѣрными русскимъ якутовъ. Послѣ вторичной неудачи большая часть якутовъ откочевала въ разныя отда-

ленные мѣста, вѣроятно на р. Вилюй и къ Ледовитому морю, потому что Мангазейскіе казаки прежде на р. Вилюѣ Якутовъ не находили, а впоследствии, въ 1641 году боярскій сынъ воинъ Шаховъ, служившій на р. Вилюѣ около семи лѣтъ, доносилъ якутскимъ воеводамъ, что по р. Вилюѣ живетъ до 3-хъ тысячъ якутовъ и тунгусовъ ¹⁾.

Изъ Якутскаго острога казаки стали распространять свои завоеванія по всей Якутской области. На югъ и востокъ отъ Якутска были открыты рѣки: Олекма, Алданъ и Амга около 1632 года, Юдома, притокъ Алдана, въ 1635 г., Мая, также притокъ Алдана, въ 1636 году. А около 1639 г. были учреждены ясачныя зимовья: на Усть Алданѣ, Усть-Маѣ, Амгѣ и др.

Въ 1635 году былъ отправленъ изъ Енисейска на Лену казацкій десятникъ Елисей Буза, съ приказаніемъ осмотрѣть рѣки, впадающія въ Ледовитое море, и наложить ясакъ на тамошнихъ жителей. Прозимовавъ съ десятью казаками въ Олекминскомъ острогѣ, Буза пригласилъ къ себѣ еще 40 человекъ промышленниковъ и вмѣстѣ съ ними, по наступленіи весны, отправился въ путь внизъ по р. Ленѣ; чрезъ двѣ педѣли онъ достигъ устья этой рѣки, затѣмъ поплылъ отсюда Ледовитымъ океаномъ по направленію къ западу и въ одни сутки добрался до р. Оленека. Поднявшись по этой рѣкѣ до устья р. Пирриды, онъ провелъ зиму у кочующихъ по р. Оленеку тунгусовъ и собралъ съ нихъ ясакъ, а съ наступленіемъ весны, по указанію тунгусовъ, вышелъ на Лену при устьѣ р. Молоды, построилъ здѣсь два коча ²⁾ и снова спустился по Ленѣ въ Ледовитый океанъ, по которому плылъ пять дней въ направленіи къ востоку, и наконецъ достигъ устья р. Яны. Послѣ трехдневнаго плаванія вверхъ по этой рѣкѣ, Буза встрѣтилъ якутовъ, среди которыхъ и провелъ зиму. На Янѣ онъ построилъ четыре коча, на которыхъ въ слѣдующемъ 1639 году поплылъ внизъ по рѣкѣ, восточнымъ

²⁾ Допол. къ акт. историч. т. 2-й. № 93.

³⁾ Кочи—плоскостонныя суда, въ длину около 12 сажень и менѣе.

рукавомъ ея достигъ р. Чендоны, гдѣ нашелъ живущихъ въ землянкахъ юкагировъ, обложилъ ихъ ясакомъ и прожилъ въ этихъ мѣстахъ до 1642 года ¹⁾).

Въ то же время, когда Буза открылъ р. Яну съ моря, нѣкто Постникъ Ивановъ открылъ р. Индигирку съ горной стороны. Въ 1636 г. онъ выступилъ изъ Якутска для открытія новыхъ земель съ 30 служилыми людьми. вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ онъ отправился на коняхъ къ верховьямъ р. Яны и отсюда шелъ внизъ по этой рѣкѣ четыре недѣли до якутскихъ и тунгусскихъ поселеній, собралъ съ нихъ ясакъ и отправился далѣе на лошадяхъ же вверхъ по р. Толстаку къ верховьямъ р. Индигирки. На пути онъ встрѣтилъ многихъ неясачныхъ тунгусовъ - ламутовъ. Прошедши внизъ по р. Индигиркѣ около четырехъ недѣль, Постникъ Ивановъ вступилъ въ землю юкагировъ, гдѣ основалъ зимовье, въ которомъ оставилъ 16 казаковъ для ясачнаго сбора, а самъ, собравши съ юкагировъ ясакъ, возвратился въ Якутскъ съ 15-ю товарищами, изъ которыхъ, впрочемъ, на своемъ пути еще оставилъ трехъ челоуѣкъ на р. Янѣ для ежегоднаго ясачнаго сбора. Въ Якутскѣ онъ доносилъ, что по р. Индигиркѣ живетъ много юкагировъ пѣшихъ и оленныхъ, что тамошнія мѣста богаты пушными звѣрями и рыбой и что, наконецъ, у туземныхъ жителей встрѣчается серебро, но откуда они его достаютъ, ему неизвѣстно ²⁾). Между тѣмъ оставленные Постникомъ Ивановымъ въ зимовьѣ казаки построили себѣ два коча и, плавая на нихъ по р. Индигиркѣ, завладѣли ею до самаго устья; затѣмъ предприняли плаваніе по Ледовитому морю далѣе на востокъ и доставили первыя свѣдѣнія о р. Алазѣ.

Такимъ образомъ въ продолженіи какихъ - нибудь 7 — 8 лѣтъ на сѣверо - востокѣ Сибири были открыты громадныя пространства. Конечно, до полнаго изслѣдованія вновь откры-

¹⁾ Допол. къ акт. истор. т. II-й, № 86.

²⁾ Допол. къ акт. истор. т. II-й № 88.

той области было еще далеко, но уже и теперь стало ясно, что приобрѣтеніе этой страны будетъ весьма важно для Россіи въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ она была богата лучшими и цѣнными мѣхами. Понятно, что для окончательнаго покоренія и присоединенія этой области недостаточно было тѣхъ малочисленныхъ казаковъ, которые ежегодно посылались туда изъ Енисейска и изъ Якутскаго острога для изслѣдованія новыхъ странъ; они могли играть только роль пионеровъ, но не могли утвердить тамъ прочнаго и постояннаго господства русскихъ. Для достиженія этой цѣли нужно было учредить въ самомъ центрѣ области постоянную администрацію и постоянное войско, которое могло бы систематичнѣе заняться присоединеніемъ ивородцевъ къ русскому государству.

Дѣйствительно, московское правительство рѣшилось отдѣлить вновь открытую область отъ вѣдѣнія енисейскаго воеводы и учредить въ ней свое воеводство, а также постоянное войско. Въ 1639 г. оно посылаетъ воеводами въ Якутскъ стольниковъ Петра Головина и Матвѣя Глѣбова ¹⁾, поручивъ имъ взять съ собою въ новую Сибирскую землю для угрозы воинскихъ людей 395 человекъ съ пушками и пищалями. Новые воеводы шли въ Якутскъ довольно медленно. Эта медленность въ ихъ пути объясняется тѣмъ, что они должны были везти съ собою весьма большой обозъ съ боевыми и хлѣбными припасами; послѣднихъ было заготовлено на три года, потому что въ новой области туземцы не занимались хлѣбопашествомъ, а слѣдовательно всѣ хлѣбные запасы русскіе должны были везти съ собой. Для подъема и перевозки такого груза требовалось много народа и лошадей, между тѣмъ во всемъ этомъ чувствовался большой недостатокъ, такъ какъ жители, къ которымъ не было ямовъ, иногда отказывались давать подводы даромъ, не смотря на то, что правительствомъ велѣно было вездѣ давать подводы безъ задержекъ. Такъ напр. въ Енисейскѣ всѣ слу-

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время въ наиболѣе значительные города посылалось по два воеводы, одинъ былъ главный, а другой его товарищъ.

живые, посадские, пашенные, торговые и промышленные люди, когда воевода енисейский Веревкинъ потребовалъ подводъ и гребцовъ на суда, отвѣчали, что „до сихъ поръ въ подводахъ изъ Енисейскаго острогу не хаживали и гребцовъ не даывали и указу де государева о томъ не бывало и нынѣ вѣтъ же“; далѣе жаловались на тяжесть своего положенія и соглашались дать подводъ только подъ тѣмъ условіемъ, если даны будутъ имъ извѣстныя льготы. Не смотря на то, что воевода всѣхъ лучшихъ людей и старость пометалъ въ тюрьму и былъ на правѣжѣ, онъ всетаки не могъ добиться подводъ: „безъ государева де указу на насъ подводы велишь править, отвѣчали ему всѣ, и пошли въ рознь, т. е. разошлись ¹⁾. Вслѣдствіе этого отказа Ленскимъ воеводамъ пришлось ѣхать на Ленскій волокъ своими людьми и наймиты. Кромѣ того во время самаго пути встрѣчалось много затрудненій, преодолѣвать которыя нужно было съ большими усиліями и большою потерею времени. На пути по рѣкамъ часто встрѣчались пороги, отчего приводилось выгружать изъ судовъ товары, нести ихъ на себѣ и, по минованіи опасности, снова производить нагрузку. На нѣкоторыхъ порогахъ даже самыя суда нужно было поднимать по канатамъ: „а на иныхъ порогахъ многая была мѣшкота и простио, говорилось въ опискѣ Головина, (многая была мѣшкота и простио) взводили, государь, суды по канатамъ, чело-вѣкъ по семидесять и по осмидесять одно судно“. При та-кихъ трудностяхъ пути плаваніе отъ Енисейска до Ленскаго волока продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ. Вслѣдствіе позд-няго времени воеводамъ привелось провести зиму на Ленскомъ волокѣ, откуда они послали въ Якутскъ 28 чело-вѣкъ служи-лыхъ людей для того, чтобы не было въ иноземцахъ „шато-сти“. Новые воеводы прибыли въ Якутскъ только въ концѣ 1640 года ²⁾. Съ учрежденіемъ воеводства въ якутской обла-сти обслѣдованіе ее русскими и подчиненіе русскому влады-

¹⁾ Доп. къ акт. ист. т. 2, № 69.

²⁾ Доп. къ акт. ист. т. 2, № 85.

честву туземныхъ племенъ принимаетъ систематическій характеръ. Въмѣстѣ съ внѣшнимъ постепеннымъ присоединеніемъ страны вводится въ нее внутренняя организація, которая касается порядка управленія туземцами и русскими, торговли и промышленности.

Въ первое время учрежденія воеводства въ Якутскѣ, изъ него были отправлены многочисленныя экспедиціи для открытій, потому что воевода обязанъ былъ тогда открыть и завоевать какъ можно большее пространство для сбора податей. Главнымъ побужденіемъ къ открытіямъ было, конечно, собираніе съ кочующихъ народовъ подати (ясака), особенно соболиныхъ мѣховъ, которые по мѣрѣ углубленія въ дикія лѣсистыя мѣстности становились лучше и цѣннѣе. Чѣмъ болѣе безстрашные открыватели и изслѣдователи новыхъ земель доставляли государю соболиныхъ сороковъ, тѣмъ больше возвышалась ихъ награда и увеличивалась самая извѣстность. Могущественнымъ поощреніемъ для воеводъ и служилыхъ людей въ ихъ стремленіи къ новымъ открытіямъ была и собственная выгода — богатая нажива при сборѣ мѣховъ.

Съ учрежденіемъ воеводства въ Якутскѣ открытія русскихъ въ южномъ направленіи отъ этого города производятся уже за границами Якутской области въ предѣлахъ Забайкалья и приамурской страны. Новыхъ же поисковъ и открытій спеціально въ южной части области теперь не дѣлается. Вѣроятно, нѣкоторыя земли этой части еще до учрежденія воеводства были болѣе или менѣе обслѣдованы и объясачены, такъ что здѣсь оставалось только поддерживать русскую власть увеличеніемъ числа остроговъ и постоянной посылкой въ нихъ служилыхъ людей; нѣкоторыя же части были совершенно не населены, а потому и не представляли интереса для русскихъ изслѣдователей. Въ 1656 году служилый человекъ Иванъ Игнатьевъ съ 12 товарищами ходилъ для изслѣдованія земель вверхъ по р. Нюгжѣ (впадаетъ въ Олекму), откуда прошелъ къ верховьямъ Алдана, вверхъ по которому проплылъ двад-

цать дней, но на своемъ пути нигдѣ не встрѣтилъ ни жилищъ, ни жителей ¹⁾).

Между тѣмъ рассказы Перфильева, ходившаго на поиски вверхъ по Витиму и Цирию, и другихъ служилыхъ людей доставляли заманчивыя свѣдѣнія о земляхъ забайкальскихъ и приамурскихъ; славившихся хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, рудниками и богатой торговлей. Поэтому-то русскіе обратили большое вниманіе на эти страны и стали неумолимо снаряжать туда экспедиціи для изслѣдованія и пріобрѣтенія такихъ богатыхъ земель.

Не смотря на чрезвычайно суровый климатъ, не смотря на трудности пути по снѣжнымъ пустынямъ и по Ледовитому океану, постоянно затертому льдами, не смотря на чрезвычайную скудость продовольствія, обслѣдованіе сѣверныхъ береговъ Ледовитаго океана производится съ упорною настойчивостію и постоянствомъ. Обслѣдованіемъ этимъ занимались не только служилые люди, но и промышленники, которые шли въ эти холодныя страны, побуждаемые къ многотруднымъ путешествіямъ надеждою на прибыльную торговлю съ прибрежными жителями страны. Они не рѣдко даже предупреждали открытіями служилыхъ людей.

Въ 1642 году возвратился изъ своихъ поисковъ въ сѣверныхъ краяхъ Якутской области Елисей Буза, о дѣйствіяхъ котораго я говорилъ выше, и привезъ съ собою троихъ юкагировъ-аманатовъ, которые рассказывали на разспросахъ, что между рѣками Яной и Индигиркой есть еще рѣка Нерога, впадающая въ Ледовитый океанъ, на которой недалеко отъ ея устья находится въ утесѣ серебряная руда, и что тамошніе жители богаты серебромъ. Получивъ это заманчивое извѣстіе, якутскіе воеводы снова посылаютъ Бузу „провѣдать на крѣпко про ту Нерогу: естьли такая р. Нерога и если есть, то находится ли тамъ серебряная руда ²⁾“. Дальнѣйшихъ свѣдѣній относительно Бузы и его вторичной экспедиціи мы не имѣемъ.

¹⁾ Доп. къ акт. ист. т. 4, № 35.

²⁾ Доп. къ акт. ист. т. 2, № 99.

Но конечно поиски р. Нероги были тщетны по той причинѣ, что ея не существуетъ.

Въ 1646 г. якутскій казакъ Михайль Стадухинъ пришелъ въ Якутскій острогъ съ ясачнымъ сборомъ и принесъ первое извѣстіе о р. Колымѣ, на лѣвомъ берегу которой онъ основалъ Нижне-Колымское зимовье около ста верстъ отъ устья рѣки, въ которомъ и прожилъ два года, занимаясь сборомъ ясака. „А Колыма де рѣка велика, говорилъ онъ, есть съ Лену рѣку, идетъ въ море, а по той Колымѣ живутъ иноземцы оленные и пѣшіе сидячіе многіе люди, и языкъ у нихъ свой“. Къ западу отъ Колымы онъ нашелъ р. Чукочью, по берегамъ которой жили чухчи. Чухчи, какъ его увѣряли, промышляютъ моржей на одномъ „большомъ“ островѣ на Ледовитомъ океанѣ, лежащемъ противъ устья р. Чукочьей и будто бы составляющемъ одно съ Новой Землей „а тотъ де островъ Камень, въ мори поясъ, и промышленные люди смѣчаютъ все то одинъ идетъ, что ходятъ изъ поморья съ Мезени на Новую Землю, и противъ Енисейскаго и Тазовскаго и Ленскаго устья тотъ камень тожъ все одинъ, что называютъ Новой Землей“. Вѣроятно за Новую Землю они принимали одинъ изъ Крестовыхъ острововъ, находящійся противъ устья р. Чукочьей. Затѣмъ Стадухинъ принесъ извѣстіе о р. Пагычѣ (къ востоку отъ Колымы) богатой соболями ¹⁾. Извѣстія Стадухина возбудили къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ, какъ служилыхъ, такъ и промышленныхъ людей. Казакамъ и промышленникамъ, недавно зашедшимъ во вновь покоренную ими страну, но уже привыкшимъ къ трудамъ и лишеніямъ кочевой жизни, достаточно было услышать о новомъ независимомъ и богатомъ моржевымъ зубомъ народѣ, чтобы предпринять поиски въ неизвѣстныя мѣста, гдѣ открывалось новое поле для ихъ неутомимой дѣятельности и для наживы.

Первое плаваніе по Ледовитому океану на востокъ отъ устья р. Колымы предпринялъ во главѣ промышленниковъ въ

¹⁾ Доп. къ Акт. Ист. т. 3, № 24.

1646 г., Исай Игнатъевъ, родомъ изъ Мезени. Проплывъ по Ледовитому морю въ восточномъ направленіи около двухъ сутокъ, они вошли въ губу, окруженную скалами материка, гдѣ встрѣтили чукчей, съ которыми и открыли торговлю оригинальнымъ способомъ. Не зная чукотскаго языка, они разложили свои товары на берегу; чукчи, выбравъ изъ этихъ товаровъ что имъ нравилось, съ своей стороны выложили на мѣсто взятаго извѣстное количество моржевыхъ зубовъ. Обмѣнявъ такимъ способомъ свои товары, Исай Игнатъевъ съ товарищами возвратился на Колыму ¹⁾).

Въ слѣдующемъ году прикащикъ московскаго купца гостинной сотни, Алексѣя Усова, Ѳедотъ Алексѣевъ, холмогорецъ, и казакъ Семень, Ивановъ сынъ, Дежневъ, отправленный въ предпринимаемое путешествіе для соблюденія интересовъ казны, съ обществомъ промышленниковъ, въ іюнѣ вышли на четырехъ кочахъ изъ устья р. Колымы и отправились въ море отыскивать рѣку Анадырь, которая, по слухамъ, должна впадать въ Ледовитое море; но, встрѣтивъ на пути множество льдовъ, которые не позволяли продолжать путешествіе, они возвратились назадъ, не достигнувъ никакихъ результатовъ.

Въ этомъ же 1647 г. былъ отправленъ изъ Якутска Михаилъ Стадухинъ, которому приказано было отыскать р. Пагычь и привести въ подданство прибрежныхъ жителей. Стадухинъ вышелъ изъ Колымы для отысканія Пагычи въ 1649 г. на двухъ кочахъ, но одинъ кочъ разбило при самомъ выходѣ въ море. Проплывъ подъ парусомъ на востокъ семь сутокъ и не видя никакой рѣки, Стадухинъ присталъ къ берегу съ тѣмъ, чтобы узнать отъ туземныхъ жителей объ отыскиваемой рѣкѣ, но туземцы—коряки—не могли дать относительно этого никакихъ свѣдѣній. Между тѣмъ у путешественниковъ обнаружился крайній недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, вслѣдствіе чего они должны были возвратиться послѣ безуспѣшнаго плаванія.

¹⁾ Сибирск. Вѣстн. 1821 г., часть 15.

Между тѣмъ Дежневъ и его бывшіе ступники, не смотря на неудачу своего перваго плаванія, не потеряли надежды отыскать р. Анадырь и на другой же годъ послѣ возвращенія изъ перваго путешествія, т. е. въ 1648 г., снарядивъ семь кочевъ, 20 іюня изъ Колымы пустились въ море отыскивать устье Анадыри. Участъ четырехъ изъ этихъ кочевъ неизвѣстна; остальными тремя начальствовали: Семень Дежневъ, промышленный Ѳедотъ Алексѣевъ, участвовавшіе въ первыхъ поискахъ, и казакъ Герасимъ Анкудиновъ. Во время плаванія по морю разбило кочъ Герасима Анкудинова и находившіеся на немъ люди перебрались на остальные два судна. 20-го сентября, т. е. послѣ трехъ мѣсячнаго плаванія по Ледовитому морю, у путешественниковъ произошла драка съ встрѣтившимися на берегу чукчами, во время которой былъ раненъ Ѳедотъ Алексѣевъ. Вскорѣ послѣ этой стычки съ чукчами бурей разнесло оба коча, и они уже болѣе не соединялись. Дежневъ „носилъ по морю послѣ Покрова Богородицы всюду неволею, и выбросило на берегъ въ передній конецъ за Анадырь рѣку“. Нужно замѣтить, что Дежневъ мало говоритъ о своихъ приключеніяхъ на морѣ и о тѣхъ препятствіяхъ, которыя могли встрѣчаться ему отъ льдовъ, вѣтровъ и т. п. мало, также описываетъ характеръ и направленіе берега отъ Колымы до Берингова пролива. Онъ только болѣе подробно останавливается на описаніи большаго Чукотскаго носа, который онъ отличаетъ отъ носа, находящагося при р. Чукочьей „а не тотъ носъ, который отъ Чухочьи рѣки лежитъ, до того носу Михаилъ Стадухинъ не доходилъ“. Носъ этотъ, по описанію Дежнева вышелъ далеко въ море и лежитъ между сѣверомъ и сѣверо-востокомъ „промежъ сиверъ на полунощникъ“ и поворачивается кругомъ до р. Анадыря „а добраго побѣгу отъ носа до Онодыри рѣки трой сутки, а болѣ нѣтъ“. На Русской сторонѣ носа „вышла рѣчка, становье тутъ у Чухочъ дѣлано, что башни изъ кости китовой“. Противъ носа лежатъ два острова, на которыхъ живутъ Чукчи съ прорѣзанными губами и продѣтыми въ нихъ кусками моржевыхъ клыковъ „а врѣзываны у нихъ зубы,

прорѣзываны губы, кость рыбей зубъ“¹⁾). Судя по подробному описанію Чукотскаго носа, можно съ достаточною вѣроятностію предполагать, что Дежневъ и его спутники совершили отважное плаваніе въ Великій океанъ и первые прошли проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки и впослѣдствіи названный Беринговымъ.

Возвратимся къ Дежневу и его товарищамъ. Выброшенный на берегъ Дежневъ и его 25 товарищей скитались цѣлыхъ десять недѣль по неизвѣстной странѣ, отыскивая р. Анадырь и не встрѣчая ни одного живого существа. Наконецъ они вышли къ устью Анадыри, въ мѣстность безлѣсную и необитаемую, гдѣ пришлось имъ терпѣть страшныя лишенія отъ голода и холода, вслѣдствіе чего спутники Дежнева рѣшились отправить для развѣдокъ вверхъ по р. Анадырю 12 человекъ, которые въ продолженіи двадцати дней шли впередъ, но не встрѣтивъ на пути никакихъ жителей, рѣшились возвратиться въ станъ. Большая часть ихъ погибла отъ голода и изнеможенія и только двое возвратились въ станъ Дежнева. Наконецъ самъ Дежневъ съ оставшимися при немъ 12-ю товарищами на судахъ пустился вверхъ по р. Анадырю, гдѣ встрѣтился съ малочисленнымъ поколѣніемъ туземцевъ, называвшихся анаулами, съ которыхъ онъ взялъ небольшой ясакъ. Дежневъ основалъ на р. Анадырѣ зимовье, въ которомъ и встрѣтили его въ 1650 году служивые и промышленные люди, пришедшіе съ Колымы подъ начальствомъ Семена Моторы. Узнавъ на Колымѣ отъ плѣнныхъ ходынцевъ, обитавшихъ по верховьямъ р. Анюя, что р. Анадырь впадаетъ не въ Ледовитый океанъ и что кратчайшій путь на нее нужно искать сухимъ путемъ по горамъ, эти промышленные люди, по указанію взятыхъ ходынцевъ, съ Колымы вверхъ по Анюю, потомъ сухимъ путемъ чрезъ Камень, достигли Анадыри и соединились съ Дежневымъ и его товарищами.

Михаиль Стадухинъ, безуспѣшно искавшій устье р. Погыча въ Ледовитомъ морѣ, также отправился на Анадырь су-

¹⁾ Допол. къ акт. ист. т. 4-й № 7-й.

химъ путемъ, провель въ пути семь недѣль, обошелъ стороною зимовье Дежнева, съ которымъ находился въ ссорѣ, и дѣйствовалъ отъ него отдѣльно, простирая свои поиски къ Охотскому морю. Между тѣмъ Дежневъ дѣйствовалъ за одно съ Моторой.

Въ 1651 году они построили на р. Анадырѣ суда, намѣреваясь отправиться на нихъ въ море для новыхъ открытій, но намѣренія ихъ не исполнились, въ концѣ года Мотора былъ убитъ въ одномъ изъ сраженій съ анаулами. Дежневъ не прекратилъ своихъ поисковъ. Лѣтомъ 1652 г. онъ спустился внизъ по Анадырю до самаго устья этой рѣки, гдѣ открылъ коргу (отмель), на которой собиралось множество моржей: „а звѣря на коргу вылегаеть добре много, на самомъ мысу вокругъ съ морской стороны на полъ версты и больше мѣста, а въ гору сажень на тридцать и на сорокъ“... Въ 1654 г. Дежневъ снова ходилъ на промыслы въ море, къ коргѣ, взявъ съ собой казака Юшку Селивестрова, присланнаго изъ Якутска съ приказаніемъ промыслять въ пользу казны моржевые зубы. Этотъ Селивестровъ, участвовавшій въ прежнемъ плаваніи по Ледовитому морю Михаила Стадухина, утверждалъ, что онъ и Стадухинъ открыли эту мель въ первое морское путешествіе (1649 г.). Притязанія Селивестрова на первенство открытія корги, побудили Дежнева писать отписки, въ которыхъ опровергаетъ Селивестрова и въ которыхъ находятся нѣкоторыя извѣстія о знаменитомъ плаваніи Дежнева. Въ этихъ отпискахъ можно найти хотя краткое, но определенное описаніе характера мѣстности вновь открытой прианадырской страны: „а рѣка Анадырь не лѣсна и соболей по ней мало, съ вершины малой листьакъ днищей на шесть или на семь, а иного чернаго лѣсу нѣтъ никакого кромѣ березнику и осинника, и отъ малаго маена (правый притокъ Анадыри) кромѣ тальника нѣтъ лѣсу никакого, а отъ береговъ лѣсу не широко, все тундра да камень; а той рѣкѣ Анадырѣ чертежъ съ Онюя рѣки и за камень на вершину Анадыру и которыя рѣки впали большіе и малые и до моря

и до той корги, гдѣ вылягаетъ звѣрь; а ходу съ вершинѣ Анадырю до ясачнаго зимовья съ камени грузными нартами недѣли двѣ или больше“... Въ томъ же 1654 году Дежневъ, продолжая плаваніе у береговъ моря, отбилъ у Коряковъ якутку, жившую прежде съ Ѳедотомъ Алексѣевымъ, отъ которой узналъ, что Ѳедотъ и Герасимъ Анкундиновъ умерли отъ цынги, многіе изъ ихъ товарищей убиты, а остальные немногіе уплыли на лодкахъ, но куда неизвѣстно ¹⁾.

Такимъ образомъ Дежневъ цѣлыхъ шесть лѣтъ (съ 1648 по 1654 годъ) провелъ въ прианадырской странѣ въ неутомимой дѣятельности; воевалъ съ Анаулами, Ходинцами и Коряками, плавалъ по Анадырю вверхъ, отыскивая горою путь къ Колымѣ, и внизъ, выходя въ море для промысловъ моржеваго зуба. Дальнѣйшая судьба Дежнева неизвѣстна; неизвѣстно даже, возвратился ли онъ изъ этого края, или погибъ среди дикихъ туземцевъ. Плаваніемъ и отписками Дежнева оканчиваются въ 17 столѣтіи открытія и изслѣдованія Русскими сѣверныхъ странъ Якутской области. Изъ предшествующаго изложенія видно, что, хотя при подчиненіи сѣвера Якутской области подъ власть Московскаго государства, русскіе встрѣчали весьма слабое сопротивленіе со стороны туземнаго населенія, но тѣмъ не менѣе экспедиціи на сѣверъ представляли весьма много трудностей. Русскимъ нужно было имѣть громадную предприимчивость, терпѣніе и силу духа, чтобы переносить всѣ бѣдствія, причиняемыя климатомъ, недостаткомъ пищи и главнымъ образомъ опасностями плаванія по Ледовитому морю. Сколь трудно и опасно было плаваніе по Ледовитому океану можно видѣть изъ описанія плаванія Булдакова.

Въ 1649 г. Тимофей Булдаковъ былъ отправленъ изъ Якутска на р. Колыму для завѣдыванія тамошнимъ острогомъ. Вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ онъ не могъ добраться до моря въ одно лѣто и потому остановился зимовать въ Жиганскѣ,

¹⁾ Допол. къ акт. ист. т. 4, № 7.

откуда, по наступленіи лѣта, и выплылъ 2-го іюля на взморье, гдѣ простоялъ по причинѣ противныхъ вѣтровъ четыре недѣли. Съ этихъ поръ начинается для Булдакова и его товарищей непрерывный рядъ бѣдствій и тяжелыхъ испытаній. По наступленіи попутнаго вѣтра, кочь Булдакова подь парусомъ поплылъ къ Омолоевой губѣ, но здѣсь его затерло льдами, съ которыми носило по морю восемь дней. Наконецъ льды прибило къ острову противъ устья Лены. Пробиваясь два дня между льдами кочь присталъ къ острову, гдѣ простоялъ шесть дней, такъ какъ вѣтра были непостоянны и противны. Когда Булдаковъ замѣтилъ, что море очистилось отъ льда, то снова пустился съ своими товарищами на кочѣ къ Омолоевой губѣ, гдѣ опять затерло ихъ льдами, изъ которыхъ съ большимъ трудомъ удалось имъ выбиться назадъ къ устью Лены. Здѣсь съ ними соединилась восемь кочей служивыхъ и промышленныхъ людей, готовыхъ отплыть въ море. По наступленіи благоприятнаго вѣтра всѣ эти кочи вмѣстѣ поплыли къ Омолоевой губѣ, въ которой однако былъ наносный ледъ, отчего приходилось плыть съ большими затрудненіями; на другой сторонѣ губы протокъ между островомъ и берегомъ, гдѣ обыкновенно ходили кочи, оказался совершенно затертымъ льдами. Путешественники общими усиліями просѣкли льды и провели свои кочи ближе къ берегу, держась котораго въ однѣ сутки доплыли до устья р. Яны; тутъ опять имъ встрѣтились большіе льды и только благодаря отлогости морскаго берега, препятствующей большимъ льдинамъ приближаться къ нему, они, слѣдуя подлѣ берега, благополучно, хотя и съ большимъ трудомъ, миновали Святой носъ и достигли Хромой губы. Губа эта была наполнена огромными льдинами, которые затрудняли плаваніе кочей, но имъ еще болѣе приносили вреда тонкіе льды, покрывшіе море и образовавшіеся отъ ночныхъ морозовъ; они рѣзали края кочей. Но вотъ 30 Августа замерзло все море и пять кочей встали недалеко отъ берега, на глубинѣ одной сажени. Черезъ три дня ледъ сдѣлался толщиною въ ладонь и Булдаковъ съ товарищами хотѣлъ перетащить весь

грузъ съ кочей на берегъ, какъ вдругъ подулъ сильный вѣтеръ съ берега, которымъ изломало ледъ и кочи отнесло вмѣстѣ со льдомъ въ море, гдѣ ихъ носило пять дней. Наконецъ вѣтры утихли и море снова покрылось льдомъ, такъ что на третій день можно было ходить по льду. Тогда Булдаковъ началъ посылать по нѣскольку человекъ для провѣдыванія земли, которые на разстоянїи дня отъ коча Булдакова усмотрѣли бывшій съ ними кочъ казака Андрея Горѣлова. Тогда Булдаковъ рѣшился свезти нартами весь грузъ съ пяти бывшихъ при немъ кочей къ кочу Горѣлова, такъ какъ онъ по предположенію былъ ближе къ землѣ. Дѣйствительно, нарты были сдѣланы и нагружены, какъ вдругъ въ морѣ прибыла вода и разломала ледъ, хотя онъ былъ уже въ поляршина толщиною. Вмѣстѣ съ тѣмъ поднялся сильный вѣтеръ и погналъ льды, на которыхъ находился Булдаковъ съ товарищами, въ море, по которому ихъ носило 5 сутокъ, послѣ чего вѣтеръ стихъ и начались небольшіе морозы. Спутники Булдакова были въ отчаянїи, положеніе ихъ было ужасное: кочи ихъ были переломаны, сами они были страшно изнурены цынгою, стужею, голодомъ и трудомъ. Для своего спасенія отъ очевидной гибели они рѣшились на послѣднее средство: взявъ каждый сколько могъ самаго для себя необходимаго, всѣ отправились по направленію къ берегу. Во время пути имъ привелось терпѣть страшные труды, такъ ледъ подъ ихъ ногами изломало и они должны были перебираться съ одной льдины на другую съ помощію шестовъ и веревокъ „и мы на нартахъ и веревкахъ другъ друга переволачивали, и съ льдины на льдину перепихивались, и идучи по льду кормъ и одежду на ледъ метали, а лодокъ отъ кочей съ собою не взяли, потому что моремъ идучи оцынжали, волочь не въ мочь, на волю Божію пустились, а отъ кочей шли по льду до земли девять дней“. Наконецъ они вышли на берегъ близъ устья р. Индигирки и послѣ многихъ трудовъ и лишеній достигли Уяндинскаго зимовья¹⁾.

¹⁾ Доп. къ Акт. Ист. т. 3, № 79.

Цѣной такихъ усилій Якутская область была въ продолженіе 20 лѣтъ вполне открыта и подчинена русскому владычеству и во всѣхъ важныхъ пунктахъ ея были основаны остроги для наблюденія и удержанія въ покорности туземцевъ.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію внутренняго устройства Якутской области, ея администраціи и узаконеній правительства касающихся русскихъ промышленныхъ и торговыхъ людей и положенія инородцевъ подъ новой властью Московскаго государства.

Въ Якутской области было обыкновенно по два воеводы вмѣстѣ, одинъ считался главнымъ, а другой его товарищемъ; на помощь имъ давался дьякъ, который велъ всю канцелярскую часть. Обязанности и права воеводъ видны изъ наказовъ, которые имъ давались при назначеніи на воеводскую должность. Въ рукахъ воеводъ сосредоточивалась какъ гражданская, такъ и военная власть; всѣ служилые люди, т. е. войска, находившіеся въ области были въ ихъ полномъ распоряженіи: онъ могъ посылать ихъ для усмиренія возмущившихся, для отысканія и покоренія новыхъ земель и для охраны остроговъ. Каждый воевода, по приѣздѣ на мѣсто своего назначенія, долженъ былъ, прежде всего взять у своего предшественника всѣ государевы грамоты и областную печать. Затѣмъ взять городскіе ключи, осмотрѣть укрѣпленія и провѣрить всѣ запасы, находящіеся въ городѣ, какъ хлѣбные, такъ и военные; далѣе провѣрить по книгамъ казну и количество мягкой рухляди. Наконецъ воеводы, по своемъ приѣздѣ, должны собрать въ воеводскую избу изъ каждой волости по два лучшихъ ясачныхъ человѣка, выйти къ нимъ въ цвѣтномъ платьѣ въ сопровожденіи служащихъ, также прилично одѣтыхъ и вооруженныхъ, и объявить имъ жалованное царское слово, объяснивъ, что государь прислалъ воеводу для охраны ихъ покоя и имущества отъ притѣсненія и корыстолюбія и спросить, не было ли имъ какихъ обидъ и притѣсненій отъ прежнихъ воеводъ. Наконецъ, угостивъ ихъ на казенный счетъ, распустить по домамъ, наказавъ при этомъ, „чтобы они государевъ ясакъ и поминки готова по вся годы приносили сполна“.

По вступленіи въ управленіе областью воевода долженъ былъ держать городъ и остроги съ осмотрительностью отъ непріятеля, чинить судъ и расправу по справедливости и какъ можно стараться объ отысканіи новыхъ земель, объ ихъ присоединеніи подъ власть Московскаго государя и главнымъ образомъ объ увеличеніи сбора ясака ¹⁾).

Для удобнѣйшаго сбора ясака и удержанія ясачныхъ людей въ подданствѣ, пространства, на которыхъ обитали кочевые и бродячіе инородцы, объясаченные русскими, раздѣлялись на округа, называвшіеся улусами, въ которыхъ ставились остроги, обнесенные палисадами и зимовья или малыя остроги, а иногда нѣсколько избъ, ничѣмъ не огражденных, которыя назывались также зимовьями. Нѣкоторыя зимовья не имѣли постоянного гарнизона и служили мѣстомъ пріюта во время сбора ясака для ясачныхъ сборщиковъ и казаковъ; но болѣе важныя остроги всегда имѣли постоянный, хотя и не многочисленный гарнизонъ, который смѣнялся чрезъ каждые три года новымъ гарнизономъ. Назначеніе начальника острога и смѣна гарнизоновъ вполнѣ зависѣла отъ воеводъ. Завѣдующимъ острогами давались отъ воеводъ наказы, въ которыхъ излагались инструкціи для ихъ дѣйствій, во многомъ сходныя съ инструкціями даваемыми воеводамъ. На ихъ обязанности лежало принятіе острога отъ предшественника, исправный сборъ ясака, ласковое обхожденіе съ подвластными, правильное веденіе списковъ ясачнымъ людямъ и собираніе ясака, наблюденіе за служивыми, торговыми и промышленными людьми, чтобы они не производили мѣны своихъ товаровъ на мягкую рухлядь иноземцевъ прежде сбора ясака. Далѣе, начальники остроговъ должны были строго слѣдить за тѣмъ, чтобы сборщики ясака не брали себѣ мягкой рухляди у ясачныхъ людей за поноровку въ ясакъ, или насильно, если же у кого окажется такая мягкая рухлядь, то ее отбирать въ казну.

¹⁾ Доп. къ акт. ист. Наказы якутскимъ воеводамъ, объ отправленіи ими должности.

Если служилые люди, собравъ ясакъ, дорогою будутъ прятать его у ясачныхъ людей съ цѣлю завладѣть самимъ, то этихъ служилыхъ людей предписывалось „бить батоги нещадно, а ихъ рухлядь отбирать на государе“. Начальники остроговъ должны были внушать туземцамъ, чтобы они, оставшюся отъ сбора ясака и поминокъ рухлядь въ иные немирные земли, которые не подъ государевою высокою рукой, не отвозили и за свой счетъ не торговали. Наконецъ въ острожкахъ по башнямъ приказывалось имѣть постоянные караулы днемъ и ночью; аманатовъ велѣно было держать въ аманатскихъ избахъ, въ казенкахъ за запоромъ и въ желѣзахъ за крѣпкою стражей, чтобы не могли освободить ихъ родственники и другіе немирные люди ¹⁾. Каждый годъ начальники остроговъ и зимовій, а также служивые люди, посылаемые за сборомъ ясака, должны были присылать собранный съ инородцевъ ясакъ въ Якутскій острогъ, при росписяхъ; гдѣ этотъ ясачный сборъ, по приказанію воеводы, торговые и промышленные люди разбирали по сортамъ, цѣнили прямой сибирской цѣной и, написавъ оцѣночные списки, прикладывали подъ эти списки свои руки. Послѣ этого весь ясачный сборъ запечатывался государевою печатью („а государева печать въ Якутскомъ острогѣ серебряная, вырѣзанъ на ней орелъ поймалъ соболя, около орла вырѣзано: печать государева новые Сибирскіе земли, что на Великой рѣкѣ Ленѣ“), потомъ вмѣстѣ съ ясачными книгами и оцѣночными росписями отсылался подъ охраной служилыхъ людей въ Москву въ сибирскій приказъ ²⁾. Ознакомившись съ управленіемъ, рассмотримъ распоряженія правительства относительно промышленности въ якутской области.

Такъ какъ инородцы якутской области не имѣли никакихъ понятій о земледѣліи, то всѣ хлѣбные запасы для русскихъ должны были доставляться туда изъ Тобольска и даже изъ Россіи, что конечно было во 1-хъ весьма неудобно, а во

¹⁾ Допол. къ акт. ист. т. 4, № 30, 46, 87 и др.

²⁾ Тамъ же т. 4, № 46.

2-хъ обходилось казнѣ очень дорого. Весьма естественно по этому, что правительство Московское, стремившееся къ тому, чтобы какъ можно увеличить доходы съ новой области и уменьшить на нее расходы, пришло къ мысли распространить земледѣліе во вновь покоренной странѣ. На первыхъ же порахъ присоединенія области, правительство приказываетъ воеводамъ Головину и Глѣбову осмотрѣть по р. Ленѣ и ея притокамъ мѣстности, удобныя для развитія хлѣбопашества и сѣнокосовъ и сдѣлать соображеніе, сколько можно поселить на этихъ мѣстахъ пашенныхъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого приказанія Якутскіе воеводы Глѣбовъ и Головинъ послали для осмотра и описанія пашенныхъ земель пятидесятника Баландина, который представилъ имъ роспись слѣдующимъ мѣстамъ удобнымъ для заселенія хлѣбопашцами: по обѣ стороны р. Илима до Ленскаго волоку, отъ устья Куты по р. Ленѣ внизъ до устья Киренги и далѣе до Тунгусскаго волоку; а въ окрестностяхъ Якутска „хлѣбной пашни не чаять, земля и среди лѣта вся не растаиваетъ“¹⁾. По полученіи этой росписи Якутскіе воеводы писали Енисейскому воеводѣ „чтобы онъ велѣлъ въ Енисейскомъ острогѣ на торгу и въ деревняхъ прокликать не по однажды: кто похочетъ изъ гулящихъ и изъ промышленныхъ людей въ государеву пашню садитца на Илимѣ рѣкѣ, и имъ льготы на пять лѣтъ, а послѣ льготы давать имъ на государя ото всей своей пахоты пятый снопъ; а на Ленѣ рѣкѣ, которые похотятъ въ пашню же сѣсть, и тѣмъ изъ государевы казны на лошадь деньги не въ отдачу, а на другую лошадь дать денегъ займы изъ государевы же казны на два года, да имъ же изъ государевой казны серпы, и косы и сошники, и на государевы десятины сѣмяна по вся годы государевы, а пахать имъ на государя до государева указу съ перваго году семую десятину въ полѣ, а въ двухъ (т. е. озимомъ и яровомъ) потомужъ“. Должно замѣтить однако что первоначальныя поселенія по означеннымъ мѣстамъ производились не на тѣхъ условіяхъ, которыя изложены выше, а на другихъ.

¹⁾ Доп. къ акт. ист. т. 2, № 90.

Первыми поселились на новыхъ мѣстахъ Ерофей Хабаровъ, прославившійся впоследствии открытіемъ Амурскаго края и Пантелей Яковлевъ Устюженинъ. Первый поселился на устьѣ р. Киренги, а второй на Тунгускомъ волоку на слѣдующихъ условіяхъ: Пантелею Устюженину давалось отъ казны на лошадь и обзаведеніе 30 руб. не въ отдачу, и еще 30 руб. за-пмообразно на два года, „а пахать ему на государя съ пер-ваго года десятая десятина въ полѣ, а въ двухъ потомужъ, а сѣмена ржаные и яровые на ту десятину давать государевы“. Хабаровъ же долженъ былъ засѣвать государеву десятину на свой счетъ ¹⁾. Вслѣдъ за ними начинаютъ поселяться и дру-гіе на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ поселился Пантелей Устюженинъ. Но при этомъ сверхъ обработки десятины на государя, новые поселенцы должны были платить десятую часть урожая со своихъ полей. Десятина эта бралась слѣдую-щимъ образомъ: весь сжатый хлѣбъ раздѣлялся на три сорта лучшій, средній и плохой и изъ каждаго сорта бралось по десяти сноповъ со ста; эти снопы должны были обмолотить пашенные люди и уже обмолоченный хлѣбъ поступалъ въ го-сударевы амбары ¹⁾. Хлѣбъ такимъ образомъ собираемый шелъ на продовольствіе войска, находящагося въ области, хотя, ко-нечно, этого хлѣба было недостаточно, такъ какъ число хлѣ-бопашцевъ было небольшое, а потому доставка хлѣба изъ То-больска въ XVII стол. не прекращалась. Якутскимъ воеводамъ дѣлались также постоянныя подтвержденія, чтобы они оты-скивали серебряную и золотую руду; но всѣ поиски и разсп-росы инородцевъ о мѣстахъ нахождения руды оказались на-прасными—никакихъ рудъ въ Якутской области не нашлось.

Правительство обратило также вниманіе на добываніе моржевыхъ зубовъ и мамонтовыхъ костей. Когда правитель-ство узнало изъ отписокъ Стадухина, Селивестрова и Дежнева, что по берегамъ Ледовитаго океана лежитъ много заморской

¹⁾ Доп. къ акт. ист. т. 2, № 92.

²⁾ Тамъ же № 73.

кости (т. е. мамонтовой), а также въ огромномъ количествѣ выплываютъ моржи на извѣстныя мѣста и что охота за этими моржами можетъ дать большую прибыль казнѣ, то немедленно же отправило Якутскимъ воеводамъ грамоту, въ которой приказывалось имъ посылать служилыхъ людей на промыслы за этою мамонтовою костью. „И тое кость привозить въ Якутскъ а изъ Якутска присылать въ Москву, а велѣли бы служилымъ людемъ ту рыбу кость добывать на насъ ежегодно безденежно ¹⁾). Равнымъ образомъ правительство сдѣлало распоряженіе и о томъ, чтобы посылать служилыхъ людей за промыслами моржевыхъ костей, „давъ имъ (т. е. служилымъ людемъ) для промыслу того рыба зубу желѣзныя спицы и иной рыба зубу всякой промышленный заводъ“. При этомъ служилые люди должны были промыслять моржевую кость исполу, т. е. половину отдавать въ пользу казны, а другую брать себѣ; да кромѣ того съ своей половины они должны были давать въ пользу казны еще десятую часть „а что за десятою останется, имати на насъ же въ цену, и давши имъ изъ наше казны за большую кость по 15 и по 20 рублей, а за меньшую кость по 12 рублей за пудъ ²⁾ что же касается до вольныхъ промышленныхъ людей, то они платили на государя за свои промыслы десятую часть лутчимъ рыбимъ зубомъ“. Да кромѣ того самыя лучшіе и большіе кости записывались на государя ³⁾). Судя по большому количеству добываемой въ то время кости и по ея цѣнѣ, эта отрасль промышленности, можно думать, доставляла казнѣ очень большую прибыль.

Относительно торговыхъ людей, приѣзжавшихъ въ якутскую область съ своими товарами и хлѣбными запасами, съ цѣлію мѣны этихъ товаровъ на мѣха инородцевъ, были слѣдующія постановленія. При въѣздѣ въ якутскую область эти торговые люди обязаны были явиться въ таможеню и предста-

¹⁾ Тамъ же т. 3, № 97.

²⁾ Тамъ же т. 4, № 45.

³⁾ Тамъ же т. 3, № 98.

вить проѣзжія грамоты на свои товары, по этимъ грамотамъ таможенный голова или же цѣловальникъ провѣрялъ привозные товары и, если оказывалось товаровъ болѣе, чѣмъ значилось въ проѣзжихъ, и государева отъѣзжая и десятая пошлина не взята, но эти лишніе товары отбирались и записывались на государя. Торговать съ инородцами торговымъ и промышленнымъ людямъ въ ясачныхъ волостяхъ и въ улусахъ и въ новыхъ земляхъ строго воспрещалось прежде сбора государева ясака. Точно также предписывалось строго наблюдать, чтобы торговые и промышленные люди въ зимовьяхъ вина, и пива, и браги, и табаку не держали и не торговали. Слѣдуетъ замѣтить, что инородцы Якутской области были большіе охотники до вина и табаку и готовы были за эти двѣ вещи отдавать лучшіе свои мѣха, что конечно было бы весьма убыточно для казны, поэтому-то правительство воспрещало курить и держать вино частнымъ лицамъ и жестоко наказывало ослушниковъ. Власти якутскія должны были также слѣдить, чтобы торговые и промышленные люди, по окончаніи своихъ промысловъ не проѣзжали мимо Якутскаго острога, а являлись въ якутскую таможенную головѣ и цѣловальникамъ, которые брали десятую пошлину съ товаровъ лучшимъ звѣремъ; затѣмъ лучшіе изъ оставшихся мѣховъ покупали на государя и наконецъ, взявши отъѣзжихъ пошлинъ съ рубля по денгѣ, выдавали на всѣ товары и на мягкую рухлядь проѣзжія грамоты по одной на лицо, за государевою ленскою таможенною печатью, которая изображала собою барса, поймавшаго соболя съ надписью „печать государева Сибирскаго государства великіе Лены рѣки таможенная“. Если же торговые и промышленные люди станутъ торговать между собой соболиной мягкой рухлядью, то съ нихъ берется десятая и перекупная пошлина съ торговаго и промышленнаго челоуѣка съ рубля по алтыну, а со служилыхъ съ рубля по двѣ гривны, покупщикъ же платитъ десятую пошлину товаромъ.

Какъ воеводы, такъ и всѣ должностныя лица не должны были заводить торговлю ни въ городѣ, ни въ ясачныхъ воло-

стяхъ чрезъ родственниковъ, служащихъ или постороннихъ угодниковъ, подъ опасеніемъ опалы „и товаровъ съ собою (говорилось въ наказахъ воеводамъ) съ Руси въ Сибирь и съ Сибирскихъ городовъ на Лену рѣку, опричь государевыхъ и своихъ указныхъ запасовъ, ничего не возити, и съ ясачными и торговыми и промышленными людьми ничѣмъ не торговати и надъ служилыми людьми смотрити и беречи того накрѣпко, чтобы они вина и табаку и товаровъ никакихъ не имали и не возили, и на Ленѣ рѣкѣ въ острожки и по ясакъ ходячи съ ясачными людьми на мягкую рухлядь не мѣняли, и ничѣмъ не торговали“.

Изъ грамотъ къ якутскимъ воеводамъ видно, что якутская область векорѣ послѣ ея завоеванія назначается правительствомъ мѣстомъ ссылки для всякаго рода людей, чѣмъ либо провинившихся въ Россіи. При этомъ приказывалось даже зачислять ихъ въ ней на службу, смотря по ихъ званію и способностямъ. Такъ въ грамотѣ 1649 г., якутскому воеводѣ Францебекову говорится, чтобы воеводы „верстали въ службу ссыльныхъ людей, которыхъ по нашему указу велѣно верстать въ службу“¹⁾.

Племена, обитавшія въ якутской области, не составляли болѣе или менѣе сплоченныхъ обществъ; напротивъ онѣ были разсѣяны по лѣсамъ и тундрамъ области не большими группами, состоявшими изъ одного или нѣсколькихъ родовъ и не имѣвшими никакой зависимости другъ отъ друга. Въ каждомъ родѣ былъ старѣйшина, или какъ называли русскіе князецъ, который и завѣдывалъ всѣми немногосложными дѣлами своего рода. Съ приходомъ русскихъ и съ покореніемъ ихъ власти инородцевъ внутренней строй ихъ быта оставался неизмѣненнымъ. Зависимость инородцевъ отъ русскаго правительства обозначалась присягой на вѣрность московскому государю и главнымъ образомъ платежемъ различнаго рода поборовъ, которые произвели большое измѣненіе въ экономическомъ положеніи инородцевъ и извѣстно подъ именемъ ясака. „И тѣхъ

¹⁾ Доп. къ акт. ист. т. 3, № 63.

иноземцевъ лутчихъ людей (говорилось въ наказахъ) приводить по ихъ вѣрѣ къ щертѣ (присягѣ) на томъ, чтобы государю служить и прямить и добра во всемъ хотѣть, и ясакъ съ себя и съ своихъ улусныхъ людей платили полной, и государевыхъ людей не побивать и не грабить, и быть подъ его царскою высокою рукою со всѣмъ своимъ родомъ и съ улусными людьми на вѣки неотступно въ прямомъ холопствѣ“. Обыкновенно разъ взятый съ какого нибудь рода ясакъ влекъ за собою уже постоянную обязанность подданства. Ясакъ съ инородцевъ брался всегда разнаго рода пушными товарами, какъ-то: соболями, бобрами, лисицами, песцами и пр. брали даже шубы съ туземцевъ. При этомъ требовалось, чтобы ясакъ платился самыми лучшими мѣхами. А съ тѣхъ инородцевъ, у которыхъ не было мѣховъ и которые занимались моржевнымъ промысломъ, ясакъ брался моржевными клыками. Ясакъ былъ трехъ родовъ: во 1-хъ податной, который должны были платить всѣ взрослые туземцы, въ неопредѣленномъ размѣрѣ, во 2-хъ десятинный т. е. десятая часть мѣховъ, добытыхъ ясачными людьми на промыслахъ и въ 3-хъ поминочный или поклонный, количество котораго опредѣлялось доброю волею дающаго. Инородцы, живущіе по близости къ Якутску, каждый годъ должны были привозить туда ясачный сборъ, гдѣ выдавались имъ отписки (росписки) за печатью государя и за подписью дьяка. Въ мѣста же отдаленныя отъ Якутска для сбора ясака посылались служилые люди, которые ходили по улусамъ инородцевъ и по спискамъ собирали съ нихъ ясакъ, давая въ полученіи его лицамъ заплатившимъ росписки. Сборъ ясака производился одинъ разъ въ годъ, другой ясакъ брать въ томъ же году строго воспрещалось.

Такъ какъ обитатели якутской области не имѣли опредѣленнаго мѣста жительства, а перекочевывали съ одного мѣста на другое, то имъ легко можно было бы уклоняться отъ исполненія ясачной повинности. Но правительство, предвидя возможность такого явленія приняло довольно дѣйствительное средство для предотвращенія его и для побужденія ясачныхъ

иноземцевъ къ правильной уплатѣ ясака. Оно предписывало брать съ каждаго обьясаченнаго рода аманатовъ (т. е. заложниковъ) изъ лучшихъ людей и содержать ихъ подь строгимъ карауломъ въ ближайшихъ къ ихъ улусамъ зимовьяхъ или острожкахъ, на казенный счетъ. Имѣя такимъ образомъ въ своихъ рукахъ наиболѣе представительныхъ членовъ извѣстнаго рода, русскіе уже могли рассчитывать на покорность этого рода и на болѣе или менѣе правильную уплату ясака. Дѣйствительно, весьма часто случалось, что какъ только аманатъ убѣгалъ отъ Русскихъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ прекращалась тѣмъ родомъ, къ которому принадлежалъ аманатъ, и уплата ясака. Точно также, когда ивородцы возмущались противъ Русскихъ и нападали на Русскіе острожки и зимовья, то всегда старались выручить находящихся тамъ аманатовъ. Извѣстный аманатъ могъ быть отпущенъ въ свой улусъ только тогда, когда приходилъ къ нему кто нибудь другой изъ его рода.

Подати разныхъ сортовъ, наложенныя Русскимъ правительствомъ на покоренныхъ иноземцевъ, были довольно тяжелы, особенно если принять во вниманіе неопредѣленный размѣръ ясака и характеръ самыхъ его сборщиковъ—служилыхъ людей, въ числѣ которыхъ было много ссыльныхъ, слѣдовательно людей зарекомендовавшихъ себя съ худой стороны. При неопредѣленномъ размѣрѣ ясака и при отдаленности края отъ центра управленія—Москвы, открывался свободный просторъ для произвольныхъ дѣйствій и корыстолюбія воеводъ и служилыхъ людей. Дѣйствительно многіе воеводы, держась пословицы „до Бога высоко, до царя далеко“, отличались крайнимъ произволомъ, несправедливостями и жестокостями. На сколько произвольны были дѣйствія воеводъ въ этомъ краѣ, можно судить по поступкамъ перваго воеводы Головина, который два года держалъ въ тюрьмѣ своихъ товарищей Матьвѣя Глѣбова и дьяка Филатова, а также въ семи тюрьмахъ держалъ болѣе ста человѣкъ служивыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей, обвиняя ихъ въ подстреканіи Якутовъ къ возмущенію и напа-

девію на Якутскъ; а для подтвержденія своего обвиненія старался вымучить у плѣнныхъ возмутившихся якутовъ показаніе на Глѣбова и Филатова въ благопріятномъ для него смыслѣ „якутовъ, князей и улусныхъ людей (говорилось въ челобитной на Головна) пыталъ и огнемъ жегъ и кнутомъ билъ больши мѣсяца, въ трѣ палача, безъ пощады, и тѣ, де якуты въ тѣ поры съ пытки и съ огня, на нихъ на Матьвѣя и на Евѣимія и на русскихъ людей ни накого той якутцкой измѣны и русскихъ людей въ убойство въ наученьѣ ничего не говорили-жь; и Петръ де Головинъ послѣ того своего сыску, тѣхъ якутовъ лутчихъ людей и аманатовъ повѣсилъ двадцать три человѣка, а иныхъ выбравъ же лучшихъ людей билъ кнутѣмъ безъ пощады, и съ того кнута многіе якуты померли и тѣхъ мертвыхъ Петръ вѣшалъ же“¹⁾. Смѣнившій его воевода Пушкинъ также отличался произволомъ, жестокостями и взяточничествомъ. Такъ, онъ не сполна выдавалъ жалованье, слѣдующее служилымъ людямъ, бралъ со служилыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей большіе взятки: тѣхъ же, которые не въ состояніи были давать взтокъ, всячески притѣснялъ; большую часть поминочнаго сбора приносимаго якутами, утаивалъ у себя. Служилыхъ людей; подававшихъ челобитныя о дачѣ жалованья, наказывалъ жестоко батогами и говорилъ: „я де не Петръ Головинъ, всѣмъ исподтиха выведу, а на кого де руку наложу, и ему де отъ меня свѣту не видать и изъ тюрмы не бывать“²⁾. При такомъ порядкѣ дѣлъ незавидно было положеніе въ якутской области даже русскихъ торговыхъ и служилыхъ людей, но еще тяжелѣе было положеніе инородцевъ, такъ какъ, если высшія власти области, которымъ поручалось управленіе краемъ, соблюденіе государевыхъ интересовъ, наблюденіе за правосудіемъ, которыя должны были давать защиту притѣсняемымъ, являлись людьми жестокими, своекорыстными и несправедливыми, то еще менѣе мож-

¹⁾ Доп. къ акт. ист. т. 3-й № 5-й.

²⁾ Тамъ же № 56-й.

но было ожидать справедливости и безкорыстія отъ низшихъ исполнителей власти—людей служилаго класса, которымъ поручался сборъ ясака, а также и отъ людей промышленныхъ, которые пользуясь беззащитностію инородцевъ, производили свои промыслы на соболей и другихъ звѣрей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ промышляли ясачные инородцы, отчего промысловыя мѣста бѣднѣли звѣрями и инородцамъ негдѣ было доставать ясака. Хотя правительство постоянно въ своихъ наказахъ писало, чтобы служилые люди „ходячи по ясакъ, ясачнымъ людямъ напрасныхъ обидъ и налоговъ отнюдь никому никакихъ некоторыми мѣрами не чинили, собирали бы съ нихъ государевъ ясакъ ласкою и привѣтомъ, а не жесточью и не праведжемъ“; однако эти благія распоряженія большею частію оставались пустыми словами, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ этими распоряженіями шли другія подтвержденія, „чтобы собирать государевъ ясакъ предъ прежнимъ съ прибылью, и чтобы съ ясачныхъ людей ясачнымъ сборщикомъ ясакъ собирать по прежнему, безъ попоровки, чтобы въ ясакѣ недобору не было“. Опираясь на такія подтвержденія и на неопредѣленное количество ясака, ясачные сборщики могли производить вымогательства и насилія надъ туземными инородцами. Понятно поэтому, что выведенные изъ терпѣнья инородцы возмущались иногда противъ русскихъ, убивали русскихъ служилыхъ и промышленныхъ людей и переставали платить ясакъ, но такъ какъ эти возмущенія не имѣли правильной организаціи, то возмутившіеся скоро усмирялись русскими и снова объявлялись. Конечно, были также возмущенія противъ русской власти, вызываемыя не притѣсненіями русскихъ, а желаніемъ отстоять свою независимость и прежнее свое положеніе; но всѣ эти возмущенія не могли принести инородцамъ ничего, кромѣ вреда.—Съ покореніемъ якутской области инородцамъ привелось испытывать бѣдствія и другаго рода, бѣдствія причиняемая заразительною и страшною въ то время болѣзнію—оспою, принесенною туда русскими и истребившею значительную часть туземнаго населенія. Такъ напр. оспа опустошала якутскую

область съ 1650 по 1652 годъ. Также сильно свирѣпствовала оспа въ 1681, 1691 и 1695 годахъ. Нужно при этомъ замѣтить, что русскіе не принимали никакихъ мѣръ къ прекращенію этой эпидеміи и къ облегченію участи ипородцевъ. Напротивъ они и тутъ заботились только о томъ, чтобы не уменьшался ясачный сборъ; для чего воеводы приказывали ясачнымъ сборщикамъ стараться, чтобы не пропалъ ясакъ съ умершихъ и чтобы они брали этотъ ясакъ съ тѣхъ, которые послѣ умершихъ „животы и скотъ взяли“, а для этого они должны наблюдать и записывать „у кого сколько чего живота и скота послѣ смерти осталось, и кто сколько чего взялъ, для того, чтобы и впередъ было на комъ собирать государевъ ясакъ“. Русскіе въ томъ случаѣ прибѣгами даже къ обману: „а якутцкимъ князцомъ (говорилось въ наказѣ ясачнымъ сборщикамъ) и лутчимъ и улуснымъ людямъ про то, что послѣ умершихъ скотъ описывать для государеву ясаку и поминковъ, не оказывать, а говорить имъ якутомъ рѣчью, что де стольникъ и воевода Иванъ Половичъ Акинфовъ да дьякъ Осипъ Степановъ велѣли у васъ у якутцкихъ князцей и у лутчихъ якутовъ и у улусныхъ людей умершихъ якутовъ скотъ описывать, жалѣючи васъ же якутовъ, чтобы тѣхъ умершихъ якутовъ тотъ скотъ не ясачные якуты и якутцкіе бобаны не роскрасили и сильно не имали“¹⁾).

На распространеніе христіанства среди покоренныхъ ипородцевъ также мало обращалось вниманія. При учрежденіи воеводства въ Якутскѣ туда посланы были вмѣстѣ съ воеводами четыре священника изъ Казани „чтобы на Ленѣ рѣкѣ безъ поповъ не были и служилые съ люди безъ покаянія и причастія не помирили“; вскорѣ была основана въ Якутскѣ и церковь. Но мы не находимъ никакихъ извѣстій, которыя бы показывали, что правительство посылало въ якутскую область духовныхъ съ миссіонерскою цѣлію, Оно ограничилось только нѣкоторыми постановленіями, касающимися тѣхъ иноземцевъ, которые добровольно захотятъ креститься: „а будетъ кто изъ

¹⁾ Доп. къ акт. ист. т. 3-й № 107-й.

ясачныхъ людей похочеть креститца своею волею, и тѣхъ людей велѣти крестить, сыскавъ про нихъ допряма, что своею ли волею они хотятъ креститца, и крестя мужской полъ, устройвать ихъ въ государеву службу и верстать ихъ государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованіемъ, смотря по людямъ, кто въ какую статью пригодитца въ выбылыя Русскихъ служилыхъ людей мѣста; а будетъ кто изъ женскаго полу-жонки или дѣвки похотять креститца, и тѣхъ жонокъ и дѣвокъ потомужъ велѣть крестить и выдавати за мужъ за новокрещенныхъ же и за Русскихъ служилыхъ людей“¹⁾).

Завоеваніе якутской области открывало для подчиненія русской власти другія страны, лежація далѣе на югъ и востокъ. На югѣ былъ открытъ Приамурскій край, а на востокѣ—приморская область и Камчатка, за предѣлами которыхъ воды Великаго океана остановили дальнѣйшее движеніе Русскихъ.

М. Красовскій.

¹⁾ Доп. къ акт. ист. т. 4-й № 46-й.

ХРОНИКА.

Пермская археологическая выставка 1894 г.

Идѣ подъемъ духа, тамъ предпріятія. Замѣчательный въ послѣднее время среди рабочихъ силъ Перми усиленный подъемъ дѣятельности выразился между прочимъ устройствомъ специально археологической выставки, организованной мѣстной архивною комиссіей и мѣстной комиссіей Уральскаго общества любителей естествознанія. Особенно пріятно отмѣтить, что выставка эта обошлась безъ субсидій со стороны правительственныхъ или общественныхъ учреждений: тѣмъ болѣе чести ея устроителямъ.

Конечно, выставка не могла быть богатою, но все же она представляла значительный интересъ и для спеціалиста. Основу и главный интересъ ея составила извѣстная, еще не изданная коллекція древности пермской чуди, принадлежащая наслѣдникамъ А. Е. Теплоухова. Императорск. археологическая комиссія прислала коллекцію вещей изъ раскопокъ В. Г. Дружинина въ окрестностяхъ Кыштымскаго завода и собраніе рисунковъ къ подготавливаемому его изданію сассанидскихъ блюдей. Небольшія коллекціи выставили пермская архивная комиссія, Екатеринбургскій и Пермскій музеи У. О. Л. Е., Нижне-тагильскій музей изъ частныхъ лицъ отдѣльные предметы и коллекціи доставлены были гг. Досмановымъ (значительное собраніе монетъ и жетоновъ), Басовымъ (двѣ сассанидскія серебряныя чарки), Вороной (остяцкое серебряное блюдо), Новокрещенныхъ, Ременниковымъ, Дедюкинымъ, Лавровымъ, Чердынцевымъ, Башковымъ, Кисаревымъ, Вологдинымъ, Подосеновымъ; старинныя книги, рукописи и фотографіи были доставлены гг. Дмитріевымъ, Кропачевымъ, Щеголихинымъ, Суворовымъ, Киселевымъ, Шумайловымъ, Новокрещенныхъ, Вологдиными, Остроумовымъ, Ржевинымъ, отдѣлъ церковныхъ древностей почти совершенно отсутствовалъ.

Выставка продолжалась двѣ недѣли (6—19) іюля) и прошла прекрасно. Такъ какъ главною цѣлью ея было возможно широкое ознакомленіе мѣстнаго населенія съ предметами древности края, чтобъ достигъ этимъ путемъ большаго вниманія къ нимъ и содѣйствовать ихъ сохраненію, то выставка была объявлена бесплатной, и вслѣдствіе этого ежедневно посѣщалась массою горожанъ и пріѣзжихъ. Крестьяне—особенно желательные гости явля-

лись также въ большомъ количествѣ и, надо сказать, пріятно выдѣлялись своею толковою любознательностью. Осмотръ и изученіе коллекцій были облегчены своевременно изданнымъ каталогомъ. Для городской интеллигенціи выставка была очень осмыслена публичною лекціею о чудскихъ древностяхъ, прочтенною предъ самымъ ея открытіемъ лучшимъ въ настоящее время знатокомъ этихъ древностей—*Э. А. Теплоуховымъ*, собравшей до 300 слушателей и выслушанной съ большимъ интересомъ. *Г. Теплоуховъ* въ этой лекціи впервые изложилъ въ обобщенномъ видѣ свои взгляды на культуру пермской чуди и иллюстрировалъ ихъ на коллекціяхъ выставки.

Конечно, выставка стоила немалого труда ея организаторамъ, но она прошла такъ дружно, свѣтло и полезно, что труды эти вознаграждены стоицею. Въ общемъ она оставляла наилучшее впечатлѣніе, и эти строки вызваны исключительно желаньемъ обратить вниманіе нашихъ провинціальныхъ дѣятелей на этотъ весьма удавшійся опытъ. Смѣемъ надѣяться, что и въ Перми чрезъ нѣкоторое время подобная выставка будетъ повторена, тѣмъ болѣе, что это не будетъ стоить большихъ усилій.

Пермскимъ древностямъ въ послѣднее время вообще посчастливилось. *Э. Я. Теплоуховъ* началъ ихъ ученую обработку, Императ. Археологическая Коммиссія предпринимаетъ изданіе родовой коллекціи чудскихъ древностей, которой *г. Теплоуховъ* является настоящимъ владѣльцемъ, и имѣетъ въ виду рядъ новыхъ экспедицій въ Пермскій край; въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ тоже, повидимому, оживился интересъ къ чудскимъ древностямъ. Чудскіе могильники, упорно ускользавшіе отъ изслѣдователей, въ настоящее время найдены. Нива готова и ждетъ дѣлателей.

А. Спицынъ.

МАТЕРИАЛЫ.

I. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ.

Городище Япанчино на рѣкѣ Кубнѣ ¹⁾.

Г. Япанчино, называемое мѣстными татарами только нарицательнымъ именемъ кала ²⁾, находится въ 30 верстахъ къ югу отъ города Свіяжска— въ его уѣздѣ и въ 4-хъ верстахъ отъ впаденія Кубни въ Свіягу; расположено на мѣстности, укрѣпленной съ трехъ сторонъ природою, а съ одной— двумя искусственными канавами и двумя земляными валами идущими параллельно другъ къ другу въ направленіи съ сѣвера къ югу и на протяженіи 110 саж. Сѣвернымъ концомъ оно упирается въ Кубню, а южнымъ— въ болото. Валы и каналы проведены параллельно восточной части горизонта и имѣютъ форму ломанной линіи; поверхность валовъ холмистая. Изъ нихъ внутренній валъ, вмѣстѣ съ площадью городища, въ настоящее время распахивается подъ посѣвъ, почему со стороны Кубни валы и каналы постепенно осыпаются. Площадь городища совершенно ровная и вся въ настоящее время вспахана. Величина этой площади сравнительно не велика.

Почва сверху черноземная, подпочва глинистая. Валы насыпаны изъ глины взятой для образованія рва; все это очень хорошо замѣтно со стороны, омываемой рѣкою. Рѣка Кубня омываетъ городище съ южной и западной стороны. Сѣверная и восточная стороны остаются неповрежденными, потому что сѣверная—ограничена болотомъ, а восточная валами и канавами. Немного не доходя до южнаго конца валовъ оставлено мѣсто для входа. Площадь городища отъ подмыванія береговъ съ каждымъ годомъ уменьшается, а противоположные берега Кубни отъ осадка ила и песку все больше и больше увеличиваются.

Вблизи городища, къ сѣверу отъ него на томъ же берегу Кубни, находится любопытная мѣстность—громадная насыпь ³⁾; неизвѣстно, насыпной курганъ или естественный. Легко принять за курганъ это довольно высокое

¹⁾ Лѣвый притокъ Свіяги.

²⁾ Что значитъ городъ.

³⁾ Не курганъ ли это?

продолговатое и поросшее уже лѣсомъ возвышеніе. Съ этого возвышенія можно видѣть не только городище, но и всѣ селенія въ его окрестностяхъ. Къ сожалѣнію объ этомъ возвышеніи никакихъ преданій мнѣ не извѣстно, о находкахъ тоже ничего не слышно. Помню только то, что проѣзжая мимоѣздомъ, я спрашивалъ объ этомъ возвышеніи двоихъ стариковъ изъ татаръ дер. Наратлы, которые со мною ѣздили на ближайшую ярмарку; по ихъ разсказамъ это есть ничто иное, какъ огромный курганъ, на которомъ обитатели городища приносили жертву и совершали свои св. обряды.

Въ описываемомъ городищѣ можно найти въ изобиліи черепки отъ красной и черной глиняной посуды (въ измельченномъ видѣ), кусочки битаго камня, перегнившія кости различныхъ животныхъ; кромѣ того здѣсь, при распаханіи, находятъ всякаго рода мелкія издѣлія для домашняго обихода и украшенія изъ мѣди, желѣза и кости. Слѣдовъ построекъ не замѣтно, если не считать угля, который въ изобиліи находится и теперь, за остатки истребленныхъ огнемъ строеній во время раззоренія этого городища. Монетъ на этомъ городищѣ не находили. Много русскихъ монетъ находится въ его окрестностяхъ, гдѣ тысячи мѣстныхъ татаръ ежегодно праздновали зеинъ ¹⁾, называемый ими кала алды ²⁾.

По запискѣ Ходжи Хамита Ишмухаметова ³⁾ и по преданію мѣстныхъ татаръ извѣстно, что здѣсь жили какіе то язычники, поклонники огня, не извѣстные нынѣшнимъ обитателямъ страны; къ нимъ нѣкогда принадлежали сосѣднія селенія Бурундукъ, Вузаева, Утякова, Утяшка, Чулпапка; предки нынѣшнихъ татаръ прогнали будто бы этихъ язычниковъ, которые удалились на сѣверъ (за Волгу). Мѣстное преданіе говоритъ, что одинъ ханскій сынъ изъ города Буляра по имени Нуратъ (по нынѣшнему произношенію Наратъ ⁴⁾), сопровождаемый двухтысячнымъ отрядомъ, пришелъ къ владѣтелю этого городища—кану ⁵⁾ за данью; канъ его не принялъ и отказалъ въ дани, почему князь Нуратъ просилъ у отца своего (хана Булярскаго) послать ему на помощь младшаго брата Дуртъ - Имяна съ такимъ же отрядомъ, какъ у него, чтобы отомстить кану за неповиновеніе. До прибытія князя Дуртъ - Имяна Нуратъ съ своимъ отрядомъ скрылся въ дремучемъ лѣсу и жилъ въ немъ нѣкоторое время. Мѣсто, гдѣ расположился Нуратъ съ своимъ войскомъ до прибытія своего брата, не извѣстно, если не считать за него мѣстность ⁶⁾, находящуюся въ 12 верстахъ къ юго-западу отъ этого городища.

¹⁾ Увеселительный праздникъ для молодежи.

²⁾ Что значитъ взялъ городъ, въ старину, вѣроятно, употреблялось въ смыслѣ «взятіе города».

³⁾ Крестья инъ деревни татарской Наратлы, посвятившій себя путешествіемъ въ Мекку и Медину черезъ Кавказъ; умеръ въ 60-хъ годахъ, отъ него осталось много восточныхъ рукописей.

⁴⁾ Что значитъ сосна.

⁵⁾ Такъ назывался владѣтель этого городища—рукопись Хаджи Халита. Г. Шпилевскій говоритъ, что основателемъ этого города былъ Абдуль-Абсалямъ, царемъ же, по сказанію нѣкоторыхъ былъ Канъ.

⁶⁾ Мѣстность эта находится въ лѣсу деревни Малыхъ Каибичъ Кушманской волости, и для насъ любопытна тѣмъ, что состоитъ изъ безчисленнаго множества квадратныхъ или круглыхъ углубленій на подобіе межевыхъ

Когда прибылъ изъ города Буляра на помощь къ своему брату князь Дурть-Имянь съ своимъ двухтысячнымъ полчищемъ, то два родные предводители соединеннаго четырехъ-тысячнаго отряда рѣшились напасть ночью съ двухъ сторонъ: съ востока черезъ входъ въ городище и съ запада черезъ рѣку. Одна часть татарскаго отряда съ восточной стороны напала и подожгла укрѣпленія. Пока обитатели городища занимались тушеніемъ пожаровъ и продолжали отбивать непріятели у входа въ городище, другая часть непріятельскаго полчища, предводительствуемая княземъ Нуратомъ напала съ запада черезъ рѣку. Городъ былъ взятъ и сожженъ татарами. Побѣжденный канъ скрылся въ сосѣднемъ лѣсу и потомъ, окруженный многочисленной толпою подчиненныхъ, удалился на сѣверъ. Жители прочихъ селеній также послѣдовали за побѣжденнымъ каномъ.

Существуетъ преданіе, что оба князя Нуратъ и Дурть-Имянь поселились на правомъ берегу Кубни на разстояніи двухъ верстъ отъ разореннаго городища и ихъ селеніе названо впослѣдствіи по имени старшаго брата Наратлы. Спустя нѣсколько лѣтъ потомки Дурть-Имяна по какой-то причинѣ удалились отъ этого мѣста и поселились въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ въ д. Дурть-Имянь.

Могила князя Нурата находится при деревнѣ татарской Наратлы, на правомъ берегу Кубни и составляетъ нынѣ курганъ, называемый мѣстными татарами Изгелярь-Кабере, — что значитъ могила святыхъ. Курганъ этотъ имѣетъ круглую форму.

Можно предполагать, что религія обитателей городища Япанчино была языческая: выпавшныя татарами вещи имѣютъ нѣкоторое сходство съ вещами, которыя мы встрѣчаемъ у нынѣшнихъ черемисъ и вотяковъ въ губерніяхъ Казанской и Вятской. По разсказамъ стариковъ лѣтъ 30 тому назадъ кладоискателями были выкопаны кости животныхъ—лошади и коровы, сложенные вмѣстѣ и покрытыя сверху каменною плитою; татары принимаютъ ихъ за талеры или червонцы, которые приняли такой видъ по волѣ духахранителя клада, послѣ того, какъ нашедшій кладъ вскрылъ его безъ необходимыхъ заклинаній. Это, вѣроятно, зарытыя въ землю кости жертвенныхъ животныхъ; онѣ были покрыты каменною плитою, чтобы предохранить ихъ отъ собакъ, — нынѣшніе черемисы и вотяки, принося въ жертву лошадь или быка, собираютъ кости жертвы, болѣе крупныя, въ особенности съ дырочками, вѣшаютъ на дерево, остальные зарываютъ въ землю. Мѣсто, гдѣ зарываютъ эти кости, загоразивается, чтобы собаки ихъ не могли достать. Кромѣ этой находки кладоискатели въ недавнее время слѣдали другую—нашли круглую яму, выложенную камнями, на подобіе овинной ямы или небольшой круглой трубы, глубиною около аршина. Въ ней ничего не оказалось, кромѣ угля—въ измельченномъ видѣ.

ямъ; возлѣ каждой ямы есть небольшая земляная насыпь на подобіе небольшихъ круглыхъ кургановъ. Татары сосѣднихъ деревень называютъ эту мѣстность *موقشى قاتقان جیر*—мѣсто, гдѣ замерзъ Моқша.

Названія всѣхъ селеній, расположенныхъ среди лѣсовъ и болотъ, въ окрестностяхъ городища Япанчино, кажется обязаны своимъ происхожденіемъ вотскому и черемисскому языку. Имя Япанча, понынѣ среди вотяковъ и черемись очень распространено.

Корень этого слова—Япан—взятъ изъ перс. яз. и въ тюркскихъ нарѣчіяхъ означаетъ степь, поле, долину (тат. япан—долина, степь; тур. ябан—пустыня).

Въ финскихъ же нарѣчіяхъ, какъ въ вотскомъ, япан — значитъ болотное и луговое мѣсто ¹⁾,

Г. Шпилевскій ²⁾ говоритъ, что царемъ этого города былъ Канъ. По преданію извѣстно, что владѣтелемъ его былъ Кунъ, а не Канъ; у Ходжи-Хамита тоже написано قون Кунъ — у нынѣшнихъ вотяковъ значитъ князь владѣтель.

Названіе сосѣднихъ селеній: Бузай(ова), Бурундукъ, Чулпан(иха), ѳтѣкъ (Утякова), ѳтѣшка (Уташка) происходитъ также, по видимому, отъ финскихъ личныхъ именъ.

Бузай—вотско-языческое имя; Бужай, Бубай—черем. яз. имена и названія черемисскихъ деревень въ Елабужскомъ уѣздѣ.

Бөрөндөк, Бөрөндө языческія имена часто встрѣчаемыя у вотяковъ и черемись. Ср. Бурундук(ова)—названіе вотской деревни въ Елабужскомъ уѣздѣ, Бурунды—названіе села въ Сарапульскомъ уѣздѣ, Бурундукъ—названіе вотской деревни въ Малмыжскомъ уѣздѣ.

II. ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Свидѣтельства китайскихъ и арабскихъ писателей о Туркестанѣ.

Первыми извѣстіями объ этой странѣ мы обязаны китайцамъ, которые со II в. до Р. Х. начинаютъ посѣщать западный Туркестанъ. Въ то время здѣсь были два кочевыхъ народа: къ сѣверо-востоку отъ Ферганы (въ Семирѣчѣ) жилъ народъ У-сунь, къ сѣверо-западу (въ Сырь-дарьинской области)—народъ Канъ-гюй. По китайской транскрипціи трудно возстановить истинныя названія народовъ. Названіе Усунь, какъ извѣстно, и теперь принадлежитъ одной изъ трехъ киргизь-казацкихъ ордъ, именно Большой ордѣ; возможно, что здѣсь сохранилось названіе древняго народа, хотя теперешніе усунь отнюдь не походятъ на древнихъ, которые, судя по китайскому описанію, по крайней мѣрѣ по типу были чистыми арийцами. Можно предположить, что остатки этого народа, смѣшавшись съ тюрками, передали имъ свое имя, подобно тому какъ многія названія монгольскихъ народовъ сохранились среди узбецкихъ и казацкихъ родовъ. Мнѣніе о. Іакинѳа, раздѣляемое д-ромъ

¹⁾ Очень можетъ быть, что названіе этого города происходило отъ обилія луговъ въ его окрестностяхъ; какъ назв. сосѣдней деревни Луговское.

²⁾ «Древніе города и другіе Булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи.

Зеландомъ, что усуни были калмыками, едва ли состоятельно; калмыки проникли въ Семирѣчье только въ XV в., и до XII мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній на то, что среди мѣстнаго населенія былъ монгольскій элементъ. Кангюйцы вѣроятно соотвѣтствуютъ народу Kangha, упоминаемому въ Зендъ-Авестѣ; ихъ отождествляютъ также съ тюркскимъ народомъ Канглы, но сомнительно, чтобы тюрки такъ рано проникли въ западный Туркестанъ. Какъ кангюйцы, такъ и усуни, судя по описанію китайцевъ, ничѣмъ не стояли выше тюркскихъ кочевниковъ; поэтому мнѣніе, приписывающее усунямъ кирпичныя постройки и предметы болѣе высокой культуры, найденныя въ водахъ Иссыкъ-куля и на берегахъ этого озера, кажется мнѣ совершенно ошибочнымъ.

Въ то время упоминается только объ одномъ пути изъ восточнаго Туркестана въ западной—черезъ Фергану; Семирѣчье пока оставалось въ сторонѣ отъ движенія торговли, а слѣдовательно и культуры. Путь черезъ Семирѣчье упоминается не раньше VII в., но движеніе по немъ несомнѣнно началось раньше, такъ какъ въ VII в. мы находимъ тамъ уже значительныя торговыя города. На установленіе новаго пути вѣроятно повліяло образованіе (въ концѣ VI в.) обширной тюркской имперіи, простиравшейся отъ Великаго океана почти до Чернаго моря; средоточіемъ ея былъ Алтай. Столицы подобныхъ кочевыхъ государствъ всегда становились важнымъ торговымъ пунктомъ. Когда имперія тюрковъ (въ концѣ VI в.) распалась, ханы западныхъ тюрковъ болѣею частью жили въ Семирѣчѣ, что еще болѣе должно было поднять значеніе этой страны. Кромѣ того въ Ферганѣ въ VII в. происходили смуты, продолжавшіяся нѣсколько десятилѣтій—и это обстоятельство могло заставлять купцовъ предпочитать другой путь. Судя по описанію Сюань-цана, культура страны въ его время (648 г.) стояла уже довольно высоко; половина жителей занималась земледѣліемъ, другая половина—торговлей; у нихъ былъ алфавитъ, были историческія сочиненія. Притомъ эта культура находилась въ зависимости отъ трансоксіанской, не отъ восточно-туркестанской: по словамъ Сюань-цана «отъ города на рѣкѣ Суй-ѣ (Чу) до царства Гэ-шуан-на (у мусульманъ Саганіанъ, нынѣ Гиссарская область, въ восточной части Бухарскаго ханства) страна называлась Су-ли; жители носили то же самое названіе, которое прилагалось также къ ихъ письменамъ и языку». Это извѣстіе заставляеть предполагать культурное единство всей страны между Аму-дарьей и Чу. Центромъ этой культуры повидимому былъ Самаркандъ, жители котораго, по словамъ китайскаго путешественника, «относительно правилъ нравственности и приличія служили образцомъ для своихъ сосѣдей». Что касается письменъ Су-ли, то это, по всей вѣроятности, были сирійскія письмена (по сирійски Шури); но они были впервые принесены не христіанскими сирійцами, а послѣдователями различныхъ дуалистическихъ сектъ (манихеевъ, маздакитовъ и друг.), бѣжавшими въ Трансоксиану отъ гоненій, которымъ подвергались въ государствѣ Сассанидовъ. Ан-недимъ, арабскій писатель X в., говоритъ, что жители Трансоксианы и (особенно) Самарканда употребляли въ своихъ духовныхъ книгахъ манихейскія письмена и что это письмо называлось у нихъ письмомъ религіи (калам-уд-динъ). Сирійскій языкъ,

конечно, могъ быть здѣсь только книжнымъ языкомъ. Сюань-цань уже не засталъ въ Трансоксианѣ буддистовъ, которые, по словамъ Ан-недима, были здѣсь предшественниками манихеевъ.

Между Чу и Таласомъ Сюань-цань видѣлъ нѣсколько городовъ; въ китайской «Исторіи династіи Танъ» мы находимъ даже ихъ названія, но по китайской транскрипціи ихъ нельзя возстановить. Важнѣйшими торговыми пунктами были Суябъ (у китайцевъ Суй-фъ), въ верховьяхъ рѣки Чу, и Талась, на рѣкѣ того же имени, вѣроятно, на мѣстѣ нынѣшняго Ауліе-ата. Талась упоминается уже въ VI в. греческимъ посломъ Земархомъ.

Въ VIII в. за обладаніе страной боролись китайцы, тибетцы, тюрки и арабы. Китайцы и тибетцы были вытѣснены; арабы доходили до Кашгара и утвердили свою власть въ Трансоксианѣ (извѣстіе объ ихъ походѣ черезъ всю Уйгурію до Турфана, перешедшее изъ англійскихъ книгъ въ русскія, ни на чемъ не основано); остальная часть Сыръ-дарьинской области и Семирѣчье остались въ рукахъ тюрковъ.

Исторія арабскаго завоеванія подробно разсказана мусульманскими историками, у которыхъ мы находимъ также нѣкоторыя свѣдѣнія о культурномъ состояніи страны. Судя по громадной добычѣ, доставшейся арабамъ, въ большихъ торговыхъ городахъ (напр., въ Бейкентѣ, къ юго-западу отъ Бухары) къ тому времени накопились значительныя богатства. Устройство страны было такое же, какъ въ Персіи при Сассанидахъ; мы находимъ здѣсь то же господство поземельной аристократіи, изъ которой, какъ въ средне-вѣковой Европѣ, набиралась блестящая рыцарская конница.

Господство арабовъ смѣнилось господствомъ персидской династіи саманидовъ (874—999 г. г.), при которой страна, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, достигла высшей степени благосостоянія; по словамъ арабскихъ географовъ, населеніе было такъ густо, что ни одинъ клочекъ земли не пропалъ даромъ. Саманиды успѣшно отражали нападенія тюрковъ, даже предпринимали походы въ ихъ владѣнія; такъ Исмаиль-ибн-Ахмедъ взялъ Талась (280 г. гиджры=89³/₄ г. по Р. Хр.) и обратилъ тамошнюю главную церковь (қилиса-и-бузургъ) въ соборную мечеть.

Внѣшняя торговля при Саманидахъ тоже достигла блестящаго развитія. Не смотря на то, что пути въ Китай находились въ рукахъ кочевниковъ, сношенія съ Китаемъ были настолько значительны, что восточныя ворота Самарканда назывались китайскими. Арабскіе географы IX и X вв. причисляютъ всѣ города, расположенные на пути изъ Трансоксианы въ восточный Туркестанъ черезъ Семирѣчье, хотя, къ сожалѣнію, почти ничего не говорятъ о нравахъ жителей и о степени культурности страны. Наиболѣе значительными пунктами были: Талась (Ауліета, у арабовъ Таразъ; звуки *p* и *l* въ тюркскихъ языкахъ часто смѣшиваются), Куланъ (около станціи Тарты), Мирки (Мерке), Невакетъ и Суябъ; два послѣднихъ города находились въ верховьяхъ Чу. По разстояніямъ, указаннымъ арабскими географами, Невакетъ слѣдовало бы помѣстить около станціи Джиль-арыкъ; но такъ какъ отъ Невакета отдѣлялся прямой путь въ восточный Туркестанъ, то городъ вѣроятно былъ нѣсколько южнѣе, около станціи Кутемалды. Суябъ находился въ

3-хъ фарсахъ (около 18 верстъ) дальше. Упомянутый прямой путь вѣроят-но вель черезъ Нарынъ и соединялся съ путемъ изъ Узгента (въ Ферганѣ) черезъ городъ Атбашъ въ Восточный Туркестанъ. Атбашъ несомнѣнно находился на рѣкѣ Атбашъ, вытекающей изъ горъ того же имени; не знаю, можно ли его отождествить съ нынѣшнимъ селеніемъ Атбаши (45 верстъ отъ Нарынскаго укрѣпленія). Селеніе, по словамъ д-ра Зеланда, расположено въ высокой (около 7,500 футовъ), на плодородной долинѣ; средневѣковой городъ Атбашъ находился на высокомъ холмѣ.

(«Туркестанскія вѣдомости» 1894).

III. ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

Качинская легенда о сотвореніи міра.

(Записана въ Минусинск. окр. Енис. губ. на Качинскомъ нарѣчій тюркского языка 2 іюня 1890 года).

Сначала была утка (Богъ). Сдѣлавши другую утку (дьявола) товарищемъ, она послала ее за пескомъ на дно рѣки. Принесенное одинъ разъ она взяла, и послала въ другой разъ. Принесенное во второй разъ она взяла, и послала въ третій разъ. Принесши въ третій разъ, разсыльная утка не отдала вс.го. Своей разсыльной утка говоритъ: «Пусть оставшееся у тебя во рту выростетъ камнемъ, упирающимся у тебя во рту!» Песокъ, взятый у разсыльной утки, она разсѣяла; прежде чѣмъ разсѣять, толкла его колотушкой девять дней. Когда она, поколотивши девять дней и повернувшись, посмотрѣла на разсыльную утку, земля ея растетъ, подымаясь за пылью; выросли большія горы. Горы выросли послѣ того, какъ разсыльная утка повыбросала камни, выросшіе у нея во рту. Потомъ, вернувшись, сама говоритъ: «Зачѣмъ ты такъ сдѣлала? я не дамъ тебѣ земли!» Разсыльная ея говоритъ: «Дай земли величиною съ мѣсто, занимаемое юртою!» Та отвѣчаетъ: «Не дамъ!»—«Дай мѣсто для сидѣнія! что буду дѣлать, не имѣя мѣста?»—«Не дамъ!» отвѣчаетъ та.—«Дай мѣсто, занимаемое ступнями ногъ!»—«Не дамъ!» отвѣчаетъ сама.—«Дай мѣсто, занимаемое моей тростью, о которую я опираюсь! ты не обращай вниманія на меня, а я не буду обращать вниманія на тебя!» Разсыльная утка, какъ тутъ стояла, такъ и проткнула насквозь мѣсто, занимаемое ея тростью. Онѣ раздѣлились. Сама она (т. е. Богъ) говоритъ: «Я сотворила землю! Худо смотрѣть, если на ней нѣтъ живаго существа!» Очертивши землю, она сотворила человѣка; сотворивши человѣка, она отправила ласточку за душой человѣка. Чтобы караулить этого сотвореннаго человѣка, она приставила голую собаку и сказала: «Если придетъ Эрликъ-ханъ ¹⁾, то не сдѣлалъ-бы чего худаго! ты стой и лай, не переставая: голосъ твой звонокъ, Эрликъ-ханъ близко не подойдетъ! ласточка прилетитъ черезъ три дня, тогда и я прилечу!» Пришелъ Эрликъ-ханъ и, что ни дѣлаетъ, близко подойти не можетъ,—собака все вре-

¹⁾ Эрликъ-ханъ—властелинъ подземнаго міра. Болѣе подробныя объ немъ свѣдѣнія въ книгѣ «Н. О. Катановъ. Указ. ко II т. «образцовъ Радлова. СПб. 1888». Стран. 19, 20 и 21.

мя лаетъ. Не могли подойти близко, Эрликъ-ханъ сотворилъ зиму съ инеемъ. Собака, замерзши, чуть не умираетъ. Эрликъ-ханъ говоритъ: «Собака, уменьши свой голосъ на половину; я дамъ тебѣ теплую шубу!» Собака, надѣвши теплую шубу, закутываясь и закутываясь, стала лаять въ шутку. Эрликъ-ханъ пришелъ къ давишнему сотворенному человѣку; пришедши, оплевалъ его всего. Пришелъ Богъ и, не могли очистить, выворотилъ человѣка наизнанку: наплеванное снаружи онъ обратилъ внутрь. Богъ говоритъ собацѣ: «Зачѣмъ ты перестала лаять?» Давишняя утка сама—былъ Богъ, разсыльная ея—былъ Эрликъ-ханъ. Собака говоритъ: «Я перестала лаять, потому что чуть не умерла съ холоду!» Когда собака перестала лаять, Эрликъ-ханъ превратилъ дьявола въ собаку, отдавши собацѣ шерсть его. Богъ вылилъ на давишняго человѣка душу, принесенную ласточкой, и человѣкъ поднялся. Богъ ушелъ, не показавшись ему. Потомъ Богъ говоритъ: «Я сотворилъ этого человѣка; какъ онъ будетъ жить одинъ, не имѣя товарища?» Взявши у этого человѣка подложечное ребро, сдѣлалъ ему жену. Богъ говоритъ имъ: «Ѣшьте красную смородину, находящуюся на восходѣ солнца! но не Ѣшьте красной смородины, находящейся на закатѣ солнца,—ее будетъ ѣсть одинъ человѣкъ! какъ бы вы ни ѣли, она не кончится въ продолженіе трехъ дней, я приду черезъ три дня!» Богъ отправился. Когда люди отправились вечеромъ погулять, на закатѣ солнца какой-то конный человѣкъ ѣсть красную смородину. Сокъ (б у к в. кровь) той красной смородины каплетъ на землю. Тотъ конный человѣкъ говоритъ: «Ѣшьте!»—«Нѣтъ, ничего не будемъ ѣсть!» отвѣчаютъ они.—«Ѣшьте! откуда Богъ узнаетъ, что вы ѣли?» Они пришли такъ, не поѣвши ничего. Переночевавши, на слѣдующій день они опять отправились туда-же. Опять говоритъ: «Ѣшьте,—откуда Богъ узнаетъ, что вы ѣли? какъ онъ узнаетъ по одной ягодкѣ? какъ же я ѣмъ?»—«Наше тамъ,—твое здѣсь!»—«Зачѣмъ вы боитесь Бога? какъ же я не боюсь?» Они не поѣли и вернулись. Наѣвшись вечеромъ дома, они ночевали. Утромъ опять отправились туда. Опять онъ говоритъ: «Ѣшьте!» Они не хотятъ ѣсть. Мужъ ушелъ, жена стала собирать сокъ указательнымъ пальцемъ и лизать. «Оказывается, это съѣдобное, если захочется ѣсть! что можетъ случиться и какъ онъ узнаетъ, если поѣсть одну—двѣ ягодки?» Ёла, ёла женщина и наѣлась до—сыта; насбиравши, несетъ своему мужу. Когда она хотѣла дать, мужъ останавливаетъ ее, говоря: «Подальше отъ меня,—не буду ѣсть!»—«Если совсѣмъ нельзя, то попробуй поѣсть, собирая указательнымъ пальцемъ!» говоритъ жена; «если станешь собирать указательнымъ пальцемъ, то откуда узнаетъ Богъ?» Онъ ѣсть, собирая указательнымъ пальцемъ.—«Оказывается, можно ѣсть, если захочется!» сказалъ онъ и съѣлъ. Когда прошло три ночи, Богъ пригналъ овецъ, коровъ, домашнихъ козъ и лошадей и принесъ всего: ржи, ячменя, пшеницы. «Зачѣмъ вы ѣли! развѣ я не говорилъ, чтобы вы не ѣли?» Жена отвѣчаетъ: «Я не ёла!», а мужъ отвѣчаетъ: «Я не ёлъ, она ёла!» Богъ говоритъ: «Ничего! половина будетъ принадлежать ему (т. е. дьяволу), половина будетъ принадлежать намъ!» Послѣ этого Богъ, записавши все въ книгу, назначилъ человѣку питаться травой. Онъ пустилъ въ состязаніе кобылу съ жеребенкомъ и женщину съ ребенкомъ, чтобы узнать, когорая изъ нихъ будетъ скорѣе ѣсть траву. Кобыла съ жеребенкомъ поѣла траву, росшую на одной только горкѣ;

женщина съ ребенкомъ поѣла траву, переваливши семь горокъ. Богъ потомъ говоритъ: «Если я назначу этой женщинѣ питаться травой, то она не оставитъ травы!» Онъ назначилъ человѣку пасти скотъ и ѣсть въ мѣру скотское мясо. Послѣ этого продолжалъ ѣсть траву скотъ. Луну и солнце онъ (т. е. Богъ) отдалъ Эрликъ-хану. Послѣ этого женщина, имѣющая ребенка, потеряла своего ребенка; корова, имѣющая теленка, потеряла своего теленка; кобыла, имѣющая жеребенка, потеряла своего жеребенка. Богъ не можетъ взять у Эрликъ-хана назадъ луну и солнце. Послѣ этого Богъ собралъ всѣхъ пернатыхъ птицъ; собралъ звѣрей, имѣющихъ когти. Богъ сказалъ аисту—начальнику птицъ: «Если придетъ коростель, то вы не смѣйтесь, — если вы разсмѣетесь, онъ осердится и уйдетъ, нельзя будетъ спросить у него ни одного слова!» Когда были собраны всѣ птицы, коростеля не было. Пригласили коростеля. Когда пригласили коростеля, то глава птицъ аистъ разсмѣялся. Коростель осердился и ушелъ, говоря: «Аистъ, глава птицъ, не пригласилъ меня для того, чтобы посмѣяться надо мной?» Теперь Богъ посылаетъ сову, чтобы послушать коростеля дома. Когда она стала слушать, коростель говоритъ: «Пусть Богъ заставитъ кричать сотню мужей, а Эрликъ-ханъ пусть поймаетъ эхо скаль, пусть поймаетъ свою тѣнь, пусть поймаетъ топотъ ста лошадей! Кто можетъ поймать эхо скаль? кто можетъ поймать свою тѣнь? кто можетъ поймать топотъ? Богъ спроситъ, говоря: «Ты не далъ ничего, что я просилъ!» и потомъ получитъ обратно луну и солнце!» Выслушавъ это, сова отправилась и передала Богу всѣ слышанныя слова. Богъ отправился къ Эрликъ-хану, и говоритъ: «Дай эхо скаль, дай топотъ ста лошадей, отдай свою тѣнь!» Эрликъ-ханъ согласился отдать эхо скаль, отдать также топотъ ста лошадей и отдать свою тѣнь. Эрликъ-ханъ заставляетъ сотню мужчинъ ловить тѣнь; начинаютъ они ловить, у нихъ ничего нѣтъ. Богъ говоритъ: «Теперь ты не далъ ничего, что я просилъ!» сто человѣкъ ловятъ топотъ ста коней, они ловятъ, но у нихъ ничего нѣтъ. Эрликъ-ханъ хотѣлъ отдать эхо скаль; сто мужчинъ съ крикомъ ловятъ эхо, но ничего нѣтъ. «Не только одну, но и три вещи я просилъ, ты не далъ! возрати мнѣ луну и солнце!» Теперь они, отнимая другъ у друга луну и солнце, поднялись на поверхность земли. Потомъ Богъ поднялъ луну и солнце наверхъ. Когда онъ затѣмъ поднялъ, все стало жить хорошо. Богъ послалъ ласточку къ Эрликъ-хану, чтобы украсть кремень (б у к в. камень огнива). Ласточка, вылетая отъ Эрликъ-хана и встрѣтившись съ комаромъ (б у к в. желтой мухой), говоритъ: «Здравствуй! куда ты леталъ?»—«Я леталъ, чтобы пососать кровь существъ, находящихся на землѣ!»—«Кто посылалъ?»—«Посылалъ Эрликъ-ханъ!»—«Какого существа кровь слаще?»—«Кровь человѣка—сладкая! я пилъ кровь всѣхъ существъ,—нѣтъ ничего слаще человѣческой крови!»—«Высунь-ка свой языкъ!» Когда онъ высунулъ свой языкъ, ласточка откусила ему прочь языкъ. Теперь комаръ отправился. Эрликъ-ханъ спрашиваетъ у него: «Какого существа кровь слаще?» Не имѣя языка и не имѣя возможности говорить, онъ только поетъ. Эрликъ-ханъ догадался, и погнался за ласточкой, но поймать не можетъ; не могши поймать, онъ оторвалъ ей прочь середину хвоста; поймать не могъ. Ласточка, такъ какъ кремень мѣшалъ ей, бросила половину на скаль. Теперь Эрликъ-ханъ пришелъ къ Богу. У Бога былъ одинъ юноша съ колотушкою

караулившій дверь. Эрликъ-ханъ хочетъ войти. Тотъ юноша говоритъ: «Куда ты пришелъ?»—«Что буду ѣсть, объ этомъ я пришелъ спросить!»—«Ты постой здѣсь, а я войду!» Сказавши такъ, тотъ юноша вошелъ въ юрту Бога. Выйдя оттуда, мальчикъ сказалъ Эрлику-хану: «Пусть Эрликъ-ханъ ѣсть гнилыя деревья», между тѣмъ какъ Богъ говорилъ: «Пусть онъ ѣсть старухъ и стариковъ!» Эрликъ-ханъ отправился и, поѣвши однѣ сутки гнилыя деревья, пришелъ. Юноша не впускаетъ Эрликъ-хана и, опять вошедши самъ, далъ свою колотушку подержать Эрликъ-хану. Юноша передаетъ Богу: «Эрликъ-ханъ, ѣвши старыхъ людей, говоритъ, что внутренность его покрывается горечью!» Богъ теперь говоритъ: «Пусть онъ питается грудными дѣтьми!» Придя оттуда, тотъ юноша говоритъ: «Богъ говоритъ: пусть онъ питается молодыми ивовыми вѣтками!» Эрликъ-ханъ отправился, поѣлъ ивовыхъ вѣтвей и, пришедши, говоритъ мальчику: «Оттого, что я ѣлъ молодыя ивовыя вѣтки, у меня стало внутри тяжело!» Мальчикъ говоритъ: «Я войду!» Когда онъ хотѣлъ войти, Эрликъ-ханъ не впускаетъ его, хочетъ войти самъ. Тотъ мальчикъ далъ ему держать колотушку, а самъ вошелъ. Мальчикъ говоритъ Богу: «Эрликъ-ханъ говоритъ, что послѣ яденія грудныхъ дѣтей, у него стало внутри тяжело!» Богъ теперь говоритъ: «Пусть онъ ѣсть молодыхъ людей!» Придя, онъ говоритъ Эрлику-хану: «Богъ говоритъ, чтобы ты ѣлъ высохшія и отвердѣвшія, какъ хворостъ, деревья!» Эрликъ-ханъ отправился, и отправившись, однѣ сутки жевалъ хворостъ. Эрликъ-ханъ пришелъ. Давишній мальчикъ говоритъ: «Куда ты опять пришелъ?» Эрликъ-ханъ говоритъ: «Оттого, что я жевалъ хворостъ, у меня внутри стало горько, а зубы притупились!» Мальчикъ не впускаетъ Эрликъ-хана. Эрликъ-ханъ вошелъ, толкнувши того мальчика. Пришедши теперь, Эрликъ-ханъ спрашиваетъ: «Ты заставляешь жевать только верхушки деревьевъ?»—«Когда я заставлялъ жевать только верхушки деревьевъ? развѣ я не говорилъ, чтобы ты питался старыми людьми?»—«Не ври-ка!» сказалъ онъ и не даетъ Богу даже вымолвить слово. Велѣли позвать того мальчика. «Развѣ я не говорилъ, чтобы онъ питался грудными дѣтьми?» Давишній мальчикъ-докладчикъ говоритъ: «Если онъ будетъ ѣсть грудныхъ дѣтей и если высохнетъ молоко груди, то, вѣдь, тебя-же матери ихъ будутъ проклинять устами и языкомъ!»—«Развѣ я не говорилъ, чтобы онъ питался старыми людьми?» Тотъ мальчикъ говоритъ: «Я пожалѣлъ старыхъ людей!»—«Если я сказалъ, чтобы онъ ѣлъ молодыхъ людей, то почему ты не говорилъ?» Мальчикъ отвѣчаетъ: «Нѣкоторые молодые люди не жили семейною жизнью,—они станутъ плакать и рыдать, вѣдь тебя же они будутъ проклинять!» Эрликъ-ханъ теперь намѣренъ, если придется, ѣсть стараго человѣка; молодаго человѣка, если придется, тоже намѣренъ ѣсть Эрликъ-ханъ; если встрѣтится грудной младенецъ, тоже ѣсть Эрликъ-ханъ отправился къ себѣ домой подъ землю черезъ отверстіе, слѣланное тростью. Сталъ онъ ѣсть стараго человѣка, молодаго человѣка тоже ѣсть, ѣсть и грудныхъ дѣтей. Тотъ мальчикъ, будучи прогнанъ съ неба Богомъ, сталъ на землѣ учить людей, жить хорошею жизнью, вести хорошее хозяйство.

Н. Натановъ.

Приключенія муллы Насрѣ-эд-дина.

Мулла Насрѣ-эд-динъ, или, какъ обыкновенно его называютъ, *ходжа Насрѣ-эд-динъ* (*خواجه نصرالدين*), принадлежитъ къ числу любимыхъ народомъ шутовъ-проказниковъ. Полное имя его ходжа Мухаммедъ Насрѣ-эд-динъ. Авторъ приводимыхъ ниже переводовъ анекдотовъ объ этомъ ходжѣ Т. А. Иваницкій на основаніи народныхъ преданій думаетъ, что онъ жилъ во времена Аббасидскаго халифа Гарунъ-ар-рашида, нѣкоторые-же думаютъ, что ходжа Насрѣ-эд-динъ лицо, выдуманное народомъ, но ориенталисты *Charles Rieu* ¹⁾ и *Gustav Flügel* ²⁾ единогласно говорятъ, что ходжа Насрѣ-эд-динъ родился въ селеніи *سوری حصار* (Сиври-хисаръ) близъ Ангоры въ Малой Азійи и похороненъ въ *اق شهر* (Акъ-шегръ) и что онъ жилъ во времена перваго турецкаго султана *Баязида I*, царствовавшаго съ 1389 по 1403 годъ, и среднеазіятскаго государя *Тамерлана*, или, правильнѣе, Тимуръ-ленга, жившаго съ 1337 по 1405 годъ. Ходжѣ Насрѣ-эд-дину часто приписывались и приписываются остроумные и даже неприличные анекдоты, выдуманные народомъ. Анекдоты объ этомъ ходжѣ печатались какъ въ подлинникѣ на востокѣ (Тегеранѣ, Константинополѣ, Смирнѣ, Булакѣ), такъ и въ переводѣ на западѣ. Въ Казани послѣдній разъ сборникъ анекдотовъ о ходжѣ Насрѣ-эд-динѣ, содержащій въ себѣ 123 анекдота, вышелъ въ количествѣ 2400 экземпляровъ въ 1890 году и озаглавленъ *مشهور و متعارف خواجه نصرالدين لطائفی*, т. е. «анекдоты объ извѣстномъ и знаменитомъ ходжѣ Насрѣ-эд-динѣ» («Зап. Вост. Отд. Имп. Рус. Археол. Общ.» Томъ VI, стр. 394). Въ этомъ сборникѣ изъ приводимыхъ Т. А. Иваницкимъ интересныхъ анекдотовъ я нашелъ лишь нѣкоторые. Анекдотъ первый, по словамъ Т. А. Иваницкаго, циркулируетъ не только между мусульманами—персами, турками и татарами, но и между горцами Дагестана, говорящими на грузинскомъ языкѣ. Подобная этому анекдоту русская сказка заключается въ извѣстномъ сборникѣ *А. Н. Аванасьева* ³⁾, именно сказка о набитомъ дуракѣ. Въ однихъ анекдотахъ ходжа Насрѣ-эд-динъ находчивостью уподобляется русскому шуту Балакиреву, въ другихъ пошлостью русскому стихотворцу, автору многихъ неприличныхъ куплетовъ, Баркову, часто его изображаютъ дурачкомъ или юродивымъ, и нерѣдко онъ является авторомъ злыхъ стишковъ, направленныхъ противъ ученыхъ и судей. На русскомъ языкѣ о ходжѣ Насрѣ-эд-динѣ писалось очень мало, здѣсь можемъ указать между прочимъ: 1) *В. Д. Смирновъ*. «Очеркъ исторіи турецкой литературы. Спб. 1891». Стр. 31. Отдѣлъ народной литературы. 2) Газета «Казан. Телеграфъ». 1893 годъ. № 230. Статья *Тарасія Зака-*

¹⁾ Catalogue of the turkish Manuscripts in the British Museum. 1888., Стр. 152 и 224.

²⁾ Die arab., pers. und türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königl. Hofbibliothek zu Wien. II Band. 1865 Стр. 28, № 792.

³⁾ Народныя русскія сказки. Книга III. Москва 1873. Стр. 378—381. Сказки, записанныя въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ).

тальскаго подь заглавіемъ «анекдоты Кавказскихъ горцевъ-мусульманъ о муллѣ Насръ-эд-динѣ». Въ этой статьѣ о ходжѣ Насръ-эд-динѣ помѣщено 7 анекдотовъ, которые изложены въ сокращенномъ видѣ сравнительно съ нижеприведенными Т. А. Иваницкимъ анекдотами.

Казанскій сборникъ анекдотовъ о ходжѣ Насръ-эд-динѣ, будучи перепевенъ съ турецкаго языка, сохранилъ въ себѣ не мало особенностей этого языка. На турецкомъ языкѣ анекдоты о ходжѣ Насръ-эд-динѣ обыкновенно называются لطائف خواجه نصرالدین افندی, т. е. «анекдоты о господинѣ ходжѣ Насръ-эд-динѣ». Казанскій сборникъ впервые былъ напечатанъ въ 1845 (Catalogus libr. Bibl. Univers. Petropol. VI. 540), во второй разъ въ 1888 и въ третій въ 1890 году. Изъ городовъ и мѣстечекъ, посѣщенныхъ Насръ-эд-диномъ, въ послѣднемъ Казанскомъ сборникѣ между прочимъ упоминаются: 1) آق شہر Акъ-шегръ въ анекдотѣ № 25 (стр. 6) и № 38 (стр. 8); 2) سوری حصار Сиври-хисаръ въ анекдотѣ № 44 (стр. 8), № 51 (стр. 9), № 92 (стр. 16), № 106 (стр. 17) и № 118 (стр. 19); 3) دربندъ Дербендъ въ анекд. № 107 (стр. 17). Изъ историческихъ лицъ упоминается только تیمور لنگъ Тимуръ-ленгъ. Акъ-шегръ и Сиври-хисаръ и до нынѣ существуютъ въ Малой Азіи (См. стран. 80, клѣтку В. 2. «R. Andrees Handatlas. 2-te Auflage, Bielefeld. 1887»). Изъ приводимыхъ ниже анекдотовъ въ Казанскомъ сборникѣ 1890 года нѣтъ вовсе перваго, пятаго и шестаго; что-же касается остальныхъ, то они Т. А. Иваницкимъ приведены гораздо подробнѣе и полнѣе, чѣмъ въ вышеупомянутомъ сборникѣ. Анекдотъ второй въ Казанскомъ сборникѣ помѣщенъ на стр. 9, подь № 48; третій—на стр. 13, № 74; четвертый—на стр. 7, № 34; седьмой—на стр. 7, № 31. Второй анекдотъ извѣстенъ также тюркскому племени Таранчи, живущему въ Китайскихъ предѣлахъ,—въ долину р. Или; онъ записанъ извѣстнымъ тюркологомъ В. В. Радловымъ въ подлинникѣ на таранчинскомъ нарѣчій и имъ-же переведенъ на нѣмецкій языкъ (См. „В. Радловъ. Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ“. Ч. VI. Спб. 1886. Стр. 176 текстовъ и 231 переводовъ). Въ анекдотѣ третьемъ «князь», которому Насръ-эд-динъ подарилъ жареннаго гуся, по имени не названъ, тогда какъ въ Казанскомъ сборникѣ вмѣсто «князя» упоминается تیمور لنگ پادشاه, т. е. царь Тимуръ-ленгъ.

Н. Катановъ

Мулла Насръ-эд-динъ самое популярное почти во всемъ мусульманскомъ мірѣ лицо, но изъ всѣхъ мусульманскихъ народовъ къ этому муллѣ больше всѣхъ симпатію питаютъ Кавказскіе мусульмане, изъ послѣднихъ же особенно Дагестанцы, или горцы восточнаго Кавказа. Дагестанцы пріютили муллу Насръ-эд-дина у себя съ особою любовью. Назовите его любому изъ нихъ,—онъ разсмѣется и, если угодно, тотчасъ передастъ вамъ объ немъ нѣсколько анекдотовъ. Біографическія свѣдѣнія о муллѣ Насръ-эд-динѣ весьма скудны, при этомъ они мало достовѣрны и нѣсколько странны. Повѣствуютъ, что во времена Аббасидскаго халифа Эмира Гарунъ-

ар-рашида *امير هارون الرشيد*¹⁾ жилъ ученый мулла этого имени. Ученіе его подверглось осужденію, и онъ, чтобы спасти свою жизнь отъ гонителей, притворился юродивымъ. Преданіе преобразило юродиваго муллу Насръ-эд-дина въ шута, и создало про него множество забавныхъ разсказовъ. Сборникъ анекдотовъ о Муллѣ Насръ-эд-динѣ давно существуетъ на турецкомъ языкѣ. Книга эта встрѣчается и среди казанскихъ татаръ-мусульманъ подъ заглавіемъ «Ходжа Насръ-эд-динъ».

Въ данномъ случаѣ мы намѣрены познакомить читателя съ разсказами о путевыхъ и другихъ приключеніяхъ упомянутаго муллы: они напоминаютъ собою одну извѣстную русскую народную сказка объ Иванушкѣ. Вотъ эти разсказы или анекдоты.

1) Путевыя приключенія муллы Насръ-эд-дина.

Однажды мулла Насръ-эд-динъ, путешествуя, видитъ дорогою нѣсколько человѣкъ, копающихъ могилу. «Ас-салямъ алей-кумъ» *السلام علیکم* (миръ надъ вами), сказалъ онъ имъ. Могильщики подбѣжали къ муллѣ, схватили его и начали бить. «За что вы бьете меня?» спросилъ въ испугѣ Насръ-эд-динъ.—«Встрѣтивъ насъ, ты долженъ былъ поднять руки, чтобы прочесть за упокой», отвѣтили могильщики. «Я запомню это и такъ буду поступать», сказалъ Насръ-эд-динъ и отправился далѣе. Въ это время на встрѣчу ему шло нѣсколько человѣкъ, которые играли на музыкѣ и танцевали лезгинку. Мулла Насръ-эд-динъ, приблизившись къ плясунамъ, поднялъ руки и сталъ читать заупокойную молитву. Лычующіе обидѣлись на это и поколотили Насръ-эд-дина. «За что вы бьете меня?» спросилъ мулла.—«Глупецъ ты, развѣ время теперь читать за упокой? развѣ не видишь, что у насъ свадьба? вѣдь, княжескій сынъ женится! Встрѣтивъ насъ, ты долженъ былъ взять шапку подъ мышку, прыгать и плясать!» отвѣтили ему.—«Хорошо, это я буду помнить», сказалъ мулла и пошелъ далѣе. Вдругъ онъ видитъ не подалеку охотника, который только что прицѣлился въ зайца. Мулла Насръ-эд-динъ схватилъ шапку подъ мышку, сталъ прыгать, плясать, скакать и вспугнулъ зайца. Охотникъ, разсердившись, подбѣжалъ къ муллѣ и далъ ему ударъ въ затылокъ прикладомъ ружья. «Что же вы хотите, чтобы я сдѣлалъ?» спросилъ Насръ-эд-динъ.—«Снявъ шапку, ты долженъ былъ ходить на цыпочкахъ тихонько, то наклоняясь то приподымаясь», сказалъ охотникъ. Запомнивъ это, мулла Насръ-эд-динъ продолжалъ путь. Теперь онъ увидѣлъ подлѣ дороги пастуховъ со стадомъ овецъ. Снявъ шапку, мулла тихонько пошелъ по направленію къ стаду, то сгибаясь, то приподнимаясь, а такъ какъ этимъ Насръ-эд-динъ вспугнулъ овецъ, то и пастухи поколотили его. Много несчастій пришлось испытать муллѣ Насръ-эд-дину въ своемъ путешествіи.²⁾

¹⁾ Эмиръ Гарунъ-ар-рашидъ былъ 22-мъ халифомъ послѣ арабскаго пророка Мухаммеда и царствовалъ съ 786—809 г.

²⁾ Этотъ анекдотъ и слѣдующіе мы слышали въ Грузіи, на Кавказѣ, въ сел. Кахи Закатальскаго округа, отъ одного горца бывшаго до обращенія въ христіанство мусульманскимъ муллою.

2) Насръ-эд-динъ и его осель.

Однажды мулла Насръ-эд-динъ со своимъ осломъ отправился въ лѣсъ за дровами. Въ лѣсу, на краю дороги, онъ, привязавши осла, полѣзъ на дерево и началъ рубить ту самую вѣтвь, на которой самъ сидѣлъ; мулла не дорубилъ еще вѣтви до половины, какъ на дорогѣ показался прохожій, который, увидѣвъ опасное положеніе Насръ-эд-дина, закричалъ ему: «эй мулла, мулла! что ты дѣлаешь? вѣдь ты упадешь!» Мулла Насръ-эд-динъ, посмотрѣвши на него, сказалъ: «ступай своей дорогой, учишь что-ли меня, какъ рубить?»—«Клянусь Аллахомъ, ты упадешь; развѣ не видишь, какъ рубишь?»—«Да отстанись отъ меня!» возразилъ мулла, продолжая ударять топоромъ. Прохожій ушелъ, но сталъ оглядываться назадъ, желая узнать, что случится съ Насръ-эд-диномъ. Онъ не сдѣлалъ еще 10-ти шаговъ, какъ вѣтвь отрубилась и мулла Насръ-эд-динъ бухнулся на землю. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вдругъ вскочилъ, погнался за прохожимъ, догналъ его и, поклонившись ему, сказалъ: «клянусь Кораномъ, ты пророкъ: вѣдь на самомъ дѣлѣ я упалъ? пожалуйста предскажи, когда я умру; ты какъ пророкъ это будешь знать!» Чтобы избавиться отъ глупаго, прохожій шутя сказалъ ему: «ты умрешь тогда, когда твой осель 3-й разъ зареветъ». Услышавъ эти слова, мулла Насръ-эд-динъ задумчиво возвратился назадъ къ своему ослу. Вскорѣ онъ навьючилъ осла дровами и отправился въ путь. Дорога была гористая. У подошвы горы осель, почувствовавъ на себѣ большую тяжесть, вздумалъ было остановиться, но, получивъ отъ хозяина ударъ палкой, онъ заревѣлъ и пошелъ. Услышавъ 1-й ревъ осла, Насръ-эд-динъ воскликнулъ: „умеръ я до колѣнъ!“ Прошедши полъ-дороги, осель 2-й разъ заревѣлъ. «Теперь до живота умеръ!» закричалъ мулла. На вершинѣ горы осель, наконецъ, заревѣлъ и 3-й разъ. Мулла Насръ-эд-динъ упалъ на дорогу и началъ орать во все горло: «умеръ я, умеръ, умеръ!» Осель, не видя уже за собою хозяина, завернулъ въ сторону, остановился и сталъ ѣсть траву. Въ это время, откуда ни возьмись, появились волки и напали на осла. Мулла Насръ-эд-динъ, видя, что звѣри ѣдятъ его осла, хотѣлъ было встать и помочь бѣдному животному, но думая, что онъ мертвъ, началъ кричать: «ахъ, если-бы я былъ живъ, тогда показалъ-бы я вамъ, волки! теперь что же мнѣ дѣлать? кушайте, кушайте моего осла,—Аллахъ далъ его вамъ!»

3) Мулла и Князь.

Однажды мулла Насръ-эд-динъ понесъ князю въ подарокъ жаренаго гуся; но, соблазнившись дорогою, съѣлъ отъ него одну ногу. «Гдѣ же другая нога? спросилъ князь.—«У нашихъ гусей только по одной ногѣ», отвѣтилъ мулла.—«Какъ это такъ?» возразилъ князь.—«Если не вѣришь, такъ вотъ посмотри!» сказалъ мулла, указывая на гусей, только что вышедшихъ изъ воды и стоявшихъ каждый на одной ногѣ. Князь бросилъ палку, и гуси побѣжали. «А вотъ у нихъ по двѣ ноги», сказалъ князь.—«И не удивительно», отвѣтилъ мулла Насръ-эд-динъ: если бы такой палкой швырнули въ тебя, такъ у тебя, пожалуй, стало-бы четыре ноги». Князь отпустилъ его съ подарками.

4) Мулла и котель.

Однажды мулла Насръ-эд-динъ попросилъ у своего сосѣда на время большаго котла. Сосѣдъ одолжилъ ему котель. Черезъ нѣсколько дней мулла возвращаетъ хозяину большой котель, положивъ въ него еще другой, маленькій. «А это что такое?» спросилъ сосѣдъ. «Это твой котель родилъ!» отвѣтилъ Насръ-эд-динъ. Хозяинъ унесъ оба котла. Спустя нѣсколько времени мулла Насръ-эд-динъ опять попросилъ котла у сосѣда. Послѣдній съ радостью отдалъ ему его. Прошла недѣля, мѣсяць, а мулла не возвращаетъ котла. Тогда хозяинъ самъ пошелъ къ Насръ-эд-дину взять у него свой котель. «Котель умеръ!» воскликнулъ мулла. — «Какъ! развѣ котель умираетъ?» отвѣтилъ хозяинъ. — «А какъ ты думаешь? Если онъ можетъ родить, почему же не можетъ и умереть? Къ тому же онъ отъ родовъ и умеръ!» прибавилъ мулла Насръ-эд-динъ. Хозяинъ, не желая посрамиться предъ односельчанами, молча возвратился домой безъ котла.

5) Мулла Насръ-эд-динъ и его сосѣдъ.

Пришелъ сосѣдъ къ муллѣ Насръ-эд-дину и просить у него осла на время. «Осла нѣтъ дома!» сказалъ Насръ-эд-динъ. Тутъ на бѣду въ конюшнѣ сталъ ревѣть осель. «А вотъ онъ въ конюшнѣ», отвѣтилъ сосѣдъ. — «Глупецъ ты и нахаль!» крикнулъ мулла: «ослу вѣришь, а мнѣ съ бородой муллѣ не вѣришь!»

6) Мулла и мальчики.

Шелъ мулла Насръ-эд-динъ въ село. Приблизившись къ нему, онъ увидѣлъ на дорогѣ мальчиковъ, которые играли въ бабки (козны). Мулла, заранѣе зная, что, когда онъ пройдетъ мимо дѣтей, они будутъ дразнить и смѣяться надъ нимъ, придумалъ слѣдующее: торопливо подошедши къ мальчикамъ и указывая на домъ, онъ сказалъ имъ: «развѣ не знаете вы, что вонъ въ томъ домѣ устраиваются поминки? ступайте туда ѣсть!» Мальчики повѣрили муллѣ и бѣгомъ пошли въ тотъ домъ. Насръ-эд-динъ, видя бѣгущихъ дѣтей, подумалъ: «быть можетъ, такъ и есть, тамъ поминки», и самъ погнался за мальчиками.

7) Мулла и воры.

Въ одну ночь въ домъ муллы Насръ-эдина зашли воры. Мулла только что легъ въ постель и собирался спать. Испугавшись воровъ, онъ окутался въ одѣяло и притворился спящимъ, причемъ однимъ глазомъ сталъ слѣдить за страшными гостями. Воры унесли всѣ его вещи. Мулла Насръ-эд-динъ вскочилъ съ ложа и, видя, что все у него похищено, взялъ свою постель и погнался за ворами. Ночь была лунная, поэтому онъ легко узналъ ихъ. Догнавши воровъ, мулла въ нѣсколькихъ шагахъ сталъ слѣдовать за ними тихонько и молча. Тутъ онъ нечаянно споткнулся о камень. Услышавъ стукъ, воры оглянулись назадъ и съ изумленіемъ начали спрашивать хозяина, спокойно и задумчиво идущаго за ними: «эй мулла Насръ-эд-динъ, ты куда идешь?» — «Какъ это куда, развѣ не на новую квартиру мы переходимъ? чуть было тамъ у насъ постель не осталась, но вотъ я несу ее», замѣтилъ мулла Насръ-эд-динъ. Воры возвратили ему всѣ вещи.

Тарасій Званцкій.

ОБРАТНЫЙ БИЛЕТ
№ 193
В ШВЕЙЦАРИЮ И ВГД
1937 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета НА 1894 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученія изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣнью коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учреждений при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи университета

Редакторъ *Θ. Мищенко.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1894 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ
„ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ“.

Газета выходитъ въ г. Оренбургѣ три раза въ недѣлю.

Основная задача изданія — изученіе юго-восточнаго района Россіи (губерній Оренбургской, Самарской и Уфимской и областей Уральской и Тургайской) въ экономическомъ и бытовомъ отношеніяхъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: А. Е. Алекторовъ, И. Я. Атласовъ, П. А. Баратынскій, Н. И. Бутовскій, Л. А. Баратынскій, И. В. Будринъ, Ѳ. Ѳ. Гельмгольцъ, А. И. Добросмысловъ, В. Л. Дѣдловъ, Ф. А. Добросмысловъ, К. Н. Калачевъ, А. М. Михайловъ, Е. Н. Овсянниковъ, В. О. Португаловъ, Н. Полетаевъ, Г. Д. Поповъ, А. И. Тарнавскій, Н. Юрьинъ и другія.

Корреспонденты „Оренбургскаго Края“:

въ Самарѣ, Уфѣ, Уральскѣ, Бузулукѣ, Белебеѣ, Мензелинскѣ, Орскѣ, Троицкѣ, Верхнеуральскѣ, Челябинскѣ, Илецкой защитѣ, Шарлыкѣ, Покровскомъ и проч.

Подписная цѣна: для иногороднихъ подписчиковъ—за годъ 6 руб. за полгода 3 рубля.

Подписка на газету «Оренбургскій Край» и объявленія принимаются въ Оренбургѣ, въ главной конторѣ газеты, при типо-литографіи Б. А. Бреслина, по Николаевской улицѣ, въ домѣ наследн. Шошина и въ отдѣленіяхъ конторы, въ Уфѣ при книжномъ магазинѣ Блохина, Самарѣ при книжномъ магазинѣ Н. М. Федорова и Челябинскѣ при типо-литографіи Бреслина и Курчаева.

ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ газетѣ «Оренбургскій Край», отъ лицъ, фирмъ и учреждений, живущихъ или имѣющихъ свои главныя конторы или правленія внѣ Оренбургской, Саратовской, Симбирской, Казанской Нижегородской, Самарской, Уфимской и Пермской губерній, Уральской области и Азіатской Россіи, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Спиридонова и въ его отдѣленіи въ С.-Петербургѣ, на Большой Морской, № 11.

Редакторъ-издатель Н. А. Баратынскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ

ЕЖЕГОДНИКА

ТОБОЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО МУЗЕЯ,

издающагося въ г. Тобольскѣ губернскимъ музеемъ выпусками, по мѣрѣ накопленія матеріала, подъ редакціей комиссіи изъ членовъ комитета: Е. В. Кузнецова, Л. Е. Луговскаго, Н. А. Лыткина и А. А. Терновскаго,

III

подъ предсѣдательствомъ **Н. М. Богдановича**, по слѣдующей программѣ: Отчеты и протоколы засѣданій. Хроника музея. Описаніе коллекцій музея. Работы по мѣстнымъ (касающимся Тобольской губерніи) вопросамъ археологіи, этнографіи, естественныхъ наукъ, торговли, промышленности, исторіи, антропологіи, исторіи культуры, географіи, статистики, библіографіи и др. наукъ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА:

Отъ Редакціи.—Протоколъ засѣданія общаго собранія 18 апр. 1893 г. Отчетъ о дѣятельности Комитета и Правленія въ 1892 г. **Л. Луговскаго**.—Составъ Комитета въ 1892 году. — Отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ въ 1892 году.—Актъ ревизіонной комиссіи.—Отчетъ о состояніи коллекцій въ 1892 г. **Н. Лыткина**. Отчетъ о состояніи библіотеки въ 1892 г. **С. Мамѣева**. Смѣта оборота суммъ на 1893 г.—Текущая хроника музея. — Поѣздка на Сѣверный Уралъ. Съ картой и чертежомъ. (Изъ дневника). **И. Гурскаго**. Матеріалы для справочно-біографическаго словаря сибирскихъ дѣятелей. Дѣятели XVI и XVII столѣтій. Князья Шаховскіе, Щербатовы и Мосальскіе. **К. В. Газенвинкеля**.—Матеріалы для библіографіи Сибири. Указатель статей и главнѣйшихъ замѣтокъ, касающихся Сибири и помѣщенныхъ въ сибирскихъ періодическихъ изданіяхъ 1892 г (Съ алфавитнымъ указателемъ). **А. А. Терновскаго**.—Народное образованіе въ г. Ялуторовскѣ и Ялуторовскомъ округѣ. Историко-статистическій очеркъ. (Главы I и II). **Н. И. Палонженцева**. — Приложеніе. Отчетъ отряда преподавателей Красноуфимской сельско-хозяйственной школы и учениковъ Красноуфимскаго промышленнаго училища, приглашенныхъ на лѣто 1893 года въ Тобольскую губернію для мѣропріятій въ борьбѣ съ «кобылкою». **И. Н. Носова**.—Объявленія.

Подписная цѣна: для иногороднихъ съ пересылкой 1 р. 25 к., для городскихъ безъ пересылки 1 р. Подписка принимается въ г. Тобольскѣ, въ Правленіи Комитета Тобольскаго Губернскаго Музея.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1894 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ИЗДАНІЯ ГОДЪ XII).

Въ 1894 году «Самарскій Вѣстникъ», имѣя основной своей задачей разработку земско-общественно-экономическихъ и бытовыхъ вопросовъ преимущественно Самарскаго края и Волжско-Камскаго района, будетъ издаваться ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, по вновь утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ расширенной программѣ, причемъ при газетѣ, въ видѣ бесплатныхъ приложеній, разрѣшены фототипическіе исполняемые въ собственной мастерской—портреты государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также виды Поволжья, историческихъ памятниковъ и сооружений.

Подписная цѣна на газету съ приложеніями:

Въ г. Самарѣ и Самарскомъ уѣздѣ въ годъ 5 р.,—на полгода 3 р.—на одинъ мѣсяць 50 к. Съ пересылкою въ другія города и уѣзды на годъ 6 руб.—на полгода 3 р. 50 к.—на одинъ мѣсяць 50 к.

IV

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Самарѣ, Дворянская улица, домъ бывш. Бахъ.

Редакторъ-Издатель Н. К. Реутовскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1894 годъ

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ЕНИСЕЙСКІЙ ЛИСТОКЪ.“

ВЫХОДИТЪ ВЪ Г. КРАСНОЯРСКѢ ЕНИС. ГУБ. ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Статьи и очерки по мѣстнымъ вопросамъ; статьи по городскому и земскому хозяйствамъ, по сельскому хозяйству, экономическія, торговля, по фабрично-заводскому производству и горной промышленности. Дѣйствія и распоряженія правительства. Телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства». Недѣльная хроника. Судебная хроника. Торговый отдѣлъ. Справочныя свѣдѣнія. Смѣсь. Отвѣты редакціи. Фельетонъ. Романы, повѣсти, рассказы, очерки, сцены и стихотворенія. Объявленія частныя и казенныя.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на четверть года 2 руб., на одинъ мѣсяць 1 рубль.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «Енисейскаго листка», собственный домъ, Воскресенская ул.; въ Омскѣ — въ книжномъ магазинѣ Александрова; въ Томскѣ — въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина.

Редакторъ-Издатель Е. Кудрявцевъ.

годъ IV. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 Г. годъ IV.

НА ГАЗЕТУ

„СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ.“

Выходитъ два раза въ недѣлю по Четвергамъ и Воскресеньямъ.

Подписная цѣна: Съ перес. въ др. города на годъ 5 р., на полгода 2 р. 75 к., на три мѣсяца 1 р. 50 к., на одинъ мѣс. 60 к. Съ доставкой въ Тобольскѣ на годъ 4 р. 50 к., на полгода 2 р. 30 к., на три мѣс. 1 р. 50 к. на одинъ мѣс. 60 к. Безъ пер. и доставки на годъ 4 руб., на полгода 2 р., на три мѣсяца 1 р. 25 к., на одинъ мѣсяць 45 к.

Всѣмъ новымъ годовымъ подписчикамъ на 1894 годъ предоставляется, по желанію ихъ, получать бесплатно газету до конца текущаго 1893 г.

Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ могутъ получать газету по уменьшенной цѣнѣ, именно: съ пересылкой и доставкой за годъ 4 р., за полгода 2 р., безъ пересылки и доставки за годъ 3 р., за полгода 1 р. 50 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р. 50 к., 1-го марта 1 р. 50 к., 1-го мая 1 р. и 1-го сентября 1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ г. **Тобольскѣ**, въ конторѣ редакціи и библиотекѣ Суханова. Въ г. **Тюмени**, въ конторѣ Н. М. Давыдовской. Въ г. **Екатеринбургѣ**, въ книжномъ магазинѣ Бабинова. Въ г. **Томскѣ**, въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина. Въ г. **Омскѣ**, въ книжномъ магазинѣ Александрова. Въ г. **Иркутскѣ**, въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина. Въ г. **Минусинскѣ**, въ общественной библиотекѣ. Въ **Москвѣ**, у г. Чукмалдина, Мясницкая улица, д. Художеств. Музея и въ Центральной Конторѣ объявленій бывш. Л. Метцль, въ г. **Барнаулѣ**, у В. К. Штильке.

Редакторъ-издатель **А. Сыромятниковъ**.

ПОДПИСКА
НА
„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1894 году
(32-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Вступая въ 32-й годъ изданія, „Саратовскій Листокъ“ будетъ выходить при прежней редакціи и составѣ сотрудниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ **Саратовѣ**: на годъ 7 руб., 11 мѣс. 6 руб. 50 к., 10 мѣс. 6 руб., 9 мѣс. 5 руб. 50 к., 8 мѣс. 5 руб., 7 мѣс. 4 руб. 50 коп., 6 мѣс. 4 руб., 5 мѣс. 3 руб. 50 к., 4 мѣс. 3 р., 3 мѣс. 2 руб. 50 к., 2 мѣс. 2 р., 1 мѣс. 1 руб.

Съ пересылкою въ другіе города: на годъ 8 руб., 11 мѣс. 7 руб., 10 мѣс. 6 руб. 50 коп., 9 мѣс. 6 руб., 8 мѣс. 5 р. 50 к., 7 мѣс. 5 р. 6 мѣс. 4 р. 50 к., 5 мѣс. 4 руб., 4 мѣс. 3 р. 50 к., 3 мѣс. 3 руб., 2 мѣс. 2 р. 40 к. 1 мѣс. 1 р. 20 к.

За границу на годъ 14 руб.

Для облегченія возможности подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ редакція допускаетъ разсрочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ: первые вносятъ при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 руб. и 1-го мая 2 руб.; иногородные — при подпискѣ 4 руб. и 1-го мая 4 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждого мѣсяца и не далѣе конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, д. Онезорге, и въ Волъскѣ — у Ивана Федоровича Волкова.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ первые три раза 20 коп. за строку, въ послѣдующіе разы по 15 коп.; на 3-й и 4-й — первые три раза по 7 к., а послѣдующіе разы — по 5 коп. Годовыя объявленія пользуются особой уступкой. — Объявленія изъ заграницы и всѣхъ мѣстъ Россійской имперіи, кромѣ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и приволжскихъ губерній, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій бывш. Метцль, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Спиридонова. Для этихъ объявленій такса: на 1-й страницѣ 20 коп. и послѣ текста 10 коп. за строку петита.

Розничная продажа газеты по 5 коп. за экземпляръ.

Редакторы-издатели **Н. О. Лебедевъ, И. П. Горизонтовъ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

въ 1894 году.

(18-й ГОДЪ ИЗДАВІЯ).

«Саратовскій Дневникъ» въ 1894 году, будетъ въ основныхъ положеніяхъ, слѣдовать программѣ послѣднихъ лѣтъ. По прежнему, особенное вниманіе редакція обратитъ на «мѣстный отдѣлъ» газеты, т. е. на возможную полноту свѣдѣній о жизни Саратова и его области, обнимающей кромѣ саратовской смежныя части сосѣднихъ губерній и, въ особенности,—самарское Заволжье до Урала. То, что мы писали въ прошломъ году о вѣроятномъ оживленіи нашей области благодаря проведенію въ ней цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ, теперь уже отчасти осуществилось. Торговля и промышленность, особенно въ Саратовѣ, получили сильный толчекъ, выразившійся уже во многихъ новыхъ предпріятіяхъ. Продолжая начатое въ прошломъ году расширеніе мѣстнаго отдѣла, редакція направляетъ свои старанія на разработку многочисленныхъ вопросовъ, возникающихъ изъ потребностей сельско-хозяйственной, торгово-промышленной и общественной жизни края. Между прочимъ, спеціальнѣй Торговый отдѣлъ будетъ значительно увеличенъ. Какъ въ общихъ, такъ и въ спеціальныхъ вопросахъ редакція, какъ и прежде, будетъ строго разграничивать интересы большинства населенія отъ выгодъ отдѣльныхъ или случайныхъ его группъ.

Подписная цѣна съ пересылкою въ другіе города: На годъ 7 р., на 11 мѣс. 6 р. 50 к., на 10 мѣс. 6 руб., на 9 мѣс. 5 руб. 50 к., на 8 мѣс. 5 руб., на 7 мѣс. 4 руб. 50 к., на 6 мѣс. 4 руб., на 5 мѣс. 3 руб. 50 к., на 4 мѣс. 3 руб., на 3 мѣс., 2 руб. 50 к., на 2 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 1 руб.

Для облегченія возможности подписываться на годовой экземпляръ газеты редакція допускаетъ разерочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ; первые вносятъ при подпискѣ 2 р., 1-го марта 2 руб. и 1-го мая 2 руб.; иногородніе при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 р. и 1-го мая 2 р.

Подписка принимается: въ конторѣ газеты Саратовъ, Пѣмедкая д. Уфимцева. Въ г. Вольскѣ въ книжномъ магазинѣ гг. Хохрякова и Фармаковского.

Подписавшіеся послѣ 1-го ноября на годовой экземпляръ «Саратовскаго Дневника» (съ 1 янв. 1894 до 1 янв. 1895) получаютъ газету до новаго года безъ всякой приплаты.

Издатель Н. Штерцеръ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „СБОРНИКА САРАТОВСКАГО ЗЕМСТВА.“

«Сборникъ Саратовскаго Земства» имѣеть выходить въ 1894 году по прежней программѣ, утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 19 іюля 1890 года.

«Сборникъ» будетъ выходить въ каждое послѣднее число того мѣсяца, который выставленъ на его обложкѣ.

Содержаніе каждой книжки будетъ расположено въ слѣдующемъ порядкѣ.

«Сборникъ Саратовскаго Земства». I. Постановленія и распоряженія Правительства. II. Дѣятельность правительственныхъ и общественныхъ учреждений. III. Монографіи и статьи по предметамъ входящимъ въ программу «Сборника». IV. Свѣдѣнія и матеріалы. V. Извѣстія и объявленія.

Намѣчены и подготавливаются Редакціей слѣдующія статьи: Объ институтѣ земскихъ агрономическихъ смотрителей. Малкій кредитъ по проекту Земствъ. Практика Земствъ по взиманію хлѣбомъ земскихъ сборовъ и по выдачѣ ссудъ на хлѣбъ. Кустарный земскій музей и мѣры помощи кустарямъ. Хозяйство уѣздныхъ городовъ Саратовской губерніи. Народное образованіе и народное здравіе въ уѣздныхъ городахъ Саратовской губерніи. Обзоръ бюджета города Саратова сравнительно съ бюджетами другихъ большихъ городовъ Поволжья. Обзоръ земскихъ смѣтъ съ начала учрежденія Земства до настоящаго времени. Мѣры, принимавшіяся Саратовскими Уѣздными и Губернскимъ Земствами для развитія сельскаго хозяйства.

О культурѣ паровыхъ растений и ихъ вліяніе на урожаи послѣдующихъ посѣвовъ. **Н. Маклецовъ.** О вліяніи величины и состава крестьянскихъ семей на ихъ хозяйственное положеніе. **Н. Черненко.**

Результаты опытовъ орошеній и обводненій въ Саратовской губерніи и сопредѣльныхъ мѣстностяхъ въ 1892 и 1893 годахъ. **В. Круберъ** и др.

Приложенія: I. Труды Саратовскаго Губернскаго Земства: журналы, доклады, отчеты и проч. II. Свѣдѣнія и матеріалы статистическаго отдѣла Саратовской Губернской Земской Управы. III. Свѣдѣнія и матеріалы Ветеринарнаго Отдѣленія Губернской Земской Управы. IV. Свѣдѣнія и матеріалы комиссіи Губернскаго Земства по народному образованію. V. Саратовская Земская Сельскохозяйственная и Торгово-Промышленная недѣля VI Труды и отчеты мѣстныхъ ученыхъ обществъ. VII. Библиографія и библіотека книжный складъ и музей Саратовскаго Губернскаго Земства. VIII. Картограммы, діаграммы, карты и образцы. IX. Экстренныя приложенія.

Приложенія, кромѣ IX-го будутъ выпускаться и разсылаться подписчикамъ по мѣрѣ накопленія матеріала, одновременно со «Сборникомъ», приложеніе же V-е будетъ выходить изъ печати по пятницамъ; экстренныя приложенія будутъ выпускаться по мѣрѣ накопленія.

Такъ какъ, не смотря на ближайшую свою цѣль, «Сборникъ» и «Приложенія» уже въ текущемъ году представляли значительное разнообразіе, а въ предстоящемъ 1894 г. Редакція рассчитываетъ располагать еще болѣе разнообразнымъ матеріаломъ, то, дабы сдѣлать «Сборникъ», не смотря на значительные расходы по изданію его, болѣе доступнымъ для лицъ, интересующихся имъ въ полномъ составѣ или лишь въ отдѣльныхъ частяхъ его, открыты особыя подписки: А—на «Сборникъ» безъ приложеній, Б—на «Сборникъ» съ нѣкоторыми лишь приложеніями и В—на «Сборникъ» со всѣми приложеніями.

VIII

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.		На $\frac{1}{2}$ года.		На $\frac{1}{4}$ года.		На 1 мѣс.									
	Безъ перес.	Съ перес. и дост. въ Сар.	Безъ перес.	Съ перес. и дост. въ Сар.	Безъ перес.	Съ пересыл.	Безъ перес.	Съ пересыл.								
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.								
А. За «сборникъ» безъ приложеній.	3	60	4	—	1	80	2	—	—	90	1	—	—	31	—	35
Б. За постоянныя приложенія къ общей цѣнѣ на «Сборникъ» прибавляется:																
1. За I приложеніе «Труды Саратовскаго Губернскаго Земства» журналы, доклады, отчеты и пр	1	80	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	90	1	—
2. За еженедѣльное V-е прил.	2	70	3	—	1	35	2	—	1	10	1	20	—	45	—	50
3. За остальные ежемѣсячныя приложенія	1	80	2	—	1	—	1	—	—	90	1	—	—	27	—	30
В. За «Сборникъ» со всѣми приложеніями.	8	—	9	—	5	40	6	—	3	60	4	—	1	35	1	50

Цѣна экстреннымъ приложеніямъ будетъ опредѣляться каждый разъ особо о чемъ будетъ публиковаться заблаговременно.

Подписка на приложенія безъ «Сборника» не принимается и розничная продажа приложеній не производится.

Гг. Земскимъ Начальникамъ и прочимъ должностнымъ лицамъ, извѣстнымъ Редакціи, допускается разсрочка подписной платы по полугодіямъ и четвертямъ года, при условіи уплаты каждый годъ впередъ, безъ увеличенія подписной цѣны.

Для волостныхъ Правленій годовая подписная цѣна съ пересылкой установлена:

За «Сборникъ» безъ приложеній 3 руб., съ I-мъ приложеніемъ 4 руб., съ V-мъ приложеніемъ 4 руб., съ остальными, кромѣ экстренныхъ приложеній 4 руб., со всѣми приложеніями, кромѣ экстренныхъ 6 руб.

Цѣна объявленій впереди «Сборника» по 15 к. за строку не мельче пицера въ 60 буквъ, считая 40 строкъ въ страницѣ; въ концѣ «Сборника» по 10 коп. за ту же строку. Объявленія въ приложеніяхъ по той же цѣнѣ.

При повтореніи объявленій значительная уступка.

Адресъ Редакціи: Саратовъ, Губернская Земская Управа.

Отвѣтственный Редакторъ Предсѣдатель Губернской Земской Управы В. Безобразовъ.

IX

годъ XVI.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ XVI.

на 1894 годъ

(шестнадцатый годъ изданія)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНАОУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ.“

(50 №№ въ годъ)

ВЫХОДИТЬ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

Подписная цѣна: На годъ 6 руб., на полгода 3 руб. 50 коп.

Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету по уменьшенной цѣнѣ, а именно: за годъ 4 руб., за полгода 2 руб. 50 коп.

Газета въ 1894 году будетъ вестись по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же лицъ, какъ и въ прошломъ году.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ, (Вознесенскій пр., д. № 44).

Редакторъ-издатель А. М. Симоновъ.

Редакторъ П. Н. Галинъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1894 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студеческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканіи наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертации.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами — критико-библиографическимъ, посвященнымъ критическому обзорѣю выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и на ученой хроникѣ заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1894 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжокъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Г.г. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Иконниковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ НА
ежемѣсячный, литературно-научный и политическій журналъ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

Въ 1893 г. въ «СѢв. Вѣст.» было между прочимъ напечатано: «Суратская кофейня» гр. Льва Толстого, «Пустоплясы» разск. Н. Лѣкова, «Мечтатель» разск. въ стих. Я. Полонскаго, «Семейный очагъ» ром. К. Баранцевича, «Али» разск. П. Боборыкина, «Царевна Нанджана» ск. Кота Мурлыки, «Въ слободкѣ» разск. Ольги Шапиръ, «Семейная исторія» пов. И. Потапенко, «Конецъ Бирюковской дачи» разск. А. Михайлова (Шеллера), «Въ облакахъ» пов. В. Каренина, «Порученіе» пов. Л. Гуревичъ; статьи: «Недѣланіе» гр. Льва Толстого, «Книгоноши и Офени» А. Пругавина, «О вліяніи музыки» проф. И. Тарханова, «женщина-преступница» проф. И. Фойницкаго, «Общественныя доктрины»

прошлаго вѣка» проф. М. Ковалевскаго, «Письма великаго человѣка» В. Стасова, «Жизнь художника 60-хъ годовъ» Н. Ге, «Нищенство на Руси» Л. Весина, «О притворныхъ болѣзняхъ у дѣтей» д-ра Якубовича, «Гюи-де-Мопассанъ» проф. Л. Шенелевича, «О женщинахъ врачахъ и женскихъ врачебныхъ курсахъ» д-ра Герценштейна, «Наука, философія и религія» А. Вольнскаго, «Современныя нервныя болѣзни нашего общества» проф. И. Ковалевскаго, «Вѣдинскій» А. Вольнскаго, «Факторы преступности» проф. Н. Фойницкаго, «Волга и Волгари» А. Субботина и мн. друг. Кромѣ того печатались въ теченіе всего года:

ЗАПИСКИ А. О. СМІРНОВОЙ:

(Изъ записныхъ книжекъ 1825—1845 г.). Литературный кружокъ при дворѣ Николая Павловича. Бесѣды Государя, Пушкина, Жуковскаго, Вяземскаго, Гоголя, Лермонтова, Глинки и др.

Новымъ подписчикамъ на 1894 г. будетъ разслана безплатно напечат. въ 1893 г. I ч. Записокъ Смирновой въ видѣ отдѣльнаго изданія съ портретомъ А. О. Смирновой, художественно исполненнымъ въ Парижѣ.

Ежемѣсячныя отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной и земскій отдѣлы, 2) Провинціальная печать Л. Прозорова, 3) Новыя книги, 4) Письма: изъ Америки В. Магъ-Гаханъ, изъ Франціи, изъ Италіи, изъ Англіи, 5) Внутреннее обозрѣніе, 6) Политическая лѣтопись, 7) Театръ, 8) Литературныя замѣтки. А. Вольнскаго.

Условія подписки: Безъ доставки въ Сиб. конторѣ журнала на годъ 12 р., на полгода 6 р., на три мѣсяца 3 р. Безъ доставки въ Москвѣ въ конт. Печковской и магаз. Карбасникова на годъ 12 р. 50 к., на полгода 6 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р. 50 к. Съ доставкой въ Сиб. на годъ 12 р. 50 к., на полгода 6 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р. 50 к. Съ пересылкой въ Имперіи на годъ 13 р. 50 к. на полгода 7 руб., на три мѣсяца 3 р. 50 к. Заграницей на годъ 15 р., на полгода 8 р., на три мѣсяца 4 р.

Допускается разсрочка годовой цѣны на журналъ и подписка по полугодіямъ и по четвертямъ года безъ повышенія годовой цѣны. Для служащихъ помѣсячная разсрочка за ручательствомъ казначеевъ. Для учащихся и учащихся льготныя условія по соглашенію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ журнала, Сиб. Троицкая ул., 9 и въ москов. отдѣл. Москва, Тверская д. Сазикова, а также въ книж. магаз. Фену и К°, Сиб., Невскій 40. Въ Москвѣ въ конт. Н. Печковской. Петровскія линіи; а также въ книж. магаз. Н. П. Карбасникова въ Сиб., Москвѣ, Варшавѣ. Въ книж. магаз. Новаго Времени въ Сиб., Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ; — Н. Я. Оглобина въ Кіевѣ; — Н. Я. Башмакова въ Казани, и въ друг. книжныхъ магазинахъ.

Издательница Л. Гуревичъ.

Редакторъ М. Альбовъ.

Открыта подписка на 1894 годъ

на общественную, литературную и политическую газету

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

выходящую въ г. Казани ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, кромѣ дней, слѣдующихъ за большими праздниками.

При журналѣ „Православный Собесѣдникъ“ издаются

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

выходяція два раза въ мѣсяцъ, нумерами по 2 печатныхъ листа въ каждомъ убористаго шрифта.

Причты Казанской епархіи, выписывающіе «Православный Собесѣдникъ», получаютъ за ту же цѣну и «Извѣстія», съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна «ИЗВѢСТІЙ» для мѣсть и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ, за оба изданія вмѣстѣ десять руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи, въ Казани.

ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ НА

„КАЗАНСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Въ городѣ безъ доставки на 12 мѣс. 6 руб. 25 к., на 11 мѣс. 5 р. 75 к., на 10 мѣс. 5 р. 25 к., на 9 мѣс. 4 р. 75 к., на 8 мѣс. 4 р. 25 к., на 7 мѣс. 3 р. 75 к., на 6 мѣс. 3 р. 25 к., на 5 мѣс. 2 р. 75 к., на 4 мѣс. 2 р. 25 к., на 3 мѣс. 1 р. 75 к., на 2 мѣс. 1 р. 20 к. на 1 мѣс. 60 к. Съ дост. въ городѣ на 12 мѣс. 7 р., на 11 мѣс. 6 р. 50 к., на 10 мѣс. 6 р., на 9 мѣс. 5 р. 50 к., на 8 мѣс. 5 р., на 7 мѣс. 4 р. 50 к., на 6 мѣс. 4 р. на 5 мѣс. 3 р. 50 к., на 4 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 р. 25 к., на 2 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к. Съ перес. въ друг. города на 12 мѣс. 9 р., на 11 мѣс. 8 р. 50 к., на 10 мѣс. 8 р., на 9 мѣс. 7 р. 25 к., на 8 мѣс. 6 р. 50 к., на 7 мѣс. 5 р. 75 к., на 6 мѣс. 5 р., на 5 мѣс. 4 р. 25 к., на 4 мѣс. 3 руб. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 75 к., на 2 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 1 руб.

Приемъ объявленій: за строку петита на 1-й стр. 20 к., на 4-й стр. для город. 10 и 5 к. Смотря по роду объявленій.

Отдѣльные номера продаются по 5 коп.

Подписка принимается только съ 1 числа каждаго мѣс.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа подп. денегъ.

Редакторъ Н. Ильяшенко.

